

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXIV.

1904 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Анц. Общ. Н. Т. Горчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

О т д ѣ л ь I.

I. ПРИХОДСКІЯ ШКОЛЫ ВЪ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ И ПРИЧИНЫ ИХЪ УНИЧТОЖЕНІЯ. <i>И. Ф. Павловскаго.</i>	1—40
II. КАКАЯ РОЛЬ „ВОЗЬНОГО“ ВЪ „НАТАЛКЪ-ПОЛЪ ТАВКЪ“? <i>А. Русова.</i>	41—64
III. ОМЕЛЬКО ПАЦЮКЪ НА КУРОРТИ. (Оповидання). <i>Богдана Степанця</i>	65—122
IV. ПОЭЗІЯ Н. Ѳ. ЧЕРНЯВСКАГО. <i>Н. Ѳ. С.</i>	123—134
V. СЕЛО КУРЕНЬ И ЕГО СТАРИНА. Діакона <i>И. Егорова.</i>	135—140
VI. ТОРЖЕСТВО УКРАИНСКОЙ ПѢСНИ. <i>С. Ефремова</i>	141—155

О т д ѣ л ь II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Просьба подполковника Пугачевского о перемѣнѣ его фамилии. Сообщ. <i>И. Ф. Павловскій</i> ; б) Современная переписка о землетрясеніи въ Малороссіи 14 окт. 1802 года. Сообщ. <i>И. Ф. Павловскій</i> ; в) Два письма гр. Румянцева-Задунайскаго къ кievскому оберъ-коменданту Я. В. Ельчанинову; г) Изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. <i>А. Мёрдеръ</i> ; д) Музей И. П. Котляревскаго; е) Письмо въ редакцію <i>Д. И. Эварницкаго</i> ; ж) Колядки. Сообщ. <i>А. Гречачевскій</i> ; з) Къ юбилею Н. В. Лисенка	1—14 14—26
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Отчетъ „Благотворительнаго Общества изданія общепольныхъ и дешевыхъ книгъ“. <i>В. Поточнаго</i> ; б) Підеша. Восток і Запад. Повість. <i>В. Д.</i> ; в) 1. Григорій Цеглииський. Кара совісти. Народни драма въ V діяхъ, и 2. Олекса Бобикевич. „Настоящі“. Комедія в одній діі. <i>В. Д.</i> ; г) А. Л. Суходольскій. „Помста“, або „Загублена доля“, драма въ 4 діяхъ и „Хмара“, др. въ 5 діяхъ. <i>В. Д.</i> ; д) Обзоръ журналовъ конца прошлаго и начала текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журиальныхъ статьяхъ	27—48
III. ПРИЛОЖЕНІЕ: Библиографическій указатель музыкальной и литературной дѣятельности Н. В. Лисенка. (1868—1903 гг.). <i>Сост. М. Комаровъ</i>	1—25

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXIV.

1904 г.

Я Н В А Р Ъ.

К І Е В Ъ

Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская. № 6.

1904

Дозволено Цензурою, Київъ 23 декабря 1903 г.

Приходскія школы въ старой Малороссіи и причи- чины ихъ уничтоженія

Въ 1802 году въ Россіи учреждено министерство народнаго просвѣщенія, начавшее свою дѣятельность съ составленія программы, или «предварительныхъ правилъ», утвержденныхъ 24 января, 1803 года. Этой программой, какъ извѣстно, было установлено четыре типа школъ: а) училища приходскія, б) уѣздныя, в) губернскія, или гимназіи и г) университеты. Послѣдніе три рода учебныхъ заведеній, хотя и въ весьма ограниченномъ числѣ, существовали въ имперіи и до того времени. Что же касается до приходскихъ училищъ, назначавшихся для сельскаго населенія, то въ ихъ учрежденіи впервые выразилась правительственная заботливость о ~~насажденіи~~ насажденіи въ Россіи собственно народнаго образованія. Означеннымъ министерскими правилами предписывалось въ каждомъ приходѣ имѣть приходское училище или, въ крайнемъ случаѣ, два смежныхъ прихода должны имѣть одну общую школу. Если такія школы устраивались въ казенныхъ селеніяхъ, то наблюденіе надъ ними поручалось приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ гражданъ; въ помѣщичьихъ же селеніяхъ учрежденіе приходскихъ школъ предоставлялось, какъ сказано въ 4 пунктѣ «правилъ», «просвѣщенной и благонамѣренной попечительности самихъ помѣщиковъ». Общій же надзоръ за этими школами, главнымъ образомъ за учебною частью, возлагался на смотрителя мѣстнаго уѣзднаго училища. Согласно § 8,

эти смотрители должны были располагать помещиковъ къ оказанію пособій школамъ въ ихъ имѣніяхъ и въ нужныхъ случаяхъ могли обращаться за содѣйствіемъ по этому предмету къ уѣзднымъ предводителямъ дворянства. Вообще въ «правилахъ» нѣтъ опредѣленныхъ указаній, на какія именно средства предполагалось завести приходскія училища; по пункту же 42, рѣшеніе этого вопроса «предоставлялось учинить впредь по соображеніи мѣстныхъ обстоятельствъ и удобностей».

Въ приходскихъ училищахъ дѣти должны были обучаться чтенію, письму и первымъ дѣйствіямъ по ариѳметикѣ; кромѣ того, требовалось «наставлять учениковъ въ главныхъ началахъ закона Божія, въ благоправіи, въ обязанностяхъ къ государю, начальству и ближнему, и вообще простымъ, яснымъ и состоянію учащихся соотвѣственнымъ образомъ стараться дать имъ правильное понятіе о вещахъ».

Такъ какъ опредѣленный контингентъ учителей для этихъ школъ пока еще отсутствовалъ, то министерству не оставалось иного выхода, какъ привлечь къ народному учительству единственно пригодный для того классъ — духовенство. Помимо того, что приходскимъ священникамъ поручено было ближайшее наблюденіе за вновь учрежденными школами, «предварительныя правила» прямо признавали желательнымъ, чтобы священники и церковно-служители сами исправляли учительскую должность, «толь соотвѣтственную ихъ званію, о чемъ святѣйшій синодъ и долженъ пенцись», чтобы въ непродолжительномъ времени «сіе произведено было въ дѣйствіе безъ малѣйшаго отягощенія какъ для священниковъ, такъ и прихожанъ».

Такъ предполагалось организовать начальное обученіе при первомъ министрѣ народнаго просвѣщенія, графѣ П. В. Завадовскомъ, по инициативѣ котораго и были составлены означенныя «правила». Само собою разумѣется, что этотъ утопическій планъ повсемѣстнаго учрежденія въ имперіи приходскихъ школъ безъ всякихъ затратъ со стороны государства, безъ опредѣленныхъ учителей, въ расчетѣ на самодѣятельность прихожанъ, «благодѣтельную попечительность» помещиковъ и да-

ровой трудъ приходскаго духовенства, заранѣе обреченъ былъ на полное фіаско, какъ это случилось на самомъ дѣлѣ. Но то былъ вѣкъ сентиментализма не только въ литературѣ, но и въ политикѣ, когда вѣрили въ магическую силу гуманныхъ принциповъ, провозглашаемыхъ съ высоты трона, когда даже такой сложный политико-соціальный вопросъ, какъ уничтоженіе крѣпостного права, мечтали разрѣшить посредствомъ призыва къ просвѣщенной благонамѣренности помѣщиковъ въ надеждѣ, что они изъ чувства человѣколюбія станутъ отпустить на волю своихъ крестьянъ¹⁾. Точно также и въ дѣлѣ образованія народныхъ массъ правительство полагало, что достаточно его призыва къ этому общеплезному дѣлу, и тѣ же помѣщики станутъ устраивать школы для своихъ крѣпостныхъ, а духовенство, не откажется безвозмездно взять на себя трудъ учительства.

Къ числу такихъ благородныхъ мечтателей-идеалистовъ принадлежалъ тогдашній малороссійскій генераль-губернаторъ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, человѣкъ весьма просвѣщенный, одинъ изъ видныхъ дѣятелей масонскаго движенія, гонимый за то при Екатеринѣ II и реабилитованный лишь императоромъ Павломъ I. Поставленный въ 1802 г. во главѣ управленія двумя малороссійскими губерніями (полтавской и черниговской), князь Куракинъ оказался заботливымъ, справедливымъ и просвѣщеннымъ администраторомъ и въ короткое время приобрѣлъ всеобщее расположеніе въ краѣ и вполне заслужилъ тѣ простодушныя похвалы, какими осыпалъ его авторъ «Энеиды», И. П. Котляревскій въ известной малороссійской «Одѣ». Все, что хлопилось къ культурному развитію и благосостоянію управляемыхъ имъ губерній—заботы о шелководствѣ и садоводствѣ, о разысканіяхъ каменнаго угля, ртутной руды, минеральныхъ источниковъ, о раз-

¹⁾ Такіе примѣры бывали изрѣдка. Въ 1811 г. полтавскій помѣщикъ Сахновскій далъ вольную своимъ крѣпостнымъ, за что высочайше былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3 ст., который повелѣно было генераль-губернатору вручить ему, при особомъ рескриптѣ, въ собраніи дворянъ.

работѣ торфа и т. под.,—все это неизмѣнно встрѣчало въ просвѣщенномъ генераль-губернаторѣ живѣйшій интересъ и энергичную поддержку и покровительство ¹⁾). Тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ онъ долженъ былъ отозваться на призывъ правительства о содѣйствіи дѣлу народнаго образованія.

Не входя въ критическую оцѣнку того, насколько осуществимъ планъ министерства относительно созданія изъ ничего цѣлыхъ тысячъ приходскихъ школъ, кн. Куракинъ, со свойственнымъ ему увлеченіемъ и настойчивостью, занялся этимъ дѣломъ, какъ предметомъ первостепенной важности, всѣми мѣрами побуждалъ къ тому дворянъ, чиновниковъ, духовенство, требовалъ усерднаго содѣйствія со стороны подвѣдомыхъ ему лицъ и учреждений и встрѣчая на каждомъ шагѣ препятствія, не опускалъ рукъ даже и въ то время, когда самъ министр П. В. Завадовскій пришелъ къ печальному заключенію относительно преждевременности задуманнаго имъ дѣла. Эти благородныя усилія друга просвѣщенія, независимо отъ достигнутыхъ результатовъ, сами по себѣ заслуживаютъ того, чтобы отмѣтить ихъ въ исторіи края, что и составляетъ предметъ настоящаго очерка, составленнаго на основаніи новыхъ матерьяловъ, извлеченныхъ нами изъ архива полтавскаго губернскаго правленія.

I.

Надобно замѣтить, что для Малороссіи вопросъ о народныхъ школахъ вовсе не являлся новостью, какъ для иныхъ частей имперіи. Приходскія училища, о заведеніи которыхъ хлопотало теперь министерство, повсемѣстно существовали еще въ XVIII вѣкѣ; по имѣющимся за 1740—48 гг. статистическимъ даннымъ видно, что почти въ каждомъ городскомъ и сельскомъ

¹⁾ См. рядъ нашихъ замѣтокъ въ «Кіев. Старинѣ» въ X, XI и XII книгахъ за 1901 г., а также «Полтава въ началѣ XIX столѣтія» въ «Кіев. Стар.» 1902 г. и отдѣльно.

приходѣ находилась отдѣльная школа. Ни гетманское правитель-ство, ни епархіальныя власти не участвовали въ созданіи этихъ скромныхъ разсадниковъ грамотности и кое-какого образованія: они были созданы самымъ ходомъ культурной жизни страны, подъ вліяніемъ просвѣтительнаго движенія, начатаго церковными братствами еще въ эпоху борьбы за вѣру и народность и затѣмъ поддерживаемаго образовательнымъ вліяніемъ высшаго училища въ краѣ—кіевской академіи.

Ревизскія полковныя книги первой половины XVIII в. показываютъ, что въ 1740—48 г. въ семи полкахъ старой Малорос-сіи было 866 школъ и онѣ распредѣлялись слѣд. образомъ: въ пѣжинскомъ полку было 217, въ дубенскомъ 172, въ чер-ниговскомъ 154, въ переяславскомъ—119, въ полтавскомъ—98, въ прилудскомъ 69 и въ миргородскомъ 37. О полкахъ—стародуб-скомъ, кіевскомъ и гадячскомъ свѣдѣнія утеряны, а Украина лѣваго берега Днѣпра раздѣлена была, какъ извѣстно, на 10 полковъ. Всѣхъ городовъ въ 7 поименованныхъ полкахъ было 35, мѣстечекъ 61, сель 792, деревень 206 и слободокъ 11.

Сопоставляя эти данныя съ числомъ школъ, нельзя не ви-дѣть, что почти во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, гдѣ были приходы, были и школы¹⁾. Приходы встарину были ма-лолюднѣе нынѣшнихъ и потому пропорціональное отношеніе то-гдашнихъ школъ къ числу населенія едва ли не было болѣе бла-гоприятнымъ, чѣмъ такое отношеніе нынѣшнихъ земскихъ и даже церковно-приходскихъ школъ²⁾. Въ Слободской Украинѣ (съ 1835 г.—харьковская губ.) были также школы, по много меньше. По переписи 1732 г. упоминаются слѣд. школы: около Харькова, въ Куряжѣ, при соборной церкви двѣ школы, изъ которой въ одной было три паставника; въ самомъ Харьковѣ при Троицкомъ храмѣ, кромѣ богадѣльни, была школа съ 7 учителями; въ селѣ

1) А. Лазаревскій. Школы въ XVIII в. Основа, 1862, май 82—89 стр.

2) О. Левицкій. Очерки нар. жизни въ Малороссіи, стр. 280.

Дергачахъ--школа и шпиталь, а также въ селахъ Новой Водолаги, Рогозянкахъ etc. Всѣхъ школъ было 45. Школы въ Малороссіи находились при церквяхъ и назывались именемъ того праздника или святого, которому посвящена мѣстная церковь; напр. нѣжинскія школы именовались: покровскою, успенскою, святоникольскою и т. д. Строился храмъ, и при немъ строилась изба, называемая «школой», гдѣ обыкновенно жилъ дьячокъ, «папъ-дикъ», какъ его называли прихожае. Въ XVIII вѣкѣ причтъ церковный состоялъ изъ священника и дьяка; пономарей не было до введенія штатовъ, а дьяконы были рѣдки. Пономарскія обязанности исполняли «школяры и молодики», обучавшіеся и обучавшіе въ школѣ. Дьякомъ въ то время могъ быть всякій, не было надобности принадлежать къ духовному званію, что сдѣлалось обязательнымъ лишь со времени введенія въ Малороссіи церковныхъ штатовъ въ 1786 году, точно опредѣлившихъ число причетниковъ при каждой церкви. Дьякъ избирался приходомъ, громадой, за «добрый гласъ»; за знаніе церковной службы и за умѣнье вести службу «благолѣпно и благочинно». Къ этому папудьяку общество предъявляло и педагогическія требованія; онъ долженъ былъ умѣть преподавать въ школѣ, и потому его называли «панъ бакаляръ», а какъ начальникъ школы онъ именовался «папъ-директоръ». На основаніи древняго обычая южно-русскихъ причтовъ готовить для своей церкви служителей, изъ которыхъ выходили дьячки и потомъ священники, въ Малороссіи въ XVIII в. при каждой приходской церкви обучались мальчики, по преимуществу сироты, безпріютные, которымъ и поручали разныя обязанности при богослуженіи. Эти школьники жили въ церковныхъ домахъ и помогали дьячку въ церкви и при совершеніи утребъ. Вмѣстѣ съ дьякомъ, они принимали участіе въ колядованіи, въ пѣніи духовныхъ гимновъ, вршгъ и т. д. Старшій изъ нихъ назывался «подьячимъ», т. е. помощникомъ дьяка, другіе назывались клиросниками, псаломщиками. Изъ нихъ и избирались настоящіе дьяки. Многимъ приходилось оставаться въ званіи «школьниковъ и молодиковъ» до весьма почтеннаго возраста, на что указываетъ вѣдомость города Прилукъ за 1765 годъ.

Въ этой вѣдомости приведенъ списокъ мѣстныхъ школьниковъ. Оказывается, что въ 4 приходскихъ школахъ ихъ было 18, по возрасту же они распредѣлялись такъ: 6 изъ нихъ имѣли отъ 12 до 20 лѣтъ, четыре отъ 20 до 30 л. и 8 отъ 30 до 39 лѣтъ. Изъ этихъ школъ выходили не одни церковно-служители, но и вообще грамотные люди, достигавшіе впоследствии виднаго общественнаго положенія. Таковъ былъ, напр., извѣстный Петрикъ, претендовавшій на гетманское достоинство. Когда онъ въ 1692 году поступилъ съ ордой и запорожцами къ границамъ полтавскаго полка, то Мазепа отправилъ къ нему укорительное письмо, въ которомъ говорилось: «всѣ мы знаемъ, же батько твой жебракъ (нищій) есть, въ городъ нашемъ въ Полтавѣ мешкалъ, а ты, въ школѣ, межъ нищими валяючися и по-подъ окнами нашими ходячи, округками выкормился» ¹⁾. Петрикъ точно былъ воспитанникомъ одной изъ полтавскихъ школъ, гдѣ онъ пастолько «выпольборовался», т. е. образовался, что могъ занять должность старшаго канцеляриста въ генеральной канцеляріи. «Школьнии выростки», или «молодики», какъ ихъ называли, не были только учениками школы, но и сами занимались обученіемъ. Если это имъ надоѣдало, то они бросали обученіе и принимались за другое. «Это была нищія, убогая братія»—говоритъ О. И. Левицкій,—способная даже на воровство, и если у кого-либо изъ нихъ оказывались сколько-нибудь значительныя деньги, то это возбуждало недобрый подозрѣнія. Учились ли и сами эти «выростки школьнии» чему-нибудь, трудно сказать; если и учились, то развѣ дьячковскому искусству подъ руководствомъ «дидакакала», который, конечно, былъ опытнымъ псаломщикомъ ²⁾. Это была вольная артель особаго рода ремесленниковъ, промышленявшихъ учительствомъ и дьячковствомъ. Ихъ называли «мандроваными дяками», т. е. странствующими. Сохранилась автобіографія одного изъ такихъ дяковъ—Иліи Турчиновскаго. Его странствованіе напол-

¹⁾ Лѣтопись Величка, т. III, стр. 114.

²⁾ О. Левицкій: „Очеркъ народной жизни въ Малороссіи въ XVII ст., стр. 286.

нено приключеніями и прекрасно характеризуетъ этотъ интересный типъ страстующаго учителя и вмѣстѣ церковника. Жизнь этого мадрованнаго дьяка рисуешь намъ правы и быть тогдашнихъ дьяковъ, вообще отличавшихся, по словамъ П. И. Житецкаго, «продерзостью и отвагой, управляемой голодомъ, и выносливостью въ испытаніяхъ всякаго рода»¹⁾.

Такова была старинная малорусская школа и ея оригинальные «дидаскалы». По мнѣнію О. И. Левичкаго, этотъ своеобразный типъ школы заимствованъ съ Запада: нѣмецкіе *vagi scholares*, бокхашты и польскіе *gubaŃty*—это тѣ же наши «мадрованные дьяки»²⁾. Такая школа могла возникнуть и существовать, прежде всего, благодаря тому, что въ Малороссіи существовало выборное начало въ замѣщеніи церковныхъ должностей и отношеніе между священно-церковнослужителями и приходомъ опредѣлялось договоромъ. Была и другая причина, благспріятствовавшая существованію «мадрованныхъ дьяковъ». Это право свободнаго передвиженія, которыми пользовались все классы населенія въ Малороссіи, начиная отъ высшаго и кончая подданными, т. е. послолнтыми крестьянами³⁾.

Этихъ мадрованныхъ дьяковъ называли въ насмѣшку «ниворѣзами». Получили они это названіе, какъ надо думать, отъ пристрастія къ ниву. П. И. Житецкій приводитъ интересные отрывки изъ одной интерлюдіи XVIII ст., рисующей этихъ дьяковъ-ниворѣзовъ. Интерлюдія начинается монологомъ одного ниворѣза, раздумывающаго, куда бы ему отправиться: въ Березну, или въ Коронь. Въ Коронь его хорошо знаютъ и будутъ рады его появленію. Въ эту минуту является другой ниворѣзь, и вотъ между ними завязывается разговоръ:

1) Автобіографія Турчиновскаго напечатана въ „Кіев. Старинѣ“ 1885 г. февраль. См. также книгу П. И. Житецкаго—„Мысли о думкахъ“, стр. 46—48.

2) «Очерки народной жизни въ Малороссіи», стр. 287.

3) Харьков. календарь; разборъ проф. Багалъя «Кіев. Старина», 1885 г., мартъ, 552—558 стр.

Якъ колись на мѣсцѣ бували,
 То до мене всѣ странни въ школу приходжали.
 Ми, бувало, всего по достатку маемъ,
 И хто прійдетъ къ намъ въ школу, любезно
 вгощаемъ.

Веліе бѣше число у насъ горѣлицѣ,
 Полни чванцы текущи зъ-подъ трубною криницы;
 И всего, слава Богу, бѣше по достатку,
 Що у людей, то и въ насъ—всякого статку;
 Да и теперъ богати: маемъ воли и телицы,
 Иже кунно мадрують по стѣнѣ къ трубиницѣ».

— Не хвалѣтесь,—отвѣчаєть своему собрату первый пиворѣзь:

« бо и мы блонциного роду,¹
 Маемо по достатку и великого плоду
 Довольствуемъ же зѣло, что хлѣба пѣ куса,
 Все ходячи по нколѣ справляемо труса,
 Потрясны кучерамы, да спаты лѣгаемъ,
 А уставши раненко, бражку подчиваемъ».

Далѣе эти пиворѣзы спрашиваютъ другъ у друга, куда кто идетъ. Первый заявляетъ, что хотѣлъ бы пойти въ Березну, но боится, и объясняетъ почему:

« бо построивъ штуки,
 Такъ щобъ не попастася протопиѣ въ руки».

Оба порѣшили идти вмѣстѣ въ Коронь, но задумали прежде снять портреты другъ съ друга. Въ это время къ нимъ приходитъ мужикъ, пожелавшій также, чтобы и съ него сняли портретъ.

« Добрѣ, мы служить охочѣ,
 Отмалюемъ усіого, только зашпоць очи.

Мужикъ повиновался, и пиворѣзы размалевали ему все лицо; при чемъ одинъ изъ нихъ сожалѣлъ, что мужику

« не залѣпивъ рта:

Якъ гѣйде до громады да войту искаже,

То й намъ кіями китторь пекарню помаже ¹⁾.

Но среди этихъ безпашныхъ скитальцевъ, прожигателей жизни, попадались и такіе, которые, вмѣстѣ съ семинаристами, приглашались въ дома зажиточнаго шляхетства, въ качествѣ домашнихъ паставниковъ. Состоя «на кондѣціи», они назывались инспекторами. Желавшій получить такого паставника обращался обыкновенно къ архіерею и при этомъ опредѣлялъ свои требованія и условія, на какихъ желалъ имѣть паставника. «Ваше преосвященство—писалъ одинъ изъ такихъ просителей: мнѣ нуженъ учитель учить дѣтей грамматикѣ, риторикѣ, поэзіи; жаловалъ ему десять или пятнадцать рублей и одежда» ²⁾.

Чему же учили въ старинной приходской школѣ? Обученіе обыкновенно начиналось съ «граматки»—букваря и затѣмъ изучали часословъ, псалтырь—двѣ основныхъ богослужебныхъ книги, учили также и письму. Вотъ вся программа этой школы. Букварю учили съ указкой и иногда нагляднымъ способомъ. «Учили, рассказываетъ Крыжановскій, съ указкой и надо было викрикивать: Азь, Буки, Вѣди, Глаголь и т. д. Придумывали и позы для изображенія буквъ. Дьячекъ подбоченится, выпрямится—стать Ферть; подниметь руки вверхъ,—выходить Иси, опустить ихъ—это Ща; протяпеть одну руку вверхъ, другую внизъ на откосъ—вотъ и Хѣрь; опустить руки, разставить ноги—вотъ и Люди». Наглядность эта такъ занимала учениковъ, что она служила и дома для нихъ игрой ³⁾. Ознакомившись съ главными богослужебными книгами, надо было изучить всѣ церковныя папѣвы

¹⁾ Жптецкій, «Мысли о думахъ», 48—51 стр.

²⁾ Данилевскій, „Украинская Старина“, т. 21, стр. 13.

³⁾ Крыжановскій, Сочин., т. I, 561—562 стр.

и обязательно—восемь гласовъ на «Господи возвахъ», восемь гласовъ на «Богъ Господь и явися намъ» и столько же гласовъ на ирмосы. Помимо этого, надо было изучить пѣніе «самогласное», т. е. тѣ же псалмы и ирмосы на особый голосъ, и «подобное», т. е. пѣніе двойного текста на одинъ и тотъ же гласъ. Пѣніе церковное для этихъ школьниковаъ было очень важно, оно могло выдвинуть школьника въ будущемъ, дать ему мѣсто дьяка, а то могло помочь «выдрянаться и на поца», какъ выражались въ то время. Неизбѣжными спутниками обученія въ школѣ были побои и тѣлесное наказаніе, безъ котораго въ то время казалась немыслимой возможность и самаго обученія. Въ малорусской литературѣ сохранилась вирша, прекрасно рисующая эти побои:

Казавъ мени бокаляръ промовыты: Азь, Азь,
 А якъ же я не вымовывъ, виць по пыци: разъ, разъ!
 Крыкнувъ же виць у друге: А ну, кажы: «Буки»
 Ой це жъ бо я не вымовывъ—попавъ въ ёго руки.
 Крыкнувъ дали въ третій разъ, щобъ вымовывъ: «Виде»,
 А вже жъ его жвава рука по чупрыни иде.
 Ой якъ сказавъ у четверте: вымовляй: «Живите»,—
 Ну те жъ, хлопци, заразь ёго на лавку кладите!
 И просывся и молювся, а ще бильшъ злягався,
 Бо задалы таку хлосту, що й свита цурався¹⁾.

Помимо того, что были при самомъ обученіи, были установлены «субботники», т. е. расплата по субботамъ за лѣнь и шалости въ теченіе недѣли. Это учрежденіе очень древнее, оно встрѣчается впервые въ уставѣ Луцкой братской школы 1624 г., гдѣ читаемъ: «по субботамъ дидаскаль масть дѣтямъ и памятного не боропити, по чаши школьной испити». Эти «субботники», какъ извѣстно, очень привились къ русской школѣ и уничтожены сравнительно недавно, незадолго до крестьянской реформы. О

¹⁾ Житецкій. Мысли о думахъ, 41—42 стр.

наступленіи этой субботы, когда школьники должны были отдать отчетъ за цѣлую педѣлю, дьячокъ предупреждалъ наканунѣ: «Завтра день святой, пужно каждому очиститься»,—говорилъ онъ. Наступаетъ суббота. Дьячекъ читаетъ проступки каждаго изъ учениковъ своихъ. «Ложись»!—заканчиваетъ дьячокъ; ложились на скамью и получали удары не розгами, а линейками. Бывали случаи, что не падали и хорошаго ученика. Подойдетъ «дядя» (такъ называли школяры дьячка) и говоритъ: «Ты учился хорошо, не шалилъ, а все-же что-нибудь сдѣлалъ или думалъ нехорошее и чѣмъ-нибудь согрѣшилъ—пужно очиститься наказаніемъ и затѣмъ слѣдовало роковое: «ложись». Отбывши наказаніе, надо было поцѣловать дядю и сказать: «спасибо за науку», на что дядя отвѣчалъ: «Богъ тебѣ да поможетъ, съ Богомъ пройдешь всякую науку»¹⁾).

Интересны цѣны за обученіе, какія брали дьячки въ XVIII ст. За выучку букваря плата была отъ 50 к. до 1 р., а въ Кременчугѣ брали 2 р. За обученіе часослову отъ 1 до 2 р., а въ Кременчугѣ отъ 3 до 4 р. Изученіе псалтири цѣнилось еще дороже: въ большинствѣ школь брали 2 р., въ Переяславѣ цѣна доходила до 4 р., а въ Кременчугѣ до 5 р. Цѣна опредѣлялась безъ обозначенія времени, а за выучку, только въ константиноградскомъ уѣздѣ плата была годовая, отъ 4 до 5 р.

Должны мы, впрочемъ, оговориться, что плата эта существовала въ 1803 г., а въ XVIII стол. она была, несомнѣнно, меньше²⁾.

Таковы были школы въ Малороссіи въ XVIII столѣтіи. Несомнѣнно, что это были очень скромные разсадники просвѣщенія, но и въ этомъ несовершенномъ видѣ, въ какомъ онѣ просуществовали въ Малороссіи въ XVII и XVIII стол., культурно-историческая заслуга ихъ неоспорима. Но школы эти, начиная съ конца XVIII столѣтія, начинаютъ постепенно исчезать. Гдѣ же причина этого, несомнѣнно, очень грустнаго явленія? Заботы пер-

¹⁾ Крыжановскій, т. I, 562—563 стр.

²⁾ Арх. Полт. Губ. Правл. по описи № 247. донесенія городничихъ и нижнихъ земскихъ судовъ.

ваго малороссійскаго генераль-губернатора кн. А. Б. Куракина о насажденіи приходскихъ школъ въ Малороссіи вызвали съ его стороны желаніе узнать что-либо объ этихъ школахъ, и вотъ эти данныя, сохранившіяся въ архивѣ полтавскаго губернскаго правленія, и раскрываютъ намъ причину ихъ ислезновенія.

II. 1)

Князь Куракинъ, получивъ «предварительныя министерскія правила», предписалъ черниговскому губернатору барону ф. Френсдорфу и полтавскому—А. Б. Сонцеву довести ему, какія и гдѣ существуютъ въ ихъ губерніяхъ школы и въ какомъ онѣ состояніи. «И за скоростію времени, писалъ имъ князь, и по многочисленности занятій, вдругъ меня встрѣтившихъ, не удалось мнѣ основательнѣйшимъ образомъ узнать, полюбопытствовать и посмотреть, какъ слышу я здѣсь, весьма издревле существовавшихъ приходскихъ училищъ, разумѣется кромѣ тѣхъ, кои извѣстны подъ именемъ народныхъ; есть-ли дѣйствительно сего рода школы въ губерніи полтавской и черниговской и нынѣ находятся, я бы желалъ знать и особенно о томъ прошу ваше прев-во не оставить безъ попечительнаго надзрѣнія вашего, дабы оныя приведены были въ возможный порядокъ. Поелику здѣсь есть предположеніе откомандировать одного члена отъ комиссіи народнаго просвѣщенія училища сіи обозрѣть, слѣдовательно и доставится намъ обоюдное удовольствіе, буди при себѣ ревизіи и сіи заведенія найдены будутъ въ желаемомъ совершенствѣ, какъ и всѣ прочія; я надѣюсь, что по предмету сему не оставите вы меня вашимъ извѣщеніемъ». Это предложеніе князь прислалъ изъ Петербурга въ мартѣ мѣсяцѣ, вскорѣ послѣ утвержденія «предварительныхъ правилъ» 2).

1) Глава эта составлена исключительно по архивнымъ даннымъ полтав. г. правленія, по описи № 153, 1803 г. и № 247, 1805 года.

2) Арх. полт. губ. правленія № 153, есть и въ № 247.

Черниговскій губернаторъ не замедлилъ отвѣтомъ, что начальныхъ школъ въ его губерніи очень немного, помѣщаются онѣ въ церковныхъ домахъ, гдѣ дѣти обучаются у дячковъ букварю, часослову, псалтири и церковной печати. Дѣти обучаются у дячковъ по добровольному уговору съ ними родителей. Что же касается болѣе точныхъ свѣдѣній о состояніи этихъ школъ, то баронъ Френсдорфъ, въ виду того, что дячки находятся подъ начальствомъ духовнаго вѣдомства, высказалъ уклончивое замѣчаніе, что «привести въ порядокъ сіи школы и дать о нихъ совершенное свѣдѣніе, гдѣ онѣ точно есть, а гдѣ нѣтъ, неудобно». Такой отвѣтъ не могъ, конечно, удовлетворить кн. Курякина, очень настойчиваго въ преслѣдованіи своихъ цѣлей и сильно желавшаго что-либо сдѣлать для своего края въ дѣлѣ образованія. Онъ вторично предписалъ губернатору снестись съ архіепископомъ черниговскимъ ¹⁾ относительно доставленія свѣдѣній о начальныхъ школахъ и просилъ его «усугубить» свое попеченіе, дабы привести школы въ совершенный порядокъ». Это предписаніе было исполнено губернаторомъ. Оказалось, что въ Козелецкомъ и Нѣжинскомъ повітахъ совсѣмъ не было правильно организованныхъ школъ; а лишь кое-гдѣ дѣти разныхъ званій обучались грамотѣ у дячковъ, о другихъ же уѣздахъ въ донесеніи свѣдѣній не находимъ. Въ то же время генералъ-губернаторъ счелъ не лишнимъ и съ своей стороны обратиться къ архіепископу черниговскому съ предложеніемъ позаботиться о школахъ. «Желая, писалъ онъ, всемѣстно споспѣшествовать учрежденію въ Малороссіи приходскихъ училищъ, кои, по правиламъ народнаго просвѣщенія, должны быть подъ наблюденіемъ приходскихъ священниковъ, обращаюсь къ вашему преосв-ву, съ покорнѣйшею просьбою о вспоможеніи въ семъ случаѣ начальственнымъ вашимъ содѣйствіемъ въ предписаніи приходскимъ священникамъ вашей епархіи о принятіи на себя попеченій наблюдать за такими училищами». Такую же просьбу послалъ князь и полтавскому

¹⁾ Черниговскимъ архіепископомъ былъ въ то время Викторъ.

епископу Сильвестру¹⁾. Но просвѣщенная заботливость кн. Курякина не встрѣтила надлежащаго сочувствія со стороны епархіальной власти, въ чемъ и заключалась главная причина безуспѣшности его стараній. Интересны отвѣты архіереевъ на предложеніе генераль-губернатора. Архіепископъ Викторъ писалъ, что въ школахъ его епархіи дѣйствительно обучаютъ дѣтей грамотѣ дьячки по книгамъ церковнымъ, но что «такое обученіе до распорядженія по части духовнаго правительства никогда не относилось и нынѣ не относится, а по предварительнымъ правиламъ министерства народнаго просвѣщенія сказано: приходскія училища въ селеніяхъ казенныхъ ввѣряются приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей, а въ помѣщичьихъ онѣ предоставляются попечительности самихъ помѣщиковъ, и я, — пишетъ далѣе архіепископъ, — не находилъ въ проѣздѣ моемъ нынѣ по губерніи заведенныхъ училищъ». Вообще въ этомъ уклончивомъ отвѣтѣ архіепископъ Викторъ не выразилъ ни малѣйшаго желанія помочь князю въ устройствѣ народныхъ школъ. Губернаторъ черниговскій доносилъ, что онъ, съ своей стороны, принять должныя мѣры въ видахъ содѣйствія этому дѣлу и убѣждалъ маршаловъ и предписалъ нижнимъ земскимъ судамъ стараться объ устройствѣ школъ въ казенныхъ селеніяхъ и въ имѣніяхъ помѣщиковъ, ввѣряя надзоръ за ними приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей.

Епископъ полтавскій Сильвестръ отвѣтилъ на предложеніе князя, что онъ не находитъ возможнымъ предписать священникамъ озаботиться устройствомъ приходскихъ школъ, впрямь до полученія прямыхъ указаній по этому предмету святѣйшаго си-

1) Сильвестръ II Лебединскій былъ ректоромъ казанской академіи. Хиротописанъ въ 1799 г. во епископы малороссійскіе и съ 1803 года повелѣно ему именоваться епископомъ полтав. и переяславскимъ. Въ 1807 г. переведенъ въ Астрахань архіепископомъ; 10 янв. 1808 г. уволенъ на покой въ Глуховской Петропавловскій монастырь, но на пути скончался 5 ноября 1808 года, въ с. Ровенькахъ, острогожскаго уѣзда, воронеж. губ., гдѣ и погребенъ.

пода, куда онъ послалъ, по требованію послѣдняго, свое мнѣніе по вопросу о преподаваніи священно-служителями въ этихъ училищахъ. Надо сказать, что министерство народнаго просвѣщенія сообщило въ синодъ «предварительныя правила» съ ходатайствомъ о принятіи мѣръ къ учрежденію школъ. Синодъ запросилъ у всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ мнѣнія по этому вопросу. Кн. Куракинъ, получивъ донесеніе еп. Сильвестра, обратился къ митрополиту петербургскому и повгородскому Амвросію съ просьбой ускорить разсмотрѣніе присланныхъ въ синодъ мнѣній епархіальныхъ архіереевъ. Митрополитъ обѣщаль немедленно увѣдомить князя о ходѣ этого дѣла, какъ только будутъ получены свѣдѣнія отъ другихъ епархій.

Пока шла переписка съ черниговскимъ и полтавскимъ архіереями, были наконецъ доставлены въ ноябрѣ 1803 года изъ другихъ источниковъ свѣдѣнія о школахъ въ полтавской губерніи. Полтавскій губернаторъ Соццевъ собиралъ эти свѣдѣнія отъ городничихъ и нижнихъ земскихъ судовъ, исполнявшихъ въ то время полицейскія обязанности.

Въ этихъ доношеніяхъ содержатся любопытныя указанія о судьбѣ тѣхъ «школъ», которыя, какъ мы знаемъ, когда-то существовали почти при каждой церкви въ старой Малороссіи и затѣмъ невѣдомо куда исчезли къ концу XVIII в. По собраннымъ даннымъ, какъ увѣдомлялъ Соццевъ, въ полтавской губерніи школъ нѣтъ. Въ прежнее время были при церквахъ училища подъ названіемъ «школы», гдѣ обучали дьячки, зашедшіе изъ разныхъ мѣстъ. Не имѣя никакой осѣдности, дьячки эти жили въ этихъ домахъ при церквахъ и за умѣренный платежъ деньгами или хлѣбомъ обучали дѣтей грамотѣ. Ревизія 1782 года, обнаружившая постоянные переходы дьячковъ съ мѣста на мѣсто, заставила ихъ «сообразно своему званію, обзавестись жительствою въ своихъ домахъ, а школы между тѣмъ пришли въ обветшалость и сами собой упразднились, и нынѣ таковыхъ въ полтавской губерніи нѣтъ. По нѣкоторымъ городамъ дѣти дворянскіе, козацкіе и другого званія обучаются у дьячковъ россійской грамотѣ за разную плату».

Нельзя сказать, чтобы школъ совсѣмъ уже не было въ краѣ, какъ доносилъ Сонцевъ. Школы еще были, но въ очень небольшомъ количествѣ. Вотъ статистическія данныя, доставленныя городничими о школахъ въ уѣздныхъ городахъ, а нижними земскими судами о школахъ въ уѣздахъ. Изъ уѣздныхъ городовъ остались школы: въ Пирятинѣ 1, въ Кременчугѣ 3, въ Ромнахъ 2, Хоролѣ 4, въ Переяславѣ 3, въ остальныхъ городахъ ихъ уже не было. Въ уѣздахъ было школъ немного: въ гадябскомъ, лубенскомъ, миргородскомъ, кременчугскомъ, роменскомъ, пирятинскомъ, прилуцкомъ—школъ не было совсѣмъ, въ остальныхъ онѣ еще существовали: въ хорольскомъ ихъ было 4; въ переяславскомъ 18, въ золотопошскомъ 16, въ константиноградскомъ 24 и въ полтавскомъ 6. Всѣхъ обучавшихся въ такихъ школахъ (числомъ 87) было 738 ч., изъ нихъ дворянъ было 149, козаковъ 151, духовныхъ 6, церковно-служит. 17, помѣщичьихъ крестьянъ 21, мѣщанъ 102, купцовъ 18, казенныхъ крестьянъ 34, остальные были дѣти чиповниковъ, солдатъ, военныхъ и др. Сюда же въ общее число вошли и учащіеся въ хорольск. и переяславскомъ уѣздахъ, которые не показаны по сословіямъ.

Но, конечно, всѣ эти данныя едва ли точны; многія изъ этихъ школъ помѣщались не въ церковныхъ домахъ, а въ квартирахъ дьячковъ, бравшихъ дѣтей для обученія грамотѣ. Но во всякомъ случаѣ, не будетъ ошибкой выводъ, что очень немного школъ осталось въ Малороссіи къ началу XIX столѣтія изъ того количества, которое существовало полувѣкомъ раньше. Кременчугскій нижній земскій судъ такъ же, какъ и губернаторъ Сонцевъ, указалъ на ревизію 1782 г., какъ на причину, имѣвшую влияние на уничтоженіе школъ. Прибавимъ еще, что въ числѣ прежнихъ дьяковъ, обучавшихъ грамотѣ, было много заштатныхъ, которые распоряженіемъ императрицы Екатерины II были отправлены въ военную службу при черноморскомъ адмиралтействѣ 1)

1) «Кіев. Старина», 1901, май. Статья Иванова—Переселеніе заштатныхъ церковниковъ. Отправлено было 611 ч. обоюго пола церковниковъ. Стр. 288—297.

Такова была участь многихъ изъ этихъ пасадиелей грамотности въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ.

Донесеніе Сонцева не порадовало просвѣщеннаго князя, и онъ предписаль губернатору навести новыя справки и дать болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о дячковскихъ школахъ, какія все еще существовали въ губерніи. Тогда губернаторъ предписаль, съ своей стороны, городничимъ и нижнимъ земскимъ судамъ собрать такія свѣдѣнія, которыя мы и привели выше.

Одновременно съ допесеніемъ Сонцева преосвященный Сильвестръ сообщилъ князю точную копію своего мнѣнія, посланнаго имъ въ св. синодъ. Признавая вообще крайне обременительнымъ для приходскаго духовенства привлеченіе его къ дѣлу учрежденія школъ и въ особенности къ личному въ нихъ учительству, какъ того желали министерскія правила, преосвященный Сильвестръ исходитъ изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ. Всѣхъ священнослужителей было въ то время въ полтавской епархіи 769. Селеній, гдѣ было по два прихода и болѣе, 232, а селеній съ однимъ приходомъ 450. По разсчету преосвященнаго, если соединять и по два селенія для устройства одного училища, то необходимо устроить въ губерніи 457 школъ.

Что касается контингента учителей, то преосвященный предлагалъ тѣхъ изъ воспитанниковъ переяславской семинаріи, которые не могутъ продолжать курса въ высшемъ классѣ (разумѣемъ богословскій, уже введенный въ то время въ переяславской семинаріи), зачислять въ причтъ и назначать учителями приходскихъ школъ. Если же въ приходѣ былъ одинъ только священникъ, то преосвященный Сильвестръ не считалъ возможнымъ поручить ему преподаваніе и надзоръ за школами, въ виду его прямыхъ занятій по приходу.

Кн. Куракинъ принялъ въ соображеніе мысль о привлеченіи къ учительству неокончившихъ семинаристовъ и порѣшилъ учредить для нихъ подготовительные курсы при черниговской гимназій, для чего и обратился къ преосвященному Сильвестру и преемнику архіепископа Виктора, преосвященному Михаилу, съ просьбою назначить семинаристовъ на эти курсы, при чемъ со-

держаніе ихъ порѣшили отнести на средства черниговской городской думы. Объ этомъ кн. Куракинъ сообщилъ министру гр. П. В. Завадовскому, съ которымъ часто совѣтовался въ дѣлѣ устройства школъ. Министръ выразилъ князю свое удовольствіе и пожелалъ успѣха его начинаніямъ. Упомянувъ о заботахъ кн. Куракина учредить школы, министръ пишетъ: «Извѣстно, сколько таковыя опыты усердія къ благу общества близки къ сердцу того, съ кѣмъ вы раздѣляете подвиги распространенія наукъ, и потому мнѣ весьма желательно, чтобы вы въ совершеніи вашего предпріятія споспѣшествоваемы были усердіемъ той страны, обитателей и благонамѣреніемъ духовнаго начальства, у котораго вы испрашиваете семинаристовъ».

Но какъ отнеслись къ этой мысли преосвященные? Пр. Сильвестръ остался вѣренъ себѣ. Онъ и теперь не нашелъ возможнымъ исполнить желаніе князя, ссылаясь на указъ св. синода, о чемъ и увѣдомилъ князя. Это было въ декабрь 1805 г. Но онъ все-таки назначилъ въ каждомъ уѣздномъ городѣ своей епархіи смотрителя изъ духовенства, а учителями предназначилъ нѣсколько человѣкъ изъ церковно-служителей и 16 семинаристовъ—6 изъ философскаго класса и 10 изъ риторики.

Черниговскій преосвященный, отнесся иначе къ этому дѣлу. Онъ нашелъ, что желаніе князя не противорѣчитъ указу синода. «Такое благонадежнѣйшее вашего сіятельства требованіе, по моему мнѣнію, сходственно и съ предписаніямъ святѣйшаго синода, которымъ предопредѣлено имѣть нѣкоторое приуготовленіе къ народнымъ учительскимъ должностямъ и въ самыхъ духовныхъ семинаріяхъ. А потому и предписалъ я семинарскому правленію избрать къ сему способныхъ и желающихъ изъ учениковъ высшихъ классовъ, каковыхъ оказалось десять человѣкъ». Содержаніе семинаристамъ преосвященный полагалъ назначить слѣдующее: студенту богословія 35 р. асс., философіи—30 р. и риторики—25 р. асс.

Ознакомимся кстати и съ мнѣніемъ святѣйшаго синода, на которое часто ссылался епископъ Сильвестръ.

Синодъ пришелъ къ такимъ выводамъ. Обученіе въ сельскихъ школахъ можетъ происходить лишь въ періодъ времени отъ окончанія полевыхъ работъ до начала ихъ, ибо во время полевыхъ работъ священно- и церковно-служители, «упражняясь въ земледѣліи, имѣють слѣдующія занятія: убирають хлѣбъ, молотятъ, производятъ починку строеній, мочать пеньку, сушатъ и обрабатываютъ, возятъ въ городъ продавать и т. п.; исправляютъ должности благочинныхъ, депутатовъ и т. д. Въ силу этого нѣтъ надлежащей удобности преподавать поученія самимъ священникамъ. Но, съ другой стороны, и принимая въ разсужденіе имѣющіеся при церквахъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ по два и по три комплекта священно-церковно-служителей, а особливо по такимъ приходамъ, кои по разнымъ отдаленнымъ селеніямъ не разбѣяны, усматривается, что можно, на первый случай и доколѣ не будутъ совершенно приготовлены для сего учителя, начать преподаваніе оное учившимся въ семинаріяхъ и испытаннымъ въ честномъ и добромъ и въ прилежномъ званія своего прохожденіи дьяконамъ и причетникамъ подъ смотрѣніемъ нелѣпостнаго преподаванія ими ученія приходскаго священника». Поэтому синодъ постановилъ: 1) учредить эти училища по сношенію съ епархіальными архіереями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть такіе священно-церковно-служители, которые могутъ преподавать ученіе; 2) въ домахъ священно-церковно-служителей школъ не учреждать, а для сего «отводить особые дома отъ свѣтскаго правительства», неподалеку отъ жилищъ причта; 3) ученіе преподавать по книгамъ, какія изданы будутъ по повелѣнію правительства, и 4) если учительская должность «одному, опредѣленному въ оную, покажется тягостною, то въ такомъ случаѣ позволить священно-церковно-служителямъ чередоваться въ оной погодно».

Разсматривая это постановленіе, нельзя не видѣть, что св. синодъ считалъ дѣло учительства въ народныхъ школахъ занятіемъ постороннимъ для духовенства, допустимымъ постольку, поскольку оно не будетъ помѣхой не только пастырскимъ, но и хозяйственнымъ его занятіямъ; поэтому и былъ предоставленъ епархіальнымъ архіереямъ полный просторъ дѣйствій въ этомъ

дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій призпалъ и такое содѣйствіе со стороны духовнаго вѣдомства на первый разъ достаточнымъ.

Князь Куракинъ былъ болѣе пастойчивъ. Получивъ отказъ отъ полтавскаго архіерея назначить семинаристовъ въ черниговскую гимназію для приготовленія къ учительству въ народныхъ школахъ, онъ вторично писалъ ему о томъ же. Преосв. Сильвестръ отвѣтилъ, что въ Петербургѣ министерствомъ учреждается особое училище для приготовленія учителей, куда уже затребовано отъ него 5 семинаристовъ изъ философскаго класса. Очевидно, преосвященный намекалъ на учрежденіе въ Петербургѣ Педагогическаго института, имѣвшаго совсѣмъ другое назначеніе. Князь Куракинъ не удовлетворился этимъ уклончивымъ отвѣтомъ и послѣ третьяго письма добился наконецъ того, что Сильвестръ назначилъ девять семинаристовъ для приготовленія къ учительству. Это порадовало князя, и онъ успѣшилъ увѣдомить о томъ министра; графъ Завадовскій вскорѣ отвѣтилъ ему, и это письмо его очень интересно въ томъ отношеніи, что самъ министръ пришелъ къ печальному заключенію относительно преждевременности задуманнаго имъ дѣла. «Встрѣчалъ я многократно неподатливость равнымъ образомъ, какъ вы видите въ отношеніяхъ къ вамъ епархіальныхъ пастырей, которые приложены къ почтеннѣйшему писанію вашего отъ 22 декабря (князь писалъ въ 1805 г.). По вниманію къ отзывамъ святѣйшаго синода, что отъ обращенія духовныхъ семинаристовъ къ образованію въ учителя для народныхъ училищъ оскудѣютъ епархіальныя семинаріи для предмета пополненія изъ оныхъ въ епархіяхъ весь причтъ церковный (sic), государь императоръ повелѣлъ, дабы министерство народнаго просвѣщенія о всякомъ семинаристѣ, котораго хотѣло бы къ употребленію по своей части, докладывало ему непосредственно. Слѣдственно, не можно считать на великую помощь вообще учебной части отъ сихъ разсадниковъ, плодами не избилующихъ. Я чувствую всю цѣну горячихъ попеченій вашего сіятельства въ устроеніи учебныхъ заведеній въ вашихъ губерніяхъ, въ побужденіи дворянамъ основать приходскія училища. Сія статья

хотя есть въ генеральномъ предположеніи, но она къ послѣдствіямъ принадлежить, когда лучъ просвѣщенія воздѣйствуетъ въ другихъ степеняхъ и выведетъ насъ изъ пастоящаго недостатка имѣть учителей. Потому приходскія училища не вдругъ повсюду, а исподоволь и гдѣ есть способы къ тому, могутъ быть открываемы. Ближе было бы приходскому священнику преподавать въ оныхъ ученіе, но многіе ли изъ нихъ способны или ревнительны читать овцы своего стада ученьемъ имъ полезнымъ? Предавъ сію мысль вашему проницательному разсужденію, имѣю честь быть...» (подпись).

Планъ Куракина быть—учредить приходскія училища въ уѣздныхъ городахъ, а затѣмъ нѣсколько по уѣздамъ, расширяя ихъ сѣтъ постепенно. Полтавская казенная палата, по его предписанію, представила ему статистическія данныя о количествѣ церквей, приходовъ, о числѣ муж. пола въ каждомъ изъ приходовъ, а также приблизительную смѣту, во что обойдется наемъ помѣщеній для училищъ и отопленіе ихъ. Эти данныя были собираемы съ 1806 г. и представлены только въ 1807 году. Всѣхъ церквей въ полтавской епархіи по этимъ даннымъ было 777, приходовъ 884, жителей мужскаго пола 337,713 д. Всѣхъ школъ предполагалось учредить 598. Наемъ помѣщеній для нихъ, по разсчету палаты, долженъ обойтись въ 9766 руб., а отопленіе въ 11606 руб. асс.

Но князь Куракинъ не успѣлъ привести въ исполненіе хотя бы часть этого проекта. Въ 1808 г. онъ занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ и переселился въ Петербургъ. Изъ представленныхъ нами данныхъ нельзя не видѣть, что кн. Куракинъ, такъ много желавшій сдѣлать для ввѣренныхъ ему губерній въ дѣлѣ школьнаго обученія, не встрѣтилъ сочувствія въ представителяхъ тогдашняго духовенства и, понятно, его просвѣтительныя начинанія не привели ни къ какимъ послѣдствіямъ.

Не встрѣтилъ онъ сочувствія и среди дворянства черниговской и полтавской губерній. Еще въ 1805 году кн. Куракинъ обратился ко всѣмъ уѣзднымъ маршаламъ этихъ губерній съ предложеніемъ озаботиться устройствомъ школъ въ помѣщичьихъ имѣ-

ніяхъ. Расчетъ князя, что въ дворянствѣ, какъ культурномъ классѣ общества, онъ встрѣтитъ сочувствіе, не оправдался. Это было время крѣпостного права, когда объ образованіи крѣпостныхъ не только не думали, но считали его лишнимъ и даже вреднымъ, не соответствующимъ самому положенію крѣпостныхъ людей, въ которыхъ видѣли только даровыхъ работниковъ для помѣщика. Многіе изъ предводителей даже не отвѣтили князю, другіе уведомили только о полученіи его предложенія, и лишь немногіе отвѣтили на его предложенія. Такъ, зѣпковскій предводитель отвѣтилъ: «многіе дворяне въ отзывахъ своихъ изъясняютъ, что въ помѣстьяхъ учреждать приходскія училища неудобно, поелику оныя есть малопомѣстные и расположены по разнымъ мѣстамъ, а безъ помощи другихъ нѣтъ удобства. Въ случаѣ учрежденія школъ, добавляетъ предводитель, мелкопомѣстные господа участвовать, при чемъ подполковникъ Козицкій вызвался пожертвовать 200 р. Общаль оказать все свое содѣйствіе и роменскій предводитель, если будутъ учреждены школы». Вотъ и всѣ отзывы на предложеніе князя приступить къ устройству школъ. Таковы были результаты заботъ кн. Куракина о насажденіи просвѣщенія въ черниговской и полтавской губерніяхъ.

Подведемъ итоги всему сказанному нами.

Въ старой Малороссіи существовали многочисленныя приходскія школы, не только подготовлявшія учащихся къ прохожденію дьячковской должности, но и дававшія грамотность и извѣстное книжное и эстетическое образованіе. Школы эти были созданы не правительствомъ, ни епархіальнымъ начальствомъ, а самими прихожанами, народомъ. Къ концу XVIII в. школы эти постепенно начинаютъ исчезать, чему причиной послужило введеніе при церквяхъ штатовъ, а болѣе всего ревизія 1782 г., прикрѣпившая всѣхъ и каждаго къ опредѣленному мѣстожителю и роду занятій. Прикрѣпленіе это уничтожило, конечно, свободное передвиженіе, чѣмъ и уничтожило эти школы.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Извлеченіе изъ архивныхъ дѣлъ объ учрежденіи приходскихъ школъ въ Малороссіи въ генераль-губернаторство князя А. В. Куракина. (Архивъ Полт. Губ. Правленія по описи № 153 и Полт. Депут. Собр. по описи № 10).

І. Донесеніе черниговскаго губернатора барона Френсдорфа.

Его сіятельству, господину дѣйствительному тайному совѣтнику, сенатору, малороссійскому генераль-губернатору, дѣйствительному камергеру и кавалеру князю Алексію Борисовичу Куракину отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, малороссійскаго черниговскаго гражданскаго губернатора рапортъ.

Вслѣдствіе предписанія вашего сіятельства отъ 22 прошлаго марта, за № 667, ко мнѣ послѣдовавшаго, а мною сего апрѣля 6 числа полученнаго, имѣю честь вашему сіятельству донести: приходскія училища, или такъ называемыя школы, хотя имѣются въ здѣшнемъ краю, но не во всякомъ приходѣ, а въ нѣкоторыхъ только при церквахъ въ выстроенныхъ корпусахъ изъ церковныхъ доходовъ или отъ прихожанъ для жительства дьячковъ, которые, сколько мнѣ извѣстно, состоятъ изъ одной или двухъ простыхъ избъ и то въ худомъ положеніи, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, то въ собственныхъ дьячковъ домахъ; дѣти отдаются для обученія грамотѣ, читать и писать, болшею частью по городамъ—купцовъ и мѣщанъ, а въ селеніяхъ—козаковъ и другихъ средняго рода людей; они обучаются дьячками первоначально читать по букварю, потомъ часословъ и псалтырь церковной печати и по

старому методу; нѣкоторые же и писать, но въ самомъ несовершенствѣ по неумѣнію того дьячковъ; а принимаются дѣти для обученія по добровольному съ родителями или попечителями ихъ условію, съ заплакою за обученіе каждой книги, безъ означенія на то времени и смотря по состоянію каждаго. И какъ церковные дьячки состоятъ все въ вѣдѣніи духовнаго начальства, то привести въ порядокъ сіи школы и даже имѣть объ нихъ совершенное свѣдѣніе, гдѣ точно оныя есть, а гдѣ нѣтъ, мнѣ неудобно, что и предлагаю на благоразсмотрѣніе вашего сіятельства. Губернаторъ баронъ Френсдорфъ. Апрѣля 10 дня 1803 г. Черниговъ.

Князь А. Б. Куракинъ, получивъ это донесеніе, предписалъ губернатору снести съ черниговскимъ архіепископомъ, что и сдѣлать губернаторъ, о чемъ и увѣдомилъ князя:

«Вашего сіятельства предписаніе отъ минушаго апрѣля подъ № 1039 (чтобы снести съ черниговскимъ архіепископомъ усугубить попеченіе, дабы привести приходскія школы въ совершенный порядокъ) сего маія 12 числа я имѣлъ честь получить и во исполненіе онаго отнесся я къ преосвященному Виктору, архіепископу малороссійскому черниговскому и кавалеру, чтобъ онъ, какое по сему предмету учинить распоряженіе, меня увѣдомилъ къ воспоспѣшествованію, есть ли что будетъ и отъ меня зависѣтъ моимъ содѣйствіемъ къ совершенному устройству приходскихъ школъ, вашему сіятельству почтеннѣйше о томъ доношу, докладывая при томъ, что по испытанію моему, въ проѣздъ мой нынѣ черезъ козелецкій и нѣжинскій повѣты, приходскіе священники объявили, что нарочитыхъ приходскихъ школъ при церквахъ городскихъ и сельскихъ не имѣется, а обучаются дѣти у дьячковъ, и то у нѣкоторыхъ только, въ домахъ ихъ. 1803 года, мая 15, Нѣжинъ. № 2769».

Получивъ эту бумагу, кн. Куракинъ предписываетъ губернатору обратить вниманіе на устройство школъ, «ежели оныя не существуютъ, дабы устройство и заведеніе ихъ на правілахъ, для сего постановленныхъ, воспріяло свое начало въ непродолжительномъ времени, тѣмъ болѣе, что сіе относится къ пользѣ общей и просвѣщенію юношества». (Іюня 12, 1803 года, за № 1521).

На это черниговскій губернаторъ донесъ князю рапортомъ о своемъ сношеніи съ черниговскимъ архіепископомъ Викторомъ:

«Вашего сіятельства предписаніе отъ 12 іюня, подъ № 1521, о обращеніи вниманія, дабы устройство и заведеніе въ сей губерніи при-

ходскихъ училищъ на правилахъ для сего постановленныхъ воспріяло свое начало въ непродолжительномъ времени, сего жъ іюня 18 числа я имѣлъ честь получить, и какъ на отношеніе мое объ оныхъ приходскихъ училищахъ преосвященный Викторъ, черниговскій архіепіскопъ и кавалеръ, извѣщаетъ меня, что по городамъ, мѣстечкамъ и селамъ нѣкоторые въ школахъ приходскихъ проживающіе дьячки обучаютъ дѣтей разнаго званія людей русской грамотѣ по произволу отцовъ, столько, сколько кому время и обстоятельства позволяютъ, единственно по книгамъ церковнымъ и ихъ ученіе до распоряженія по части духовнаго правительства никогда не относилось и нынѣ не относится; а по предварительнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія сказано: приходскія училища въ селеніяхъ казенныхъ ввѣряются приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей, а въ помѣщичьихъ онѣ предоставляются просвѣщенной и благонамѣренной попечительности самихъ помѣщиковъ, то я, не находя нигдѣ въ проѣздъ мой нынѣ по губерніи заведенныхъ приходскихъ училищъ, кромѣ тѣхъ, о коихъ имѣлъ уже я честь вашему сіятельству донести, предписалъ повѣтовымъ господамъ маршаламъ, нижнимъ земскимъ судамъ, чтобы съ нихъ первіе, внуша помѣщикамъ, предоставили старанію и попеченію ихъ о заведеніи и устроеніи въ помѣщичьихъ селеніяхъ приходскихъ училищъ, а нижніе земскіе суды, также внуша въ казенныхъ селеніяхъ жителямъ, старались бы, согласно предварительнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія, устроить и завести таковыя училища, ввѣря оныя приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей, въ каждомъ ли приходѣ можно оныя учредить, или въ двухъ вмѣстѣ, объ ономъ, какъ по распоряженіяхъ и успѣхъ по сему, мнѣ донести, о чемъ вашему сіятельству почтениѣше доношу». Іюня 30. 1803 года. Стародубъ.

Князь А. Б. Куракинъ, получивъ это донесеніе, рѣшился самъ обратиться къ преосвященнымъ—черниговскому Виктору и переяславскому Сильвестру съ такого рода письмами:

Ваше преосвященство, милостивый мой архипастыр!

Желая всемѣрно споспѣшествовать предварительно учрежденію въ Малороссіи приходскихъ училищъ, въ правилахъ народнаго просвѣщенія назначенныхъ, кои должны быть подъ наблюденіемъ приходскихъ священниковъ, обращаю къ вашему преосвященству покор-

вѣйшую просьбу мою о вспоможеніи въ семъ случаѣ начальственнымъ вашимъ содѣйствіемъ въ предписаніи приходскимъ священникамъ вашей епархіи о принятіи на себя попеченій наблюдать за таковыми училищами, дабы лучшій успѣхъ получило сіе высочайше назначаемое введеніе просвѣщенія. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть навсегда вашего преосвященства, милостиваго моего архипастыря...
Полтава. Августа 1 дня, 1803 года. (Арх. Полт. Губ. Правленія, по описи № 153).

На это письмо послѣдоваль отвѣтъ пр. Сильвестра:

Ваше сіятельство, милостивый государь мой и благодѣтель!..

На почтеннѣйшее вашего сіятельства отношеніе о предписаніи приходскимъ здѣшней епархіи священникамъ о наблюденіи за училищами въ правилахъ народнаго просвѣщенія, имѣю честь ваше сіятельство извѣстить, что какъ по указу изъ святѣйшаго правительствующаго синода, минувнаго марта отъ 18 числа, вслѣдствіе даннаго оному высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшему, представлено отъ меня въ оный мнѣніе о преподаваніи въ тѣхъ училищахъ ученія священно-церковно-служителямъ, съ чѣмъ сопрягается и наблюденіе священниками за училищами, то до полученія на оное разрѣшенія, священниковъ къ сему наблюденію опредѣлить я не могу, а когда изъ святѣйшаго синода послѣдуетъ по сему предмету повелѣніе, тогда не премину дать черезъ кого слѣдуетъ священникамъ и прочимъ церковно-служителямъ надлежащее о томъ предписаніе и ваше сіятельство увѣдомить; въ прочемъ есмь и пребыть имѣю всегда съ истиннымъ къ особѣ вашего сіятельства высокопочитаніемъ и совершенною преданностью вашего сіятельства, милостиваго государя моего и благодѣтеля, покорнѣйшій слуга Сильвестръ, епископъ малороссійскій переяславскій.
№ 188. Августа 13 дня, 1803 года. (Арх. Полт. Губ. Правленія по описи № 153).

Письмо кн. Куракина къ митрополиту петербургск. Америкосію.

Ваше высокопреосвященство, милостивый архипастырь мой!

Желая всемѣрно споспѣшествовать предварительно учрежденію въ Малороссіи сельскихъ училищъ, въ правилахъ народнаго просвѣщенія, назначеніе коихъ должно быть подъ наблюденіемъ приходскихъ

священниковъ, относился я къ обоимъ малороссійскимъ преосвященнымъ: Виктору, архіепископу черниговскому, и Сильвестру, епископу переяславскому, о споможеніи въ семь случаѣ начальственнымъ ихъ содѣйствіемъ, вслѣдствіе сего епископъ переяславскій извѣстилъ меня, что по указу святѣйшаго правительствующаго синода, минушаго марта отъ 18 числа къ нему послѣдовавшему, представлено отъ него мнѣніе о преподаваніи ученія священно- и церковно-служителями, съ чѣмъ сопрягается и наблюденіе священниками за училищами, а потому и отношу къ вашему высокопреосвященству покорнѣйшую просьбу употребить милостивое содѣйствіе, дабы представленіе сіе получило незамедлительное разрѣшеніе; имѣю честь быть впрочемъ съ совершеннымъ неизмѣннымъ почтеніемъ вашего высокопреосвященства, милостиваго архипастыря моего... (Арх. полт. губ. правленія по описи № 153). Сентября 7, 1803 года.

Отвѣтъ митрополита Амвросія.

Сіятеильнѣйшій князь. милостивый государы!

На почтеннѣйшее отношеніе вашего сіятельства отъ 7 числа минушаго сентября, коимъ требовать изволите содѣйствія моего, дабы по представленію преосвященнаго епископа переяславскаго о преподаваніи ученія священно-церковнослужителями въ сельскихъ школахъ въ святѣйшемъ синодѣ рѣшеніе скорѣе послѣдовало, честь имѣю отвѣтствовать, что оное неукоснительно послѣдовать имѣетъ по собраніи изъ всѣхъ епархій потребныхъ на сей предметъ свѣдѣній. О чемъ извѣстия, съ совершеннымъ почитаніемъ и преданностью пребываю вашего сіятельства, милостиваго государя, всепокорнѣйшій слуга Амвросій, м. новгородскій. (Арх. полт. г. правл. № 153) Октября 1 дня, 1803.

Отношеніе къ преосвященному Сильвестру.

Ваше преосвященство, милостивый мой архипастырь!

Ваше преосвященство почтеннымъ отзывомъ ко мнѣ отъ 13 августа за № 188 предварили меня не оставить увѣдомленіемъ о повелѣніи, какое послѣдуетъ изъ Святѣйшаго Синода по представляемому мнѣнію нацѣтъ преподаванія ученія священно и церковно-служителями въ приходскихъ училищахъ подъ наблюденіемъ священниковъ, что по благословному вашему ко мнѣ благоразположенію повторили лично въ

проѣздъ мой черезъ Переяславъ. Я, получивъ теперь отъ высокопреосвященнаго Амвросія, митрополита новгородскаго, извѣщеніе, что разрѣшеніе упоминаемаго мнѣнія въ святѣйшемъ синодѣ неукоснительно имѣетъ послѣдовать, въ надѣяніи на сіе обѣщаніе, прошу покорнѣйше васъ, милостивый мой архипастырь, о снисходительномъ ускореніи въ удовлетвореніи моей просьбы, чѣмъ обязать изволите совершенною благодарностью пребывающаго съ истиннымъ и непремѣннымъ почтеніемъ вашего преосвященства, милостиваго архипастыря... (Арх. полт. губ. правл., по описи № 153). Декабря 2/ 1803 года.

Отвѣтное письмо еп. Сильвестра.

Ваше сіятельство, милостивый государь мой и благодѣтель!

Въ угодность требованію вашего сіятельства, вчерашняго дня въ почтеннѣйшемъ вашемъ отношеніи сего мѣсяца отъ 2 числа мнѣ сообщенному, пріятнѣйшимъ поставляю для себя долгомъ препроводить и сію къ вашему сіятельству копію съ рапорта моего въ святѣйшій синодъ, содержащаго мое мнѣніе по предмету преподаванія священно-церковно-служителями въ приходскихъ сельскихъ училищахъ ученія. Увѣдомляя васъ, что разрѣшеніе на сіе еще не послѣдовало, но какъ скоро оно получу, въ то же время извѣстить васъ, милостиваго государя, не премину, впрочемъ прошу ваше сіятельство совершенно быть увѣренными въ истинномъ къ особѣ вашей высокопочитаніи и преданности, съ которыми имѣю честь быть всегда вашего сіятельства мил. государя моего и благодѣтеля всепокорнѣйшій слуга Сильвестръ, епископъ малороссійскій переяславскій. (Архив. полтав. губ. правленія, по описи № 153). Декабря 20, 1803 года.

Мнѣніе епископа Сильвестра, поданное въ святѣйшій синодъ.

Въ святѣйшій правительствующій синодъ. Сильвестра, епископа малороссійскаго переяславскаго и ордена святаго Анны 1 класса кавалера, рапортъ.

Его императорскаго величество указомъ изъ святѣйшаго правительствующаго синода, минувшаго марта отъ 18-го, подъ № 104, съ прописаніемъ імянныхъ его императорскаго величества высочайшихъ указовъ: перваго, даннаго святѣйшему синоду генваря 24 дня о принятіи со стороны оннаго соотвѣтственныхъ мѣръ для содѣйствія бла-

гоуспѣшному теченію народнаго просвѣщенія; второго, объявленнаго святѣйшему синоду, въ вѣдѣніе правительствующаго сената, даннаго оному того же января въ 24 день съ утвержденіемъ поднесенныхъ его императорскому величеству министромъ просвѣщенія обще съ членами правленія училищъ предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія,—между прочимъ велѣно мнѣ, въ святѣйшій синодъ представить мнѣніе свое: можно ли приходскимъ сельскимъ священникамъ, хотя нѣкоторымъ, а особливо, гдѣ состоитъ не одинъ причтъ священнослужителей и имѣются притомъ дьяконы, поручить преподаваніе ученія, для приходскихъ училищъ предполагаемаго, безъ отягощенія ихъ и остановки въ исправленіи прочихъ ихъ должностей? или не найдутся ли къ сему на первый случай способные изъ церковниковъ, при тѣхъ церквахъ состоящихъ, такъ же изъ уволенныхъ отъ должностей священно-церковнослужителей, коихъ съ пользою можно было употребить подъ смотрѣніемъ только приходского того селенія священника?..

Во исполненіе такого святѣйшаго правительствующаго синода предписанія, по собираніи переяславскою духовною консисторіею, въ каковыхъ здѣшней епархіи селеніяхъ священники или дьяконы или причетники состоятъ изъ учившихся въ семинаріи или академіи и въ которыхъ учившіеся одному російскому и другихъ къ составленію по сему предмету положенія нужныхъ свѣдѣній, явствуетъ 1) изъ уволенныхъ отъ должностей священноцерковнослужителей хотя является въ вѣдомствѣ духовномъ нѣкоторое число, а именно 102 человекъ, но оныя всѣ, какъ въ сообразность указа 1778 года, октября 8 дня, по старости и слабости отъ должностей уволены, потому къ употребленію сему мало надежны. 2) Напротивъ же, какъ изъ состоящихъ въ дѣйствительномъ служеніи учившихся въ семинаріяхъ или академіяхъ священнослужителей является 769, селеній же, кромѣ городовъ, во всей епархіи изъ двухъ и болѣе приходовъ состоящихъ 232, да одноприходныхъ 450, изъ коихъ въ первыхъ полагая по одному приходскому училищу, а въ послѣднихъ по одному таковому, соединяя по два селенія, нужно будетъ по сей епархіи жителей для всѣхъ по епархіи приходскихъ училищъ 457. 3) Хотя изъ показанныхъ учившихся въ семинаріяхъ или академіи, въ дѣйствительномъ служеніи состоящихъ 769 человекъ и найдутся таковыя, коимъ по одиночеству въ своемъ служеніи не совмѣстно будетъ преподаваніе ученія, но какъ довольно количество въ переяславской семинаріи семинаристовъ изъ свя-

щенноцерковнослужительскихъ дѣтей, съ одной стороны требующихъ въ продолженіи ученія своего пособій казенныхъ, съ другой—не подающихъ надежды къ продолженію съ успѣхомъ высшихъ наукъ, заставляетъ меня každогодно въ сентябрѣ дѣлать разборъ, паче достигшимъ риторическаго ученія, и изъ таковыхъ každогодно исключается въ причтъ довольное количество, а ихъ мѣста въ казенномъ семинарскомъ домѣ занимаютъ другіе, къ классическому ученію изготовленные священнослужительскіе дѣти, такъ что každогодно и выбываетъ въ причтъ довольное количество, и комплектное число въ семинаріи každогодно пополняется. Кромѣ жъ сего, и самимъ своекоитнымъ таковой же ежегодно дѣлается разборъ. Всѣ тѣ безъ исключения семинаристы изъ самыхъ нижнихъ грамматическихъ классовъ, кромѣ учебныхъ каждаго класса предметовъ, обучаются въ опредѣленные часы по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ—арифметикѣ; а по субботамъ катехизису; потому таковыя исключаются по извѣстнымъ разборамъ семинаристы способны и могутъ, буде гдѣ дѣйствительно служащимъ несомѣстно преподаваніе ученія, пополнять учительскія въ приходскихъ училищахъ мѣста; 4) при всемъ семъ, какъ соблюдается со стороны моея во вѣренной мнѣ епархіи то, что každогодно къ сентябрю и вѣдомости отъ духовныхъ правленій и благочинныхъ присылаются въ консисторію объ обучившихся россійскому письму священноцерковнослужительскихъ дѣтяхъ, и самыя таковыя дѣти въ семинарію доставляются, такъ соблюдено будетъ и то, чтобъ и самыя возрастныя, при отцахъ безъ помѣщенія состоящія, не иначе помѣщаются на причетническія мѣста, какъ по предварительномъ въ семинаріи хотя въ начаткахъ арифметическихъ и въ катехизисѣ образованіи, дабы и таковыя, бывъ помѣщены въ причтъ, могли употреблены быть по сему предмету, хотя подъ смотрѣніемъ приходскаго, совершеннѣше въ сихъ предметахъ образованнаго священника, но по одиночеству въ своемъ служеніи должности сельскаго учителя отправлять не могущаго. По таковымъ обстоятельствамъ при сихъ моихъ предположеніяхъ полагаю мнѣніе, что во вѣренной мнѣ переславской епархіи можно, при распоряженіи отъ надлежащаго правительства по селеніямъ приходскихъ училищъ, поручить преподаваніе ученія, для таковыхъ училищъ предполагаемаго. священноцерковнослужителямъ здѣшней епархіи, поставляя самое расположеніе или размѣщеніе къ тому способныхъ къ самому тому времени и положенію, когда и какъ расположены будутъ таковыя приходскія училища; что

однако на благоразсмотрѣніе святѣйшему правительствующему синоду покорнѣйше предаю.

Юля 8 дня, 1803 года. Подлинный подписалъ: Сильвестръ, епископъ малороссійскій переяславскій. Іосифъ Козачковскій, городского собора протоіерей, семинаріи профектъ. (Архивъ. полт. губ. правленія по описи № 153).

Репортъ полтавскаго губернатора Солицева о причинѣ исчезновенія школы.

Господину малороссійскому генераль-губернатору.

По содержанію почтеннаго предписанія вашего сіятельства, прошлаго апрѣля 10 числа мною полученнаго, о надзрѣніи, дабы существующія издревле въ Малороссіи приходскія училища, естли онѣ и нынѣ въ полтавской губерніи находятся, приведены были въ возможный порядокъ, я предписалъ всѣмъ полтавскимъ городничимъ и нижнимъ земскимъ судамъ, чтобы они, учиня выpravку, естли училища такого рода въ вѣдомствахъ ихъ окажутся, то, взявъ таковыи въ попечительное надзрѣніе, имѣть въ таковомъ-всегда съ наблюденіемъ, дабы въ возможнѣйшемъ порядкѣ содержимы были, мнѣ же доставить свѣдѣнія какъ объ оныхъ училищахъ, такъ о находящихся въ оныхъ ученикахъ, на какомъ положеніи оные содержатся и какой отъ кого учителя получаютъ платежъ. Изъ собранныхъ нынѣ мною о семь донесеній значитса, что хотя въ прежнихъ годахъ состояли по селеніямъ при приходскихъ церквахъ училища подъ названіемъ «школы» и въ нихъ бывали ученики изъ разнаго званія людей и преподавалось имъ ученіе російской грамоты отъ приходскихъ дьячковъ, кои были зашедшіе изъ разныхъ мѣстъ и, не имѣвъ своихъ осѣдлостей, въ тѣхъ школахъ проживали, получая отъ родителей тѣхъ учениковъ за ученіе умѣренный платежъ деньгами и хлѣбомъ, однако то было во время свободнаго съ мѣста на мѣсто перехода людей, т. е. до сочиненія въ 1782 году ревизіи, а когда затѣмъ таковой переходъ пресѣченъ и тѣ дьячки, поступивъ по оной ревизіи въ званіе, каждому свойственное, обзавелись жительствоиъ въ своихъ домахъ, а школы между тѣмъ пришли въ обветшалость, то сами по себѣ и упразднили, и нынѣ таковыхъ училищъ въ губерніи полтавской нѣтъ. Обучаются же по нѣкоторымъ городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ дѣти дворянскіе, козаціе и другаго званія начальной російской грамотѣ,

граматки, часослова и псалтирѣ у дьячковъ приходскихъ церквей и другихъ частныхъ людей, собственными своими домами живущихъ, за разнообразную по договорамъ заплату. О чемъ вашему сіятельству честь имѣю донести. Полтавскій губернаторъ Сонцевъ. (Архивъ полт. губ. правленія № 153. 10 ноября, 1803 года, № 4827.

Получивъ это донесеніе, князь Куракинъ еще разъ отнесся къ губернатору Сонцеву:

Господину полтавскому гражданскому губернатору.

Степень ученія, въ предварительныхъ правилахъ о народномъ просвѣщеніи названная «приходскія училища», по мнѣнію моему, заключаетъ въ себѣ тѣ самыя школы по нѣкоторымъ городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ полтавской губерніи, гдѣ дѣти дворянскіе, козаціе и другаго званія обучаются начальной россійской грамотѣ у дьячковъ приходскихъ церквей и другихъ частныхъ людей, хотя собственными своими домами живущихъ, за разнообразную по договорамъ заплату; а поелнку не имѣютъ они никакого еще образованія, я прошу ваше превосходительство, собравъ вѣрнѣйшіе объ оныхъ подробныя свѣдѣнія: въ которыхъ мѣстахъ они именно существуютъ и на какихъ основаніяхъ, доставить ко мнѣ, употребивъ при томъ начальственное ваше поначеніе въ приведеніи тѣхъ училищъ въ положеніе, соответственное правиламъ для нихъ предначертаннымъ. Свѣдѣнія, сколько и гдѣ именно по губерніи таковыхъ существуетъ, оныя доставить ко мнѣ. Малорос. генер.-губернаторъ. (Архивъ полт. губ. правленія, по описи, № 153). Ноября 30 дня, 1803 г. № 5750.

Миніе св. синода и указъ правит. сената объ участіи сельскаго духовенства въ преподаваніи въ школахъ.

Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго. Изъ малороссійскаго полтавскаго губернскаго правленія заступающему мѣсто здѣшняго губернскаго маршала, прилукскому повѣтовому господину маршалу Горленку. Въ указѣ его императорскаго величества изъ правительствующаго сената, отъ 31 января подъ №. 1622 пуценномъ, а въ семь правленіи 23 февраля сего года полученномъ, напечатано: по указу его императорскаго величества правительствующій сенатъ слушала донесеніе министра народнаго просвѣщенія, господина дѣй-

ствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера графа Петра Васильевича Завадовскаго, что препровожденное къ нему при указѣ правительствующаго сената прошедшаго 1804 года, сентября 12 дня вѣденіе святѣйшаго синода о сдѣланномъ въ ономъ положеніи касательно преподаванія священно и церковно-служителями въ сельскихъ приходскихъ училищахъ ученія предложено отъ него было главному училищъ правленію, которое признало принятыя по сему предмету святѣйшимъ синодомъ мѣры на первый случай достаточными; съ каковымъ мнѣніемъ онъ, господинъ министр, будучи согласенъ, представляя о семъ правительствующему сенату, возвращая при томъ въ подлинникѣ помянутое вѣденіе святѣйшаго синода, въ которомъ значить: что святѣйшій синодъ, рассматривая мнѣнія, вступившія отъ епархіальныхъ архіереевъ, относительно преподаванія въ приходскихъ училищахъ священно и церковно-служителями ученія и соображаясь какъ съ предварительными правилами народнаго просвѣщенія, такъ и съ обстоятельствами самихъ священно-церковнослужителей, находитъ, что въ приходскихъ училищахъ назначается продолжать ученіе отъ окончанія полевыхъ работъ до начала оныхъ въ слѣдующемъ годѣ; а въ показанное время священно и церковно-служители, упражнясь въ земледѣліи, имѣютъ слѣдующія занятія: убираютъ хлѣбъ съ поля, молотятъ, сѣно, солому и дрова возить, присмотръ имѣютъ за прокормленіемъ скота, производятъ починку и строеніе около дома, пеньку мочать, сушатъ, обрабатываютъ и возить въ городъ избытки свои для продажи, по званіямъ же ихъ занимаюсь служеніемъ и требами, исправляютъ сверхъ того должности благочинныхъ, духовниковъ, депутатовъ, занимаются перепискою метрическихъ и исповѣдныхъ книгъ. а въ случаѣ выбитія изъ котораго прихода священника, до опредѣленія другаго, отправляютъ и по тому приходу служеніе и требы, для каковыхъ требъ, особливо гдѣ прихожане живутъ въ разныхъ мѣлкихъ селеніяхъ и въ отдаленности отъ церквей, бывають въ отлучкѣ по нѣскольку времени; почему и нѣтъ надлежащей удобности преподавать то ученіе самимъ священникамъ. Но съ другой стороны, пріемля въ разсужденіе имѣющіяся при церквахъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ по два и по три комплекта священно-церковнослужителей, а особливо по такимъ приходамъ, которые по разнымъ и отдаленнымъ селеніямъ не разсыяны, усматривается, что можно на первый случай и доколѣ не будутъ совершенно приготовлены предположенные для сего учителя, начать преподавать оное ученіе учившимся въ семинаріяхъ и испи-

таннымъ въ честномъ и добромъ поведеніи и въ прилежномъ званіи своего прохожденіи дьяконамъ и причетникамъ подѣ смотрѣніемъ относительно нелѣтностнаго преподаванія ими ученія приходскаго священника и благочиннаго; а въ разсужденіи должнаго тому повиновенія и послушанія учащихся, на основаніи предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія главы I, статьи 4, подѣ надзираніемъ почетнѣйшаго жителя. А по таковымъ обстоятельствамъ святѣйшій синодъ впредь до разсмотрѣнія и полагаетъ: *Первое*, училища въ приходохъ учредить по сношеніямъ съ епархіальными архіереями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть такіе священнослужители, кои могутъ преподавать ученіе, въ противномъ случаѣ епархіальные архіереи не оставляютъ взять своихъ мѣръ переведеніемъ или опредѣленіемъ въ тѣ приходы способныхъ къ сему преподаванію. *Второе*, училищъ въ домахъ священноцерковнослужителей не учреждать, а отводить для сего особые дома отъ свѣтскаго правительства, неподалеку отъ жилищъ священноцерковнослужителей и прихожанъ; да и самое ученіе преподавать по книгамъ, какія изданы будутъ по повелѣнію правительства, и учащимъ какъ для покупки книгъ, такъ и для прочаго нужнаго къ преподаванію ученія никакихъ расходовъ отъ себя не имѣть. *Третье*, въ селеніяхъ обращавшихся въ православную вѣру греко-россійскаго исповѣданія, какъ то: корель, черемись, мордвы, вятиковъ, татарь, чувашъ и прочихъ, кои дѣти по-русски не разумѣютъ, учить священно и церковнослужителямъ въ школахъ и въ церквахъ наставленіе производить на ихъ природномъ языкѣ доголѣ, доколѣ всѣ ихъ прихожане отъ мала до велика разумѣть будутъ совершенно россійскій языкъ; а для преподаванія таковаго ученія и можно будетъ употребить на первый случай назначенные святѣйшимъ синодомъ къ изданію въ печать книги на россійскомъ языкѣ съ переводомъ на упомянутые, содержащія въ себѣ церковныя молитвы, символъ вѣры, десятословіе и катехизисъ, каковыя книги для сихъ обращенныхъ въ вѣру греческаго исповѣданія народовъ могутъ послужить къ лучшему вразумленію ихъ и понятію о богопочитаніи и истинномъ познаніи святости христіанской вѣры. И для того въ тѣ села во всѣ священнослужительскіе чины, открываться имѣющіе, производить или изъ семинаріи тамошнихъ уроженцевъ, знающихъ непременно употребляемый тамъ языкъ, или и самыхъ жителей, обучая послѣднихъ при производствѣ первымъ дѣйствіямъ ариѳметики въ семинаріи. *Четвертое*, буде учительская должность одному опредѣленному въ оную окажется тягостною, въ тако-

вомъ случаѣ позволить священноцерковнослужителямъ чередоваться въ оной погодно или какъ они сами за благо и полезно для себя разсудятъ; а къ такому облегченію ихъ себя, особливо же въ которомъ селѣ окажется изъ священно и церковнослужителей одинъ только ученый, а прочіе нимаю въ семинаріяхъ и училищахъ не обучавшіеся, долженъ обучающій на ряду съ будущими учениками заставить слушать въ училищахъ и причетниковъ нужное къ учительскому званію и готовить на помощь себѣ, а со временемъ и на перемѣну себя, что исполниться можетъ въ очень короткое время, ибо читать и писать каждый церковникъ, безъ сомнѣнія, знаетъ, а остается только показать каждому начальныя дѣйствія ариѳметики, до чего прочіе ученики временемъ нужнымъ на обученіе читать и писать дойти могутъ; слѣдовательно каждый изъ причетниковъ неученыхъ къ нужному времени исправиться можетъ. *Пятое*, если гдѣ окажутся священно и церковнослужители всѣ въ семинаріи и духовныхъ училищахъ не обучавшіеся, въ такомъ случаѣ переводить въ оныя изъ другихъ селъ, въ коихъ таковыхъ избыточно окажется, по согласію, однакожъ нужныхъ къ переводу, а затѣмъ несогласіе на то прихожанъ и самаго переводимаго за неспособностію причетника не уважать; равнымъ образомъ и изъ обучающихъ дьяконовъ и причетниковъ преимущественно производить въ высшія стѣпени на открывающіяся при другихъ церквахъ мѣста, гдѣ нѣтъ таковыхъ училищъ, дабы когда сіи и тамъ учредятся, могли они преподавать въ нихъ ученіе или имѣть смотрѣніе надъ училищами; соразмѣряя сему, дѣлать опредѣленіе въ мѣстахъ и семинаристовъ, какъ оканчивающихъ ученіе, такъ и выписываемыхъ за неспособностію къ высшимъ наукамъ учениковъ, но для обученія въ приходскихъ училищахъ довольно наставленными быть долженствующихъ. *Шестое*, у обучающихся въ училищахъ священно и церковнослужителей за небытіе ихъ во время преподаванія ученія при исправленіи требъ, подлежащихъ на ихъ часть доходовъ какъ отъ земли, такъ и отъ требъ, не удерживать. *Приказали*: поелику оное положеніе правительствующаго синода о преподаваніи священно и церковнослужителями въ сельскихъ приходскихъ училищахъ ученія, какъ главнымъ училищъ правленіемъ, такъ и господиномъ министромъ народнаго просвѣщенія признано на первый случай достаточнымъ, то и сенатъ, соглашаясь съ онымъ, полагаетъ всѣмъ начальникамъ губерній и губевскимъ правленіямъ предписать, дабы они къ благоуспѣшнѣйшему произведенію въ дѣйство таковыхъ святѣйшаго синода

мѣропріятій содѣйствовали всегда по отношеніямъ духовныхъ начальствъ всѣмъ зависящими отъ нихъ мѣстными распоряженіями, для свѣдѣнія же дать знать о томъ и прочимъ присутственнымъ мѣстамъ, а равно и гг. министрамъ указами, московскимъ же сената департаментамъ вѣденіемъ, каковое сообщить и въ святѣйшій правительствующій синодъ для дальнѣйшаго съ его стороны по вышеизъясненному положенію его распоряженія. И по указу его императорскаго величества, малороссійское полтавское губернское правленіе опредѣлили: по оному чинить отъ сего правленія должное исполненіе, для свѣдѣнія объ ономъ и равномѣрнаго въ потребномъ случаѣ исполненія, съ прописаніемъ того правительствующаго сената указа, послать таковыя отъ правленія губернскому и всѣмъ повѣтовымъ господамъ маршаламъ, полиціймейстерамъ и подкоморскимъ судамъ, городovýmъ магистратамъ и ратушамъ указы. И о семъ въ здѣшнія казенную палату, генеральный судъ по обоимъ департаментамъ и приказъ общественнаго призрѣнія сообщить, совѣстному суду предложить. Юля 28 дня, 1805 года. (Арх. Полт. Двор. Собр., 1805 г., по описи № 109, и Полт. Губ. Правленія, по описи № 247).

Увѣдомленіе Кременчурскаю нижняю земскаю суда о существованіи школъ.

Хотя въ прежнихъ годахъ состояли по селеніямъ при приходскихъ церквахъ училища подъ названіемъ отъ простолюдиновъ «школы» и въ нихъ бывали ученики, большею частію, изъ козачьихъ и крестьянскихъ дѣтей и сямъ російской грамоты преподавалось отъ приходскихъ дьячковъ, кои были зашедшіе съ разныхъ мѣсть и, не имѣвъ осѣдлостей, въ тѣхъ школахъ проживали, получая отъ родителей тѣхъ учениковъ за ученіе ихъ умѣренный платежъ деньгами и хлѣбомъ, однако то было во время свободнаго съ мѣста на мѣсто перехода людей, то есть до сочиненія въ 1782 г. ревизіи, а когда затѣмъ таковой переходъ пресѣченъ и тѣ дьячки, поступивъ по оной ревизіи въ званіе каждому собственное, обзавелись жительствомъ въ своихъ домахъ, а школы, между тѣмъ, пришли въ обветшалость. то сами по себѣ упразднились и нынѣ таковыхъ въ здѣшнемъ повѣтѣ нѣтъ, обучаются же, и то въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, козачьи дѣти російской грамотѣ у дьячковъ приходскихъ церквей, собственными своими домами живущихъ, за плату сямъ по договореннымъ неодинаковымъ цѣнами въ разсужденіи, что таковыя ученики въ маломъ числѣ обучаются въ зимнее время, а въ лѣтнее

большую часть занимаются полевыми работами. (Донесеніе отъ 16 мая 1803 г. за № 1873, по описи Полт. Губ. Правленія № 247).

Число школъ и учащихся въ 1803 г. въ полт. губ.

Князь А. Б. Куракинъ очень интересовался узнать, существуютъ ли еще школы въ Малороссіи, почему и предписалъ всѣмъ городничимъ собрать свѣдѣнія о школахъ въ уѣздныхъ городахъ, а нижнимъ земскимъ судамъ о школахъ въ уѣздахъ, что и было исполнено. Донесенія ихъ сохранились въ архивѣ; мы сочли за лучшее, въ видахъ сохраненія мѣста, а также для большей наглядности, всѣ эти данныя сгруппировать въ видѣ таблицы. Эти данныя заключаются въ дѣлѣ архива Полтавскаго Губернскаго правленія, за № 247. Они относятся къ 1803 году.

Уѣздные города.

	Число школъ при церквахъ.	У Ч А Щ І Е С Я.										
		Дѣти дворянъ.	Козаковъ.	Священно-служ.	Церковно-служ.	Помѣщ. крест.	Мѣщанъ.	Кулцовъ.	Дѣти чиновник.	Солдатъ.	Воен. поселенъ.	Казен. крест.
Пирятинъ	1	3	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—
Кременчугъ	3	17	—	—	—	—	45	6	—	—	—	—
Ромны	2	2	6	—	—	3	14	1	—	—	—	—
Переяславъ	3	5	1	—	—	2	15	—	6	2	1	2
Хороль	4	8	7	—	5	3	6	—	—	—	—	—
Итого	13	35	14	—	5	8	84	7	6	2	1	2

Въ остальныхъ городахъ, если вѣрить донесеніямъ, школъ не было, какъ то: въ Лубнахъ, Миргородѣ, Гадячѣ, Полтавѣ, Константиноградѣ, Прилукахъ.

Школы по уѣздамъ.

УѢЗДЫ.	Число школъ при церквахъ.	У Ч А Щ І Е С Я.										
		Дѣти дворянъ.	Козаковъ.	Священно-служ.	Церковно-служ.	Помѣщ. крест.	Мѣщанъ.	Купцовъ.	Дѣти чиновник.	Воен. поселенъ.	Солдатъ.	Казен. крест.
Переяславскій . .	18	20	53	4	2	8	—	—	—	—	—	—
Золотоношскій . .	16	47	53	2	1	—	3	1	—	—	—	22
Полтавскій . . .	6	39	24	—	4	8	9	—	—	—	—	10
Хорольскій . . .	8	8	7	—	5	3	6	—	—	—	—	—
Итого	48	114	137	6	12	19	18	1	—	—	—	32

Сюда еще надо прибавить константиноградскій уѣздъ, куда вошло въ то время много селъ, перечисленныхъ потомъ въ кобелякскій уѣздъ. Въ константиноградскомъ уѣздѣ было всѣхъ школъ 22, а обучавшихся въ нихъ 187, изъ которыхъ училось букварю 24, часослову 53, псалтири 50 и обучалось письму 60. Определить число учащихся по сословіямъ трудно на основаніи донесенія нижняго земскаго суда.

О школахъ въ остальныхъ уѣздахъ свѣдѣнія таковы: въ миргородскомъ нѣтъ, въ лубенскомъ, пишетъ нижній земскій судъ, школъ нѣтъ, а обучаютъ дѣтей козаки и дьячки въ своихъ домахъ; то же самое въ прилукскомъ, роменскомъ и впрятинскомъ, гдѣ школъ нѣтъ, а есть, какъ видно изъ донесеній, при церквахъ избы, гдѣ живутъ церковники такъ называемые дьячки, но избы, болышею частью, собственныя, гдѣ дьячки обучаютъ грамотѣ. Въ хорольскомъ повѣтѣ 8 школъ и обучающихся всѣхъ 53 (по сословіямъ не указано). Подведя итоги, мы видимъ, что въ 1803 году въ полтавской губерніи было: школъ 87, а обучалось въ нихъ 738 чел. Но это были только жалкіе остатки той густой сѣти школъ, какая существовала здѣсь въ XVIII ст.

Проектъ сѣти школъ въ полтавской губерніи.

Князь А. Б. Куракинъ въ 1805 г. предложилъ полтавской казенной палатѣ составить приблизительный расчетъ, сколько потребуется

начальныхъ школь въ губерніи, во что можетъ обойтись наемъ помѣщеній и отопленіе ихъ. Казенная палата представила такой проектъ въ 1807 году, 28 мая. Эти статистическія данныя не лишены интереса. Данныя эти озаглавлены: «Вѣдомость, составленная изъ доставленныхъ отъ волостныхъ правленій и староствъ свѣдѣній о состоящихъ въ дистанціи оныхъ вѣдомства казеннаго обитателей церквахъ, имѣющихъ одинъ или два, три прихода, по количеству людей, и въ тѣхъ приходахъ ревизскихъ мужескаго пола душахъ, съ объясненіемъ, въ какихъ приходахъ предполагаются училища для народнаго просвѣщенія. Учнена мая 28 дня, 1807 года (Арх. Полт. Губ. Правленія, по описи № 247, л. 281—323).

Надо сказать, что эта вѣдомость очень подробно; мы беремъ изъ нея только итоги по каждому уѣзду.

П О В Ъ Т Ы.	Ч И С Л О.				Во что ежегодно сіи дома обществу обойдутся примѣрно.	
	Церквей.	Приходовъ.	Мужск. пола душъ.	Приходскихъ училищъ.	Наемъ помѣщенія.	Отопленіе.
					РУБЛИ.	РУБЛИ.
Полтавскій . . .	51	59	30235	38	218	945
Константиноград.	16	19	9422	17	235	260
Кобелякскій . . .	62	71	30455	49	345	660
Кременчугскій . . .	37	41	16399	33	460	1215
Золотоношскій . . .	55	60	21764	45	469	639
Хорольскій . . .	37	44	19349	34	943	981
Лубенскій . . .	54	56	20649	44	290	460
Пирятинскій . . .	37	40	12215	37	433	717
Переяславскій . . .	104	110	26612	53	2245	1125
Прилукскій . . .	54	59	21652	48	446	516-50 к
Роменскій . . .	43	59	28266	32	688	930-50 к
Лохвицкій . . .	78	82	25808	56	871	713
Миргородскій . . .	46	53	20771	33	512	605
Гадячскій . . .	40	61	24267	37	928	1125
Зѣньковскій . . .	57	70	29860	42	683	714
В С Е Г О . .	777	884	337713	598	9766	11606

Какая роль „Возьного“ въ „Наталкѣ-Полтавкѣ“?

На памятникъ Котляревскому въ Полтавѣ изображена изъ «Наталки-Полтавки» сцена разговора Возьного съ Наталкою въ тотъ моментъ, когда его прерываетъ Выборный пѣснею «Дидь рудый, баба руда!» Выборный показывается изъ-за огромной вербы слѣва, тогда какъ обыкновенно на сценѣ онъ выходитъ изъ задней правой кулисы, при чемъ лѣвую аванъ-сцену занимаетъ хата, куда уходитъ Наталка съ ведрами. Почему художникъ взялъ эту сцену, а не «Розмышлявъ я предовольно...», гдѣ могъ бы быть представленъ весь персоналъ пьесы въ моментъ наибольшаго напряженія чувствъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, почему онъ нашелъ нужнымъ измѣнить обычную декорацию,—это дѣло его выбора и вкуса. А насколько вѣрно изобразилъ онъ типы избранныхъ лицъ для горельефа,—это дѣло исторической критики, такъ какъ время дѣйствія «Наталки-Полтавки» въ пригородномъ селѣ подъ Полтавою удалено отъ насъ чуть-ли не на такой же періодъ, какъ и время дѣйствія въ «Недорослѣ» Фонъ-Визипа.

Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ изъ трехъ лицъ этого горельефа, именно о Возьномъ: изображенъ ли онъ такимъ, какимъ представлялъ его себѣ авторъ этой удивительной пьесы, не сходящей со сцены уже девятый десятокъ лѣтъ? Такихъ ли его представляютъ и артисты малорусскихъ театраль-

ныхъ труппъ, прибѣгающихъ. по отзыву спеціалиста, къ «Наталкѣ-Полтавкѣ», чуть только дѣла ихъ плохи:

... «Якъ тильки заробитку нема,—говорить г. Карпенко-Карый,—антрепренеръ заразъ почыпае вышукуваты у своій труппи Выборного чы Возыного, або хочъ и одну Наталку, абы поставыты сю популярну піесу, щобъ хочъ «зборъ узяти» ..

«Поставыть «Наталку»,—и повный збиръ» 1)!

Очевидно, на трехъ указанныхъ лицахъ главнымъ образомъ держится успѣхъ піесы; очевидно, они три предпочтительно передъ тремя остальными привлекають вниманіе публики. Можетъ быть, поэтому и художникъ Позенъ выбралъ именно ихъ для своего горельефа. Что же въ нихъ привлекательнаго? Въ чемъ секретъ живучести на сценѣ этой неумирающей піесы?

Лѣтъ 20 и 30 назадъ приходилось намъ слышать мѣлнія, что наивная по замыслу, слащавая по изображенію въ ней пейзажъ «Наталка-Полтавка» должна бы быть сдана въ архивъ. А и теперъ лица, высказывавшія такія мѣлнія, какъ увидятъ афишу «Наталка-Полтавка»,—идуть въ театръ. Интрига піесы—крайне несложная: «пидстаркувата вже» баба Терпилыха, хорошо узнавшая за свою жизнь, «якъ то гирко той насунцныкъ люде заробляють», убѣждаетъ дочку спасти себя и ее отъ убожества и умоляетъ ее выйти замужъ за богатаго жениха, забывши Петра, пропадающаго гдѣ-то въ Таврії или на Дону уже 4 года, а можетъ быть и совсѣмъ пропавшаго. Но Петро возвращается, застаеть заручины Наталки за другого. Изъ этого возникаютъ разныя сцены, оканчивающіяся благополучно: любящіе сердца возсѣдиняются!

Такъ все это банально, такъ пахнетъ Карамзинскими прописными правоученіями о пользѣ добродѣтели, что, кажется, давно бы пора перестать играть и посѣщать устарѣвшую піесу, проникнуть насквозь складомъ сентиментализма тоже Наталки, по не мужички, а боярской дочери. И однако и въ XX вѣкѣ ее играютъ, и публика идетъ слушать, и сборы піеса даетъ! И на-

1) Литературный збирникъ. У Кыйиви. 1903. стр. 105.

писать ее авторъ, который рашше à la Гоголь безпощадно осмѣивалъ все окружающее въ лицахъ громовержца Юпитера, колебателя морей Нептуна и ниже и шже по чинамъ вплоть до «продысвитивъ и лапцивъ»,—обидраныхъ Троянцевъ. И умудрился онъ какъ-то въ томъ же окружающемъ его обществѣ найти что-то такое, что и до сихъ поръ заманиваетъ въ театръ публику, а уходитъ она изъ театра не въ угнетенномъ состояннн, а съ разглаженными морщинами на челѣ и съ возобновленною вѣрою, что стоитъ жить на свѣтѣ!

Гоголь, ближайшнй землякъ Котляревскаго, походепня своего Энея—Чичикова и другого пройдысвита Хлестакова писалъ и обрабатывалъ такъ-же долго, какъ и Котляревскнй свою «Энеиду», и тѣ же прнемы юмора практиковалъ, что и Котляревскнй. «Мертвыя души» и «Энеида» одинаково дѣйствуютъ на читателя: онъ заливается смѣхомъ при чтеннн подробностей, но когда подводитъ итоги своимъ впечатлѣннямъ отъ этихъ сатирическихъ произведеннй, то приходитъ къ заключенню Гоголя: «скучно на свѣтѣ, господа!» А выходя изъ театра послѣ представлення «Ревизора» и «Наталки», зритель выноситъ противоположныя настроення. Нахотавшнсь до упаду падъ всѣми дѣйствующими лицами (кромѣ развѣ дочери городничаго, хоть и глупенькой, но чистой дѣвицы), онъ чувствуетъ, какъ слезы и безотрадное отчаянне начинаютъ душить его, особенно послѣ изъ ряда вонъ выходящаго трагическаго оклика Сквозника-Дмухановскаго:

«Чему смѣтесъ? Надъ собою смѣтесъ!»

Не утѣшаетъ его и *dens ex machina*—появленне жапдарма въ форменномъ платьѣ!

При выходѣ же изъ театра послѣ представлення «Наталки-Полтавки», пѣтъ мѣста даже для элегическаго настроення зрителя, несмотря на то, что онъ слышалъ вопли горя изстрадавшейсн Наталки, рѣшившейсн на протнвоестественное самопожертвованне для успокоення старой матери. Зритель испытывалъ сначала щемящее чувство сожалѣннн къ этой дѣвушкѣ, такъ задушевно выливавшей свою любовную тоску, свое отчаянне и наконецъ мо-

литву о томъ, чтобы ей хоть разъ увидѣть Петра и... умереть. Это чувство сожалѣнія къ Наталкѣ и у дамъ, и у простолюдиновъ вызываетъ искреннія слезы. Когда мать упрекаетъ Наталку за ея безжалостное отношеніе къ ней и къ ея судьбѣ; когда Выборный истязаетъ Наталку требованіемъ дать слово и не «згедзгаться»; когда, давши это слово, она падаетъ на колѣни съ молитвою къ Богу,—зрителямъ вовсе не до смѣха, несмотря на шутивыя прибаутки Выборнаго о городскихъ барышняхъ, сотникахъ и корупжикхъ—«якъ той грекъ мовлявъ». Не до смѣху ему и тогда, когда Петро и Наталка—оба хотятъ покончить съ жизнью. Но тучи, накопившіяся въ теченіе всей пьесы надъ несчастною долею влюбленныхъ и грозившія погубить ихъ, вдругъ какъ-то естественно, сами собою разсѣиваются—безъ волшебной палочки Финна, разгоняющей чары Наины въ «Русланѣ»; трагическое настроеніе на сценѣ переходитъ въ веселье всѣхъ дѣйствующихъ лицъ безъ исключенія, а зрители, выслушавъ радостную и торжественную пѣсню о «згодѣ въ семействѣ», также съ облегченнѣмъ и развеселившимся сердцемъ расходятся по домамъ.

Подкупы, взяточничество, пьянство героевъ «Энеиды», какъ и «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора», не могутъ уничтожиться съ появленіемъ истиннаго ревизора вмѣсто самозванца, или другого какого-либо чудеснаго избавителя міра отъ золь, такъ какъ ни Чичиковъ, ни Сквозникъ-Дмухановскій, при существованіи того строя жизни, какимъ они окружены, измѣниться не могутъ. Это ясно всякому, и потому наружный, видимый міру смѣхъ, какъ у авторовъ, такъ и читателей и зрителей, переходитъ въ подавляемая внутри слезы. Какимъ же способомъ композиціи, какою формою конструкціи своей пьесы Котляревскій достигаетъ обратнаго перехода отъ горькаго къ радостному чувству? Если онъ по приѣмамъ художественнаго творчества въ «Энеидѣ» является родственнымъ Гоголю, то и въ этомъ отношеніи, т. е. по содержанію, тѣмъ «Наталка» отличается отъ «Энеиды», пьесы того же автора, или «Ревизора», пьесы его земляка?

Тема поэмы Котляревскаго --политическій и соціальный строй съ крѣпостнымъ правомъ, какъ основою жизни, съ пошлостью,

пьянствомъ и чревоугодіемъ—въ ея проявленіяхъ. Въ піесѣ же «Наталка-Полтавка» эта сторона жизни отодвинута на второй планъ: Возьный и Выборный выпиваютъ, потому что ритуальг заручишь того требуетъ, или же потому, что второму случайно подвернулся нашъ Щипавка; обстройка города Полтавы, новости о реформахъ въ земской жизни и судебномъ мірѣ, клонящихся къ искорененію взяточничества, извѣстіе о появленіи на сценѣ Харьковского театра новой піесы князя Шаховскаго и т. п.—являются вставными анекдотами, не связанными съ ходомъ дѣйствія; главною же цѣлью піесы является анализъ души человѣческой, насколько она, вѣдъ социальныхъ положеній и политическихъ правъ, проявляетъ себя въ сферѣ семейныхъ отношеній. Гоголь подь конецъ своей жизни молился передь образами и просилъ у нихъ ниспослать ему вдохновеніе, чтобы изобразить идеально-хорошаго помѣщика вѣдъ отмѣны крѣпостного права... по образы идеально-правственныхъ людей выходили трафаретными, расплывчатыми, недостойными пера и кисти этого великаго художника. Котляревскій, съ тѣмъ же сарказмомъ и юморомъ, какъ и Гоголь, бичевавшій строй современнаго ему общества, доживши до 50 лѣтъ, въ годъ изданія Аракчеевской раздѣлки «душъ» въ 22, 44, 66, 88, 110 и т. д. до 1000 руб. за штуку, смотря по возрасту продаваемыхъ душъ ¹⁾,—сумѣлъ написать піесу, которая и до сихъ поръ образами высоконравственныхъ людей въ убогой обстановкѣ пробуждаетъ въ зрителяхъ отрадный взглядъ на міръ Божій.

Болѣе поверхностное мнѣніе по этому поводу можно часто слышать такое. Обратившись къ пасторальному быту пейзажъ и къ сферѣ сельской идилліи, Котляревскій противопоставилъ чистоту отношеній селянъ—извращенной цивилизаціи города чиновничьей средѣ, переполненной ябедою, крючкотворствомъ и взятками. Онъ представилъ, съ одной стороны, героя Петра, который 4 года возить сѣно и шеницу и пасеть овецъ, хоть и не

¹⁾ Первое полное собраніе законовъ Р. И. Т. XXXVIII, № 29312 и т. XXXIX, № 29, 768

у дяди Лавана, а гдѣ-то въ Донскихъ станицахъ, откуда является на сцену съ чистымъ сердцемъ, а съ другой—изувѣра, живущаго по законамъ конца XVIII и начала XIX вѣка «животами просителей» и выполняющаго роль судебнаго пристава—Возьного. Какъ видно изъ «Москаля чаривныка» того-же Котляревскаго, въ тѣ времена на Украинѣ распѣвались сладостныя пѣсенки въ родѣ:

«Не прельщай уже мене, драгая, болѣ,
Бо я й самъ уже тобою прелестился»!...

или:

«Почто, ахъ, не склонша!»...

или еще лучше:

«Прочь, обманъ всякойи славы,
Прочь и вы, вси забавы: прочь! прочь!
Я, стадо овцѣ гоня,
Тѣшу въ лугахъ себя!
Кушанье мни не въ думци
Хлѣбъ и сѣль ношу въ сумци (т. е. въ сумкѣ)
Сладку воду пью,
Въ роцахъ подѣ тѣнью сплю!» и т. д.

Такія и подобныя пѣсни размножились подѣ вліяніемъ сильно распространявшагося тогда на югѣ ученія Сковороды, который въ своихъ сочиненіяхъ также писалъ:

«Ничего я не желатель, кромѣ хлѣба и воды!»

или:

«О селянскій, любый, мылый мій покою» ¹⁾!

Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ журналѣ «Русское Слово», когда публицисты хотѣли смотрѣть на міръ «трезво»,— и эти чувствительныя пѣсни и все ученіе Сковороды обзывались «схоластическою ерундою и семинарскою мертвечиною». Но раньше (въ 20-хъ и 30-хъ годахъ того же прошлаго вѣка), когда и

¹⁾ Сочиненія Г. С. Сковороды. Харьковъ 1894. Стр. 268, 289.

«Телескопъ», и «Отечественныя Записки» очень интересовались Сковородою, такого рода пѣсни были еще въ фаворѣ. Понятно, что и Котляревскій влагалъ ихъ въ уста дѣйствующихъ лицъ: а затѣмъ всѣмъ извѣстно изъ Тургенева, что «хохлы» — очень чувствительный народъ. и стоитъ лишь имъ запѣть:

«Грае, грае воропае!» —

они сейчасъ же раскиснутъ и расплачутся. Такъ и съ «Наталкою Полтавкою» вышло: играютъ ее и поютъ «Вѣютъ вѣтри», или «Иды жъ, Петре, до тѣея», — а они и плачутъ!

Такіе комментаріи какъ будто и просты, и ясны; но они крайне поверхностны. ибо не даютъ объясненія тому факту, который у всѣхъ передъ глазами: что не смотря на повременныя смѣны настроеній въ обществѣ сентиментальнаго, романтическаго, объективно-идеалистическаго, натурально-реалистическаго, материалистико-атеистическаго, сатирическаго, нигилистическаго, спиритуалистическаго, социаль-демократическаго, материаль-экономическаго, марксистическаго, неомарксистическаго, декадентскаго и проч. и проч., — «Наталку Полтавку» съ одинаковою охотою слушали и слушаютъ вотъ уже девятое десятилѣтіе... Всѣ подобные комментаріи не разрѣшаютъ вопроса о томъ, какія особенности отличаютъ эту театральную піесу отъ другихъ подобныхъ и создали для нея такое же безсмертное положеніе въ репертуарѣ, какое имѣетъ и «Ревизоръ». Очевидно, что, кромѣ трогательныхъ пѣсень и мѣткихъ выраженій, въ «Наталкѣ-Полтавкѣ» есть какая-то основная мысль, которая можетъ пережить десятки лѣтъ съ измѣненіями въ теченіи ихъ и вкусовъ и требованій публики. Отыскать ее и рассмотреть въ связи съ тѣми умоначертаніями, какія подъ вліяніемъ Сковороды исповѣдывалъ авторъ, будетъ плодотворнѣе, чѣмъ отыскивать мѣткія, стереотипныя выраженія того или другого изъ дѣйствующихъ лицъ, ставшія поговорками на югѣ Россіи.

Къ Сковородѣ, оставившему службу профессора потому, что онъ не могъ при изложеніи своего предмета подчиняться программамъ и инструкціямъ, преподаваемымъ со стороны, и отираившемуся съ котомкою за спиною подъ «селянскую сѣнь» простыхъ хатъ, относятся теперь уже не такъ, какъ во времена,

когда Пушкина объявляли пустомелею, воспѣвавшимъ неизвѣстно, для чего кисейныхъ барышень. Послѣ новаго болѣе полного изданія сочиненій Сковороды признано то, что утвердилъ много разъ Костомаровъ относительно широкаго вліянія его на умственную жизнь Юга Россіи конца XVIII и начала XIX вѣка. Есть возможность уже прослѣдить до извѣстной степени ту преемственность идей, какая имѣла мѣсто при развитіи южнорусской интеллигенціи новаго типа послѣ объединенія старой Малороссіи, Слободской Украины, Юго-Западнаго края и Новороссіи. Когда перестали дѣйствовать старыя типографіи на югѣ Россіи, а традиціи былого просвѣщенія сохранялись еще кое-какъ въ школахъ мандрапныхъ дяковъ, мало по малу утрачивавшихъ свои знанія,—сочиненія Сковороды переписывались вездѣ на Югѣ Россіи еще очень долго—лѣтъ 70—80 послѣ ихъ написанія, что подтверждается массою рукописныхъ списковъ его сочиненій. Шевченко, въ своемъ стихотвореніи, посвященномъ Козачковскому, признается, какъ онъ на крадепый у дяка пятакъ покупалъ листъ бумаги, и составлялъ—

Маленьку книженку; хрестамы
И вызерупкамы зъ квиткамы
Кругомъ лысточкы обведу,—говорить онъ:
Та й зпысую «Сковороду».

А время, когда этотъ геніально-талантливый мальчикъ учился у дяка, относится уже къ 20-мъ годамъ XIX вѣка, тогда какъ первое большое сочиненіе Сковороды для молодого шляхетства харьковской губерніи было написано въ 1766 году. Что Шевченко, списывая сочиненія Сковороды, вникалъ и въ мысль ихъ, видно изъ позднѣйшихъ его произведеній, выраженія которыхъ непонятны безъ сличенія съ ученіемъ Сковороды, напр., о значеніи для духовной жизни человѣка утренняго (невечерняго) и вечерняго свѣта («И свить тихый *невечерній* тихенько засяйе») и т. п. Что и Шевченко, и Котляревскій были подъ обаяніемъ ученія Сковороды—сомнѣній быть не можетъ. А училъ Сковорода и украинское шляхетство въ аудиторіяхъ Харьковского кол-

легиума, и добившихся, въ замѣнъ шляхетства, званія дворянства знакомыхъ ему помѣщиковъ (ходатайствовавшихъ впослѣдствіи объ учрежденіи университета въ Харьковѣ), и мужиковъ по селамъ и хуторамъ—простой философской морали, хотя и выраженной въ замысловатыхъ выраженіяхъ, что «счастье доступно каждому»—не такъ, какъ другіе атрибуты нашей жизни, какъ напр., богатство, здоровье, какіе достаются въ удѣлъ далеко не всѣмъ; училъ онъ, что *χαλεπα τα' κακα*, т. е. что трудно дѣлать зло, а добро дѣлать очень легко, и дѣлать его—необходимо нужно; а все нужное—вовсе не трудно. «Нужно ли солнце, вода, земля, огонь?»—спрашивалъ онъ учениковъ своимъ сократическимъ методомъ: «а трудно ли пользоваться этими благами?»² Всѣ люди—равные братья, и истина, по утверженію Сквороды, доступна и простому мужику, и образованному вельможѣ.

При такихъ исходныхъ точкахъ зрѣнія на людей, добро и зло, не могъ Котляревскій осмѣивать одно какое-либо сословіе, одно какое-либо социальное положеніе, противопоставляя его другимъ. Въ «Прѣ бѣса съ Варсавою», гдѣ послѣдній есть Григорій Савичъ Скворода, люди дѣлятся на классы иначе, и для нихъ тутъ указывается два пути жизни: одинъ путь радости—путь скромный и тихій (по которому слѣдуетъ и Скворода); другой путь—вептеръ (вьятеръ—рыболовный снарядъ)—путь сребролюбцевъ, сластолюбцевъ, честолюбцевъ, шествующихъ подъ звуки музыки и лязгъ бичей среди запаха гастрономическихъ кушаній, при восклицаніяхъ торжествующихъ льстецовъ и т. п. Есть, наконецъ, люди, которые не рѣшаются вступить открыто ни на одинъ изъ этихъ путей, а постоянно стоятъ между двухъ стульевъ, идутъ какъ-то по срединѣ между двумя ясными путями. Это—лицемѣры: «есть то сатана, преобразившійся въ ангела свѣтла; нѣтъ сего злѣе во всемъ адѣ!»—говорить Скворода.

Сославши въ адъ представителей двухъ послѣднихъ разновидностей въ своей «Энеидѣ», не разбирая чиновъ ихъ—отъ царей и до босяковъ и «бывшихъ людей», послѣдователь ученія Сквороды сталъ искать идущихъ по первому, тихому и незамѣтному пути, но по пути истины. И онъ нашелъ ихъ—во всѣхъ шести

лицахъ персонала своей «Наталки-Полтавки», несмотря на присутіи каждому личные недостатки.

Общепринятое мнѣніе гласить, что нельзя во всѣхъ ихъ видѣть положительные типы, что много есть отрицательныхъ чертъ и въ Выборномъ и въ матери Наталки; что же касается Возьного, то это—отъ начала до конца типъ отрицательный, выведенный Котляревскимъ съ цѣлью оттѣнить всю прелесть неиспорченности пѣйзанъ. Вотъ по этому поводу мы и желаемъ высказать противоположное мнѣніе, которое, можетъ показаться парадоксальнымъ многимъ изъ артистовъ малорусскихъ театралныхъ труппъ. Имъ кажется, что и Выборный, и Возьный выведены авторомъ для осмѣянія ихъ и косвеннаго возвеличенія остальныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Выборнаго бурлака Мыкола характеризуетъ какъ такую хитрую лисицу, которую нужно посылать туда—«де и чортъ не зможе». Онъ и Возьного опредѣляетъ не иначе, какъ—«юрыста завзятый и хапушь такой, що й зъ ридного батька злуццить». Но и теперь всѣ бурлаки Мыколы точно такъ-же выражаются обо всѣхъ адвокатахъ, попахъ, докторахъ, землемѣрахъ, инженерахъ и прочихъ представителяхъ профессиональнаго труда, неоплачиваемаго опредѣленнымъ жалованьемъ. А самое главное, что тотъ же Мыкола знаетъ, что и Возьный, и Выборный, и Терпилюха—полтавцы, а всѣ полтавцы, по его мнѣнію, не плачуть, а веселятся, гуляютъ и радуются. По заключительной пѣснѣ пьесы авторъ также всѣхъ полтавцевъ безъ исключенія причисляетъ къ идущимъ по пути работы Сковороды: «злые»—плачуть, но между полтавцами—нѣтъ злыхъ: оттого они и гуляютъ и веселятся.

Но неужели и Возьный причисленъ авторомъ къ этимъ идущимъ при побѣдѣ добра падъ зломъ полтавцамъ?

— «Возьный—приказная строка, канцелярская крыса, типъ крючка и ябедника, увы, весьма среди хохловъ распространенный!»—говоритъ авторъ въ одной изъ статей, посвященныхъ Котляревскому по случаю открытія ему памятника ¹⁾. Вставленнымъ

¹⁾ „Новое Время“ 1903 № 9870. Приложение.

междометіемъ «увы!» этотъ авторъ обнаружилъ свое если не полтавское, то «хохлацкое» происхожденіе. Ему жаль, что между его земляками много крючковъ и ябедниковъ. А намъ очень жаль, что онъ такъ голословенъ и не подтверждаетъ свое мнѣніе о Возьномъ какими-либо доказательствами.

Капцелярія, въ которой, по словамъ этого автора, «со времянь Екатерины II, а въ духовномъ вѣдомствѣ даже со времянь Петра I», пресмыкаются люди, подобные Возьному, на сценѣ „Наталки-Полтавки“—вовсе и нѣтъ; ни на кого эта приказная строка въ теченіе всего представленія ябеды не пишеть; если онъ и взяточникъ, какимъ рисуеть его Мыкола,—прибавимъ мы отъ себя,—то ему также въ піесѣ не представляется случая взять такой „взятокъ, сырчъ вынужденный подарочокъ“, о какомъ онъ вздыхаетъ. Профессіональныя его дѣйствія и качества, обусловленные регламентами Петра I или Екатерины II, авторъ „Наталки-Полтавки“ оставилъ въ сторонѣ. Со многими взяточниками, начиная отъ Юпитера и Нептуна, онъ имѣлъ дѣло въ своей „Энеидѣ“; тамъ онъ для нихъ, какъ политическихъ дѣятелей, нашель казни, усиливши Дантовскую и Виргилиевскую изобрѣтательность картинами дикихъ запорожскихъ расправъ съ преступниками. А здѣсь онъ беретъ Возьного внѣ его общественной дѣятельности въ тотъ моментъ жизни, который нѣмцы называютъ schönste Lenz der Liebe, и анализируетъ его душу въ этотъ моментъ съ цѣлью рѣшить вопросъ, по какому изъ двухъ сковородинскихъ путей отправится его герой-полтавецъ?

Злоба Василиска, по словамъ Сквороды, царствуетъ въ мірѣ: онъ—глухъ, какъ камень, холоденъ, какъ ледъ. Но для чего является ледъ?—Для того, чтобы таять! Мертвая матерія вся лежитъ въ тузѣ (въ тугѣ, т. е. печали), въ пей нѣтъ инициативы; она не можетъ вызвать любви въ себѣ. А у людей любовь эта есть, но она спитъ. Разбудите ее въ сердцахъ вашихъ, эту силу любви, мысли и стремленій къ идеалу,—и ледъ, заковавшій ваше сердце, растаетъ, а въ награду за то вы получите радость, выше которой ничего нѣтъ на землѣ.

Съ такими примѣрно рѣчами, при переводѣ на нынѣшній русскій литературный языкъ съ языка Сковороды, на половину библейскаго, на половину малорусскаго и русскаго XVIII столѣтія, обращался къ однимъ своимъ ученикамъ этотъ философъ. Другимъ онъ могъ говорить: «Хочете буты веселымы, хочете радости,—робить добри дила! Не выненъ тому свить, що мы тужымо: мы сами тому вынни, бо сатана гасыть божеськый вогонь у нашому серци; а згасла въ ёму любовь,—воно жметя и тужыть. Розбудить ёго, розтопить крыгу, що вкрыла ваше серце, воскресить ёго,—и вы зазнаете счастья й радисть на земли!»

И Котляревскій заставилъ полтавца Возного сдѣлать доброе дѣло,—и это доброе дѣло его замѣнило искусственное появленіе *deus ex machina*, чтобы пьеса нѣ окончилась трагически. Попросимъ читателя не поскучать за болѣе подробнымъ изложеніемъ по тексту Котляревскаго хода роли Возного, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Онъ является на сцену, какъ человекъ, котораго въ первый разъ въ жизни заполонила любовь «съ ея небесною отрадой, съ ея мучительной тоской». Это произошло, по его признанію, тогда, когда онъ увидѣлъ «душистый, прекрасный, майскій» (варьянтъ—«райскій») цвѣтокъ—Наталку. Съ тѣхъ поръ все въ головѣ его пошло вверхъ дномъ: канцелярскія бумаги, статьи и параграфы законовъ, судебные иски, засѣданія конныхъ судовъ, для которыхъ онъ долго, вѣроятно, изучалъ всѣ параграфы и запятыя Магдебурскаго права, даже чинъ, котораго не безъ труда онъ добился,—ему опротивѣли. Онъ молитъ предметъ своей любви доставить ему рай, ибо будущая жизнь съ нею, какъ съ женою, ему представляется сладкою, какъ медъ и молоко. Онъ и Наталку, и публику театральную увѣряетъ, что если бы зналъ столько языковъ, сколько было статей въ тогдашнихъ законахъ, то и этихъ средствъ не хватило бы для полнаго изображенія всѣхъ ея прелестей съ его субъективной точки зрѣнія на нее.

На возраженія Наталки, что онъ—панъ, а она—мужичка, онъ приводитъ тѣ же доводы, какіе будутъ всегда приводить влюбленные въ особу съ пизшимъ положеніемъ въ обществѣ. Развѣ

онъ виновать, что ко всѣмъ знакомымъ ему дѣвицамъ его круга— дочерямъ судей, священниковъ, писарей онъ равнодушенъ? А ея образъ преслѣдуетъ его даже ночью! И такое состояніе его началось не со вчерашняго дня, а еще съ тѣхъ поръ, какъ она съ матерью перебралась изъ Полтавы въ то подгороднее село, гдѣ происходитъ дѣйствіе. Когда Наталка ссылается на свое положеніе и проситъ его не ухаживать за нею, ибо это можетъ ее опозорить: «какъ про дѣвицу начнутъ шептать!..»—онъ прерываетъ потокъ своего краснорѣчія и *задумывается*. «Смѣшныя мишш играютъ у него на лицѣ»—сказано въ ремаркѣ: актеру предложено рѣшить, — думаетъ ли онъ при этомъ, какъ несостоятельны ея возраженія и какъ онъ сумѣетъ ихъ разбить дальнѣйшимъ своимъ поведеніемъ, или онъ самого себя почувствовалъ въ смѣшномъ положеніи и не знаетъ, какъ выпутаться изъ него, или еще что-нибудь смѣшное пришло ему въ голову; но *задумывается* онъ такъ сильно, что даже не замѣчаетъ, какъ Наталка, отпарировавши ударъ, ей панесенный, уходитъ домой.

Послѣ убѣжденій Выборнаго, что ни одна мужичка не осмѣлится отказать отъ предложенія руки такого пана, какъ Возьный, онъ ухватывается за предложеніе этого ловкаго человѣка стать сватомъ; онъ проситъ Выборнаго пустить въ ходъ всѣ средства, даже пойти на обманъ, лишь бы достигъ благополучія его, а слѣдовательно и Наталки, которую онъ постарается вывести изъ бѣдности. Когда тотъ возражаетъ противъ утвержденія, что пѣль оправдываетъ средства, Возьный въ пѣспяхъ Сковороды, какъ высшаго авторитета того времени, старается найти доказательства, что и ложь допустима, если она практикуется не во вредъ, а на пользу ближнимъ.

Во второмъ актѣ Возьный уже «съ самодвольнымъ лицомъ», какъ сказано въ ремаркѣ автора, чувствуетъ себя па верху блаженства: «наикраца зо всего села и прикосновенныхъ околицъ» дѣвица сама согласилась выйти за него замужъ, благодаря содѣйствію прекраснаго и умѣлаго свата! Съ развязностью человѣка, готоваго «весь міръ обнять», онъ, по поводу сообщаемыхъ новостей по литературѣ, дѣлаетъ бойкія критическія замѣчанія о «Козацѣ

стихотворцѣ» Шаховского, находить, что цѣль этихъ піесей—осмѣять все малорусское—не состоятельна, ибо два плута не могутъ скомпрометировать не только цѣлаго края, но даже и небольшого села. Тутъ онъ является такимъ же полтавцемъ, какъ и всѣ остальные дѣйствующія лица.

Но вотъ онъ—съ глазу на глазъ съ своимъ болѣе счастливымъ соперникомъ Петромъ въ присутствіи невѣсты, матери ея, свата и Мыколы. Жалкій «годованецъ» умершаго Терпила, пройдысвить, ланецъ—посягаетъ на его счастье! Фраппированный такимъ возможнымъ оборотомъ своей судьбы, Возьпый вспоминаетъ о своемъ положеніи въ селѣ, о своей власти и силѣ и иронически, но твердо предлагаетъ нищему-проходимцу убираться своею дорогою, матери Наталки грозить судомъ, и хочетъ поставить па своемъ. Его поддерживаетъ Выборный, а мать Наталки, зная, что значить «посыдита на вежи», послѣ бурной сцены, забывая свои чувства къ Наталкѣ и Петру, говоритъ ему, что что бы онъ ни сдѣлалъ,—все будетъ хорошо: «Вы у насъ—папъ цысьменный!»

Вопросъ о томъ, ведетъ ли «письменство» къ безправственности и практикованію пасилія, является ли эгоизмъ или альтруизмъ въ видѣ плодовъ просвѣщенія,—поставленъ авторомъ въ ея словахъ на судъ публики очень рѣзко и открыто, съ такою же силою, какъ и у Л. Толстого въ его «Плодахъ просвѣщенія». Въ исторической перспективѣ вопросъ этотъ можетъ быть редактированъ слѣдующимъ образомъ: «семинарская-ли мертвечина и схоластика та мудрость, которая изъ Харьковскаго коллегіума, Кіевской академіи и Переяславской семинаріи разливалась тогда по повой Украинѣ—и Слободской, сѣгобочной, и тогочной, гдѣ только бывалъ Сковорода и гдѣ переписывались его сочиненія, или же эта наука можетъ привести къ тому, что «великодушный поступокъ» пересилить страсти?

Слѣдующія реплики дѣйствующихъ лицъ открываютъ, что Наталка дала согласіе на бракъ съ Возьпымъ только по настоянію матери, а на самомъ дѣлѣ ея влеченіе къ Петру теперь получило новую непреодолимую силу, что Петро—вовсе не такой нищій, какъ казалось всѣмъ раньше, по... несмотря на свою лю-

бовь къ Наталкѣ, чтобы не поселять раздора между нею и матерью, онь отказывается отъ невѣсты!..

Возьный второй разъ *задумывается*, но уже безъ всякихъ «смѣшныхъ мишъ» на лицѣ. Онь переживаетъ борьбу между абстрактнымъ ученіемъ морали, какую теоретически исповѣдывалъ, и конкретными своими стремленіями къ счастью, построенному, какъ видитъ онь теперь, на несчастіи ближнихъ. Онь пораженъ уяснившимся для него теперь самопожертвованіемъ Наталки для матери и другимъ самопожертвованіемъ Петра для той же Терпилыхи. «Ледъ» Сквороды, окутывавшій до сихъ поръ душу Возьного, по ученію того же Сквороды, растаялъ: сатана побѣжденъ; въ сердцѣ полтавца, изучавшаго наставленія великаго земляка-учителя и пропагандировавшаго ихъ въ первомъ актѣ Выборному, открывается путь истины и радости. Послѣ раздумья произноситъ онь свой знаменитый монологъ: «Размышлявъ я предоволно..., а затѣмъ съ сонзволенья «ветхой деньми», у которой испрашиваетъ благословенія на «доброе дѣло», объявляетъ Наталку невѣстою Петра. Онь въ піесѣ дѣйствительно совершаетъ чудо безъ «*dens ex machina*»,—не то чудо, о которомъ молилась раньше Наталка («Боже! выжены любовь до Петра зъ мого сердца!»), а другое, опрокидывающее весь предыдущій ходъ дѣйствія, переламывающее всю драматическую интригу, развивавшуюся до сихъ поръ, и обращающее піесу изъ трагической въ веселую.

Такова роль Возьного. Если текста ея одной нельзя перевести на пѣнѣ употребительные литературные малорусскій или великорусскій языки, оставивъ неприкосновеннымъ все остальное,—переведите всю «Наталку-Полтавку» на итальянскій языкъ со всѣми ея пѣснями, и дайте эту роль выполнить опытному и умѣющему изображать высокія душевныя движенія *jeune première*. Будетъ ли это та роль, какую мы привыкли видѣть въ исполненіи «Наталки Полтавки» у насъ? Какъ отнесется итальянская публика и къ любовной аріи Возьного «Одъ юныхъ литъ», и ко всей его роли? Не въ немъ ли она увидитъ перваго героя всей піесы, побѣдившаго своимъ самопожертвованіемъ подобное

же проявленіе воли Петра и Наталки? Если такъ, то это вполне будетъ соответствовать той сентенціи, какую авторъ, по обычаю своего времени, подъ конецъ піесы влагаетъ въ уста Выборцаго и Мыколы:

— «Оттакови то пашы полтавци! Коли дило пиде, щобъ добро зробыты, то одынъ передъ другимъ хапаются!

— Наталка—по всему полтавка, Петро—полтавецъ, та й Возьный, здається,—не зъ другой губерніи!»

Малорусскій оборотъ въ концѣ послѣдней фразы для всѣхъ, кто знаетъ характеръ малорусскихъ разговоровъ, выражаетъ тутъ превосходную степень въ смыслѣ: «а Возьный въ великодушїи и самопожертвованїи превзошелъ всѣхъ!» Понятно, что если полтавцы обладаютъ такими доблестями, то они и поютъ на зло всему свѣту:

«Почыпаймо жъ веселиться,
 Часъ намъ слѣзы осушить:
 Докы жъ лыха намъ страшиться,—
 Не до смерти жъ въ гори жыть!
 Нехай злыи одни плачуть,
 Бо не добре замышляють,
 А полтавци добре скачуть
 И на зло другимъ гуляють!»

Слушатели піесы и въ Нижнемъ Новгородѣ, и на Кубани, и въ Петербургѣ, и въ Полтавѣ инстинктивно понимаютъ, что прославленіе полтавцевъ—то же, что говорятъ малороссы не безъ юмора про себя: «мы люде добри сами себе хвалымо!» Въ этомъ шутиломъ оборотѣ рѣчи всѣ видятъ лишь гимнъ высокимъ движенїямъ человѣческой души, которыми авторъ надѣлилъ больше всѣхъ Возьного. Но выносилъ ли кто-либо оттуда, гдѣ играли «Наталку Полтавку», такое заключенїе о Возьномъ, приходилъ ли кто-нибудь, выйдя изъ театра, къ мысли, что наиболѣе высокій нравственный подвигъ совершилъ Тетераковскій?

Вѣроятно, къ сожалѣнію, никто, пигдѣ и никогла; а виною тому—исполненїе роли Возьного.

Всякій актеръ, начинающій разучивать эту роль, знаетъ, насколько она «выигрышна» и въ какомъ смыслѣ по сложившейся традиціи—при подчеркиваніи и пересаливаніи того комического элемента, какой въ ней есть. «Смѣшныя мишѣ» Возьного, о которыхъ есть упоминаніе въ концѣ второй сцены I-го акта, артистъ истолковываетъ своеобразно, старается довести ихъ до той степени шаржа, какая отвѣчаетъ, напр., роли *dottore Bartolo* въ «Севильскомъ цирюльникѣ». Онъ забываетъ, что Бартоло ни за что не отказался бы по своей волѣ, какъ Возьный, отъ Розины, если бы на дорогѣ не явился всесильный графъ Альмавива и нотаріальный актъ... Представивъ себѣ въ лицѣ Возьного такого же 60—70-лѣтняго старика—селадопа, актеръ и гримъ подбираетъ подходящій для *dottore Bartolo* и появляется на сцену въ самыхъ непривлекательныхъ краскахъ—уродъ-уродомъ, съ лысиною на все темя, нюхающимъ табакъ и утирающимъ платкомъ сомнительнаго цвѣта бритую губу подъ носомъ, забитымъ табачищемъ. Такой уродливой фигурѣ, одѣтой въ какіе-то невозможные картузы и балахоны, присваивается гнусявій голосъ, произносящій дѣйствительно смѣшныя по настоящему времени выраженія изъ книжной рѣчи получившихъ полубогословское образованіе и начиненныхъ канцелярскою мудростью интеллигентовъ старой Малороссіи.

Народный языкъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ въ «Наталкѣ-Полтавкѣ»—тотъ же, какимъ говорятъ и теперь въ Полтавѣ и вокругъ Полтавы. Искреннія и глубокія чувства Наталки, ея матери, Петра, проникнутыя юморомъ замѣчанія Мыколы, а особенно Выборнаго, поражаютъ своею пластичностью и ярко-выразительнымъ стилемъ простонародной рѣчи—«безъ примесу ухыщренія», какъ сказалъ бы Возьный. Задушевные дѣспи «Чого вода каламутна»? «Віють витры» и др. трогательны не только по мелодіи своей, но и по чарующей прелести языка, какой рѣдко достигаетъ кто-либо изъ нынѣшнихъ малорусскихъ поэтовъ. Неуклюжій же книжный языкъ Возьного съ его риторическими, но плоскими уподобленіями, метафорами и синекдохами, устарѣвшій уже и для времени написанія «Наталки-Полтавки» (1819), слиш-

комъ контрастируетъ съ живою пародною рѣчью, можетъ быть даже больше чѣмъ пылѣвшій канцелярскій языкъ официаль-ныхъ бумагъ съ тою же рѣчью. Если теперь весь театръ снизу до верху хохочетъ неудержимо, когда г. Кропивницкій въ роли волостного старшины на сценѣ, гдѣ слышится пародная малорусская рѣчь, начинаетъ читать предписаніе уѣздной земской управы, въ которой выражено, «категорическое требованіе предпринять мѣры противъ эпизоотическихъ заболѣваній», то что прикажете дѣлать, когда, послѣ вышепроеписанной подготовки въ гримѣ и костюмѣ, на сцену является карикатура на человѣка вообще и начинаетъ рѣчь словами:

«Благодѣнственнаго и мирнаго пребыванія!»

Дальнѣйшая рѣчь этого сатира въ образѣ Возьлого пересыпается ипостраинными словами, отчасти уже вышедшими изъ употребленія, въ родѣ: «терминъ, партикулярно, резолюция, оказія, артикуль, контроверсія, позовы, копы, утроба (въ смыслѣ тайники души); чювствіе, зракъ, кригъ, сугклить, вышереченный, кмиты хожденіе, возженіе крови» и т. п. Чѣмъ болѣе изысканный стиль хочетъ употребить «нысьмѣнный палъ», сплетая свои вычурныя слововыраженія, тѣмъ онъ смѣшнѣе для публики, хотя никто изъ дѣйствующихъ лицъ на сценѣ не находятъ его языка уродливымъ: они ничѣмъ не выражаютъ, что стиль этотъ для ихъ ушей неожиданный, страшный, или смѣшной.

Когда Возьный объясняетъ Наталкѣ: «ты одна заложыла йому (моему сердцу) позовъ на вичныи роки и душа моя ежечасно волаетъ тебе послѣ пышпорной даже годыны»,—Наталка просто отвѣчаетъ: «Воля Ваша, добродію: а Вы такъ зъ-нысьмѣнна говорите, що я того не зрозумію». Такъ отвѣтила бы предсѣдателю суда, если бы была въ состояніи, знаменитая преступница М. Левицкаго, на его вопросъ:

«Подсудимая! копія обвинительнаго акта была вамъ вручена?»¹⁾ по она, какъ извѣстно, была въ томъ положеніи, что могла только рыдать.

1) Литературный збирникъ. У Киви, 1903, стр. 296.

Дѣйствительно, трудно «зрозумити» простому челоуѣку всѣ условности книжной рѣчи, мѣняющіяся при томъ десятилѣтїями такъ, что мы теперъ ужъ не можемъ безъ улыбки слышать со сцены восклицаніе влюбленнаго Собинина: «Такъ ты для земного счастья—грядущая женка моя»!

А къ высокопарному языку Возьного, чуждому по своей архаичности и малороссамъ и великороссамъ, да еще въ противопоставленіи его съ языкомъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ, зрители относятся только съ гомерическимъ смѣхомъ. Зрители изъ простонародья, незнакомые съ исторіею развитія литературныхъ языковъ, но изрѣдка слышащіе газетныя выраженія (конверсія, институція, конституція, ликвидація и т. п.)—не смѣются. Послѣ перваго акта «Наталки-Полтавки» они правильно опредѣляютъ положеніе Наталки, Выборнаго, ея матери, принимая Выборнаго за волостного старшину; по относительно Возьного намъ приходилось слышать и такое опредѣленіе: «це, мабудь, якыйсь нимецъ!» Такъ поражаетъ ихъ его языкъ, хотя смѣшного въ немъ они видятъ столько же, сколько и въ языкѣ церковныхъ проповѣдей, т. е.—ничего; надъ кривляньями же актера, изображающаго Возьного, они смѣются наравнѣ съ остальною публикою. Для послѣдней же отношеніе къ этому уроду рѣшено съ перваго появленія его на сценѣ: что бы онъ ни сказалъ,—хохочуть, полагая при этомъ, что и авторомъ онъ выведенъ на посмѣшище, тѣмъ болѣе, что актеръ каждой фразѣ Возьного придаетъ не только комическій, а пошло-комическій отгѣнокъ. Когда дѣло доходитъ до акта самоотреченія Возьного отъ земного счастья ради высшихъ благъ, уже всѣ смотрятъ на него, какъ на какого-то цолишинеля, и несмотря на то, что его «благородный поступокъ» долженъ бы вызвать другое отношеніе къ нему, продолжаютъ хохотать; этотъ хохоть сливается съ смѣхомъ отъ радости, что все окончилось благополучно: и Петро не ушелъ куда-то скитаться или погибать, и Наталка не утопилась!

Но слѣдуетъ ли актерамъ такъ играть роль Возьного? слѣдуетъ ли публикѣ такъ относиться къ его признанію, напр., что

«за недосужностью по службѣ» ему не удалось сдѣлать ни одного добраго дѣла?

Что хуже: взяточникъ и канцелярская крыса, или горькій пьяница и тупоумный канцелярскій писецъ? Можно и надъ Акакіемъ Акакіевичемъ смѣяться и сыпать ему на голову бумажки, но—до извѣстнаго предѣла. Когда этотъ низенькій чиновникъ съ лысиной на лбу скажетъ: «Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?» и въ этихъ словахъ зазвенятъ другія: «я—братъ твой!»—даже весь вѣкъ смѣявшійся Гоголь смѣяться не рекомендовалъ. Можно и надъ пьянчужкой смѣяться; но когда въ другой театральнѣй піесѣ онъ восклицаетъ: «Шире доро́гу! Любимъ Торцовъ идетъ!»—и публика и весь хоръ на сценѣ, до этого момента хохотавшій надъ нимъ, притихаетъ, ибо при надлежащемъ выполненіи роли этого Торцова чувствуютъ, что тутъ заговорило долго унижавшееся человѣческое достоинство, при томъ не изъ-за своихъ выгодъ, а ради спасенія ближнихъ.

А развѣ монологъ Возьного «Розмышлявъ я преодолпо...» не ниже и не выше возгласа Торцова? Возьный еще болѣе вправѣ, чѣмъ Сквозникъ-Дмухановскій, крикнуть на смѣющихся надъ нимъ титулярныхъ и надворныхъ совѣтниковъ: «Чему смѣтесъ? Надъ собою смѣтесъ!.. Развѣ и вы всѣ не такъ же ли, спѣша на службу, или оканчивая срочную служебную работу, не находите времени на доброе дѣло и по недосугу даже не выслушиваете просящихъ у васъ помощи? Да! по милости дворянъ несую обязанности непріятной службы, на которой произвожу взысканія, присужденныя судомъ, несмотря на слезы разоряемыхъ отъ продажи послѣдней коровы! Да! я живу на счетъ вынужденныхъ подарочковъ, ибо такъ полагается. Но я—и сковородынецъ (какъ теперь сказали бы—«толстовецъ»), и никто изъ васъ, здѣсь присутствующихъ не смѣетъ отнять у меня права на другое—«святѣйшее изъ званій—человѣкъ»!

Монологъ его приблизительно это и говоритъ; но публика, какъ и послѣ раздирающихъ душу возгласовъ Сквозника-Дмухановскаго съ его бранью на «проклятыхъ либераловъ», видя комическія ужимки и прыжки Возьного, продолжаетъ хохотать.

А этого ли хотѣлъ достигъ авторъ, вложивъ въ уста Возьного этотъ монологъ? Возьный—болѣе скромнѣе, чѣмъ Сквозникъ: разразившись сначала бранью противъ Петра и Наталки, этихъ проклятыхъ либераловъ, разсѣивающихъ всѣ его мечты о счастья, какъ дымъ,—онъ затѣмъ одумался и, по рецепту Сквороды, совершаетъ свой подвигъ тихо и смиренно, чтобы затѣмъ присоединиться, по тому же рецепту, къ общей радости всѣхъ «ближнихъ».

Мы приближаемся къ концу нашей замѣтки. Если она вызоветъ у солидныхъ критиковъ художественныхъ произведеній желаніе обстоятельно пересмотрѣть сочиненія Котляревскаго въ исторической перспективѣ въ смыслѣ установленія преемственности идей южно-русской литературы XVIII—XIX вѣковъ, если она побудитъ г.г. артистовъ подумать о роли Возьного, прежде чѣмъ ее исполнять по создавшемуся шаблону, то цѣль ея мы будемъ считать достигнутой. Мы только напоминаемъ признанное положеніе, что ничто не появляется въ исторіи развитія мысли и искусства во всеоружіи, какъ когда-то Паллада вышла изъ головы Юпитера: каждое художественное произведеніе имѣетъ предшественниковъ и корни въ общенародныхъ умоначертаніяхъ. И Софокль, и Пушкинъ, и Шевченко брали темы изъ народныхъ разсказовъ. Если Котляревскій сумѣлъ разъяснить неясную, наполовину мистическую философію Сквороды, разъяснить театральную публикѣ и читателямъ въ образахъ персонажа и дѣйствія «Наталки-Полтавки», то это и есть одна изъ его заслугъ, за которыя поставили ему памятникъ.

Котляревскій—не изъ того рода писателей, которые подсмѣиваются надъ неотесанностью, простоватостью или глуповатостью мужика—только потому, что онъ мужикъ, или же наоборотъ надъ неисправимою испорченностью канцелярскихъ крысъ и ябедниковъ только потому, что они сидятъ въ канцеляріяхъ. Онъ бралъ предметомъ своего анализа человѣка, какъ такового, а потому-то и сочиненія его, если не безсмертны, то очень долговѣчны. Такой знатокъ человѣческаго сердца и правдивыхъ ху-

дожественныхъ концепцій, какимъ былъ Шевченко, въ стихотвореніи «На вичпу пам'ять Котляревскому» говорить:

«Будешъ, батьку, панувати,
Поки жьвуть люде,
Поки сонце зъ неба сяє,—
Тебе не забудуть!»

Пророчество якобы очень сильное; похвала будто свыше мѣры: но она вылилась изъ такихъ компетентныхъ устъ! Что нашель Шевченко (не говоря объ «Энеидѣ») въ этой маленькой театральной піесѣ? Несомнѣнно ту широту замысла и ту художественную экспрессію экспансивныхъ чувствъ, какія руководили и имъ въ любовномъ отношеніи и къ княгинямъ, поработившимъ его братьевъ и сестеръ, и къ полякамъ, поработителямъ всей украинской націи. «Будьте людьми!»—твердилъ онъ въ унисонъ съ своими учителями Скородою и Котляревскимъ въ своихъ вдохновенныхъ поэтическихъ воззваніяхъ и къ мертвымъ, и къ живымъ, и къ ненародившимся еще тогда своимъ землякамъ, и ко всѣмъ читателямъ его произведеній. Потому онъ и оцѣнилъ такъ высоко музу Котляревскаго.

Если спеціалистъ по исторіи литературы профессоръ Дашкевичъ въ «Энеидѣ» нашель идеаль «всенароднаго поэтического произведенія», то пусть дозволено будетъ и намъ въ «Наталкѣ Полтавкѣ» признать идеалы всенароднаго театрального произведенія, а затѣмъ просить дѣятелей на поприщѣ малорусскаго театрального искусства играть роль Возьного не такъ, какъ они играютъ, а такъ, какъ она представится имъ послѣ болѣе обстоятельнаго ея изученія.

Не слѣдуетъ, намъ кажется, представлять его старикомъ, а человекомъ лѣтъ 30—35. ибо нигдѣ въ піесѣ нѣтъ указанія на его преклонный возрастъ съ лысыною во всю голову и безобразными складками старческаго лица, какія попали по милости актеровъ и на горельефъ памятника Котляревскому въ Полтавѣ. Наталка, дѣлая возраженіе матери паедингъ и называя бракъ свой

сть Возьнымъ—неравнымъ, ни разу не проговаривается, что ко всему тому онъ и старикъ; Выборный находитъ только, что пану Возьному «пора» жениться; если онъ не называетъ его «папы-чемъ», то просто потому, что послѣдній занимаетъ слишкомъ высокое положеніе въ селѣ по отношенію и къ Выборному и къ прочимъ Щипавкамъ, засѣдателямъ и т. д. Ни изъ чего не видно, почему Возьный не могъ бы явиться на сцену такимъ же красавцемъ, какъ и Петро: вѣдь графа Невера не дѣлаютъ безобразнымъ только потому, что Валентина предпочла ему красавца Рауля; да и Рауль—не обязательный красавецъ по паружности.

Не слѣдуетъ при выполненіи роли Возьного подчеркивать смѣшныя мины, какія могли бы являться у толстовца, выведеннаго на сцену въ крестьянской толстовской колоніи, какъ виѣшній признакъ людей, попавшихъ не въ привычную обстановку, но вовсе не смѣшныхъ по существу и внутреннему складу мыслей и желаній.

Не слѣдуетъ утрировать и до шаржа смѣшныхъ выраженій устарѣлаго языка, опредѣляющихъ только время дѣйствія, а не уродливость мыслей и чувствъ, какія обуреваютъ Возьного.

Не слѣдуетъ придавать всемъ дѣйствіямъ и словамъ Возьного характеръ похотливыхъ стремленій селадона, желающаго сорвать цвѣтокъ съ невинности наивной свѣженькой мужички съ тѣмъ, чтобы обратитъ ее потомъ въ свою кухарку, или броситъ какъ старую тряпку, ибо и этихъ чертъ вовсе нѣтъ въ роли Возьного и во всѣхъ его рѣчахъ.

Если артистъ, выполняющій роль Возьного отрѣшится отъ этихъ вошедшихъ почему то въ обычай приемовъ, то получится не уродъ и сатиръ, а такой же влюбленный въ Наталку человекъ, какъ и Петро, исполненіе роли котораго зависитъ уже отъ таланта артиста. Такими приемами, намъ кажется, можно будетъ возстановить, по крайней мѣрѣ, типъ того человека, какимъ представлялъ его себѣ авторъ,—вовсе не отрицательный, а скорѣе возвышенный, положительный.

А на памятникѣ Котляревскому въ г. Полтавѣ уже не исправишь тѣхъ чертъ, какими увѣковѣчили Возьного г. Позень, и остается только пожалѣть, что г.г. артисты театральнаго дѣла ввели въ заблужденіе художника-скульптора своимъ обычнымъ, но неправильнымъ, какъ мы старались показать, толкованіемъ произведенія перваго народнаго малорусскаго писателя.

А. Русовъ.

Омелько Пацюкъ на курорти.

Отовидання.

1.

— Та пустить-бо, нехай вась Господь Богъ поздоровить!..

— Не можно! Бачышъ, що не можно!

— Але чому-жь не можно, колы мени треба до дохтора?

— Першъ заплаты, то пидешъ. Тутъ зъ кожного, хто йде цимы воритьмы, берутъ по двадцять грошей.

— Якъ це такы мудры ворота, то я и черезъ барканъ перелизу... Але слухайте-но, нехай вамъ кумця гарпешко засміється,— пустить! Хыба я що вкраду, або що? Я тильки до дохтора...

— Все одно, чы до дохтора, чы до кого другого... Тутечкы за музыку треба заплатыты.

— Та на якого смутка мени здалась ваша музыка? Та я и не слухаты не буду! Далєби! Я й вуха заткну. Пустить! Хыба-жь вы не бачыте, що я соцькый...

И выпроставши трохы свій зигнутый стапъ, дядько показавъ на круглу бляху, що высила у ёго на грудяхъ.

— А мени все одно, хочъ и самъ приставъ.

Такъ пры парадному входу у сл—ый кумысный курортъ, у 12 годыни дня, колы музыка грала у саду, торгувався дядько Омелько Пацюкъ зъ контролеромъ, поставленнымъ для того, щобъ выдаваты всякому за грони билета для входу. Пацюкъ уперто

думавъ, що платити гроши ёму зовсімъ не потрібно; вінъ виказувавъ контролёрови всяки причыпы: що вінъ не злодій и на ёму святий хрестъ йе, що земля—Божа, для кожного, що тильки жыда та цыгана не тра пускаты и т. и. Все ти причыпы не вдовольняли контролера, и розмова ихъ почала вже переходыти на суперечку. Кто ёго зна, до чого-бъ воно дійшло. якъ-бы, случаемъ, не папокъ якыйсь, що выходывъ зъ саду, звернувъ увагу на дядька и заступывся за ёго...

Омелька впустилы у курортъ.

Досыть було глянуты на зигнутый станъ и на запáли, хочъ и шыроки, груди селянына, щобъ видразу прыпаты ту хворобу, на яку вінъ вже не одыть рикъ слабувавъ.

Здалеку Омелько скидався на дида, але вінъ бувъ чоловікъ ще не старый. Высушывъ ёго кашель, зигнула ёго станъ хвороба, поорала зморшкамы ёго блидый, худый выдь. Прыдивывшысь уважно до плечыстои, колысь дуже здоровенои постати Омелька, можпо було запримытыты, що ёго станъ бувъ, кримъ того, покаличений ще якоюсь иншою причыпою: вінъ трохи шкутыльгавъ и все тило ёго якось здригалося, колы вінъ пры ходи пидймавъ ливу ногу.

Хочъ дешъ бувъ парный, але одежа Омелькова була тепла и святкова. На ёму бувъ минковатый теплый лейбыкъ зъ простого сирого сукна, захищнутый ажъ до самого комира. Спереду лейбыкъ бувъ пеначе довший, а ззаду здавався коротный; на швахъ вінъ бувъ обытый червоною жмычкою. Широкий червоный поясъ спереду бувъ завязанный гудземъ и спадавъ велькою кытыцею. Велька суконна квадратова шапка покрывала ёго голову, пасовуючысь на ёго певельке зморщепе лыце до самыхъ очей, а ти чорни маленьки очи. мовъ дви жарышкы, перово свитылысь, якъ у жаряци. Довги чоботы зъ велькымы пидковамы, що гучпо и далеко видбывалы кожный ступинь ходы, обувалы страшенно худи и сухи ногы, а били полотняни штаны, заправлени у халявы, стовбурчылысь на стегнахъ: очеvidячкы у глыбокыхъ дядьковыхъ кешеняхъ ховалысь и кремий, и люлька, и тюпюнь, и мотузочки про всякы случаи, а може навить и де-який

харчъ на скільки день. Пашпортъ и калытка зъ гришмы лежалы за пазухою, бо вони—речи важнійши. И дядько разъ-у-разъ лававъ за пазуху своею довгою сухою рукою, щобъ перевирьтысь, чы не згубывъ те, що сховавъ. Перевирывшысь, винъ ступавъ дали, опираючысь на ципокъ, по дорижци, та такъ обережно, наче-бъ йшовъ по-надъ якимъ провалляемъ.

Ёго хода показувала, що винъ не звыкъ бувъ ходыты такымы трамбованымы дорижками: дядько доси ходывъ лынгъ звычайнымы сільськымы стежкамы та дорогамы.

— Куды лизешъ, старычокъ?—спытавъ ёго сторожъ, що замотавъ дорижкы.

— Та якый я тамъ старычокъ?—обернувся до сторожа Омелько, наче-бъ ураженный, наче-бъ здывоанный тымъ пыташямъ.

— Тутечкы не можно гуляты.

— Та мени пе до гуляння,—голоснійше видповивъ селянынъ, ураженный, що про ёго подумалы, буцимъ-то винъ гуляе та слухае музыку.—Гуляты... Таке сказалы!.. Я вже догулявся, дяка Богу! Я зъ Космачева...

Але тутъ ёго взявъ такой кашель, що винъ п'якъ не мигъ договорыты.

— Не тутешній?

Омелько, кашляючы, замотавъ головою и вишовъ далл такъ смилыво и ршучо, що сторожъ не важкывся больше ёго запыпаты.

Идучы дали, винъ зустричавъ чымъ разъ больше напивъ и чымъ разъ больше бентежывся.

Вигъ метушывся, спотыкаючысь на гладкому, дававъ панамъ дорогу, що й такъ була широка, ставъ осторонь и разъ-у-разъ скидавъ шапку, виглаючы: здрастуйте! поздоровъ, Боже!

— Такъ ось якъ тутечкы! Матинко моя ридна!—щиро дывувався селянынъ, увійшовшы у саму глыбъ чыстого, гарного саду. Дали винъ побачывъ чепурненькы дубкы, скляпи переходы,—курзалъ.

— Пробачайте, папе, якъ тутечка пройты до дохтора?—осмилывся винъ спытаты одного папка, почувваючы, що самъ

не дасть собі рады и не выберетя зъ заплутаныхъ садовыхъ доріжокъ.

— До доктора? Тамъ,—и папockъ показавъ ёму на докторскый павильонъ, що стоявъ окремо будынкывъ, назначенныхъ для хворыхъ.

— Въ тій палаті?—несмиливо озвався селяпынь, побачывшы павильонъ зъ рундучкомъ, обсаженнымъ зеленью та квітками.— Пробачайте папе,—увичливо вклопывся ще разъ Омелько,—а скільки тутечкы беруть? Бо въ мене всёго на всёго тильки сорокъ карбованцывъ. То може въ мене и грошей не wystачыть? Бо якъ... я самъ зъ Космачева.

— Не знаю, голубчикъ, не знаю,—идучы дали промовывъ папockъ, котрый, очевыдячки, жывъ лыше одною думкою про свое здоровья и котрому байдуже було про другихъ хворыхъ.

Николы ще Омелько не почувавъ себе такимъ одыпокымъ и безпомичнымъ. Винъ ясно зрозумивъ, що ти дохторы и той кумысь, котрого винъ николы не бачывъ, але въ котрого чудову сылу циющу винъ наче-бъ впрывъ.—не для ёго воны.

— Ось тоби и прыйпхавъ! Здоровеньки булы, Омельку! Выличытесъ тутечкы! Эге... Остапни грошы выкыпьте зъ кешени, таі помирайте, задершы погы до горы. Ось тоби й кумысь!... Напыйтесъ собі Омельку, на здоровля!

Такъ грызъ винъ самъ себе, передвчасно досадуючы за непотрибну маандривку и за дурно вытрачени остапни грошы. Ще ништо ничого ёму не казавъ, а винъ вже почувавъ, що ти сорокъ карбованцывъ, яки винъ взявъ зъ собою—якъ плюпуты. Таку думку мымохитъ паганяло ёму все те, що винъ тутъ бачывъ кругъ себе. Винъ прыгадавъ, якъ тяжко досталыся ёму трыдцять карбованцывъ.

— Ще зъ осени продавъ де-який корецъ жыта, бо, хвалыты Бога, бувъ такой урожай... за-десять карбованцывъ,—розмовлявъ самъ зъ собою Омелько. Тры карбованци пишло Ёселю, а симъ zostалося. А на Мыколу сынъ прыславъ два карбованци, то вже девять. А зновъ веспою, у велькый пистъ, возывъ до вокзала землемра, то заробывъ десять злотыхъ. То скільки то воно те-перелькы мусыть буты? Эге... А потимъ, дай Боже память, за

полотно, що жинка продала, тежъ десять злотыхъ безъ двадцятки. Та столяркою ще заробивъ де-якого рубля.. А на рѣшті, якъ не було чымъ на веспи телятокъ годуваты, то тра було ихъ продаты Ханму—щобъ випъ згоривъ!.. Эге... Ось такъ, одне до одного, до гурту... таі набралося трыдцять карбованцивъ... А десять позычывъ у старшыны... Нема що...

И па якого биса прышерло мене сюды?—нехай ось теперенькы мене хто спытае. А то все пысарь: «йидь, каже, па кумысь; полегчае!» А пился и старшына: «йидь, каже, тамъ вси хвори поправляються»... Отъ таке! Чыста дуршыця, далеби! Послухавъ, мовъ людського чого... Чы не все одно де дубомъ статы... Правда, що и пипъ казавъ, щобъ йихаты, и благословеніе навить давъ. Але я вже бачу добре, що ця чиспя, хочъ и гарпа, та не для мене. Може папови тутъ и поможе, а нашъ чоловікъ»...

И випъ сумно похылывъ голову. Але згодомъ випъ зрадивъ и пидбадѣрвся, побачывшы середь чепурно и по-панськи одягненой публікы, що проходила повзь ёго, двоухъ селянськихъ дивчатъ.

Воны йшли обявнысь и весело про щось покотили.

Одягнени воны були квітчасто, якъ у свято—у нови, темпосыни керсеткы, обшыты червоною стричкою, червоны кытайчаты спидныци, а обути у чобиткы зъ высокымы закаблукамы и пидкивкамы. На шыи малы воны по великому жмуткови намыста, кораливъ и стричокъ.

— А якъ ся-маете, дивчата; здоровеньки булы!—смыльво звернувся до нихъ Омелько, поспышаючы за пымы.—А чьи вы?—

— Та зъ Горыньгорода.

— А що вы тутечкы поробляете?

— Личымося. А вы звидкиль?

— А нехай-же васъ Господь мылосердный „поздоровить!—зрадивъ Омелько, паче-бъ ридныхъ дитей побачывъ. Випъ бувавъ у Горыньгороди. Болысь випъ возывъ туды жорна для млыша. Випъ, навить, чувъ про батькывъ тыхъ дивчатъ.

Випъ учепывся за дивчатъ, якъ слыпый за поводаря, и выпытавъ у нихъ все, що ёму треба було.

Дивчата розказалы, якъ ёму повернутыся.

Теперь винъ повеселишавъ, такъ наче-бъ у него въ кемені було не сорокъ, а прынаймни пятьдесятъ карбованцивъ.

II.

Колы дохторъ посадившы Омелька на стилици, почавъ уважно оглядаты ёго груди, то першгъ усёго звершувъ увагу на те, що кисть була запала, погнута, а на шкури була сыла довгихъ смугъ та шрамивъ.

— Оце що такє?

— Пытаете про тыи шрамы? То я, проше папа, па папирни такый тестаментъ соби диставъ. Эге... у пана Z (винъ назвавъ того пана, що мавъ сахарни и папирни фабрыкы) служывъ... ризавъ папиръ на циркулярни... такый, значытся, валъ тамъ йе, що рижє папиръ. Два злотыхъ и двадцять грошей за день зароблявъ. Одного разу, якъ щось пидъ ноги попало, то посковзнувся, та впавъ на циркулярню... То ще счастья, що руки оперся на пасы, то такъ и одкынуло раптомъ мене па анкеръ. Крычавъ я, крычавъ... та де тамъ въ смутка,—пыхто не чуеть... бо машина йде соби, стукотыть... за нею голоса не почуешъ. Ажъ описля мене вже взяли, якъ я безъ намъяти бувъ, та понесли до лазарету.

— Давно це було?—спытавъ дохторъ и почавъ мацать ребра, котри булы криви.

— А вже... вже буде рокивъ зъ пцять. Бо вже два роки якъ пансіона не получаю. А то тры роки дававъ князь пивъ корця жыта и по два карбованця що мисяць, ажъ помы не поправывся. А якъ поправывся, то буде такы два роки... Бо я самъ-то зъ Космачева.

— А теперъ що у князя получаешъ? Пансіона не дає?

— Дулю дає малёвану. Бильшь ничого.

— Небагацько-жъ ты, небоже, заробывъ у свого князя. Ты зъ тией поры, кажешъ, въ тебе груди болять и кровь показалася?..

Селянынъ видмовно похытавъ головою.

— Ни, Костопрэв мени поставывь груды якъ треба: и не боляко... Я ихъ саломъ терь и зилля пывь. И хвершалъ оглядавь груды. Казавь, що ничего... Але зь весны щось кешько дуже зробылося. Бо це було таке дило, я вамъ заразы розскажу... Якъ разъ у другу недилю на великопости, дай Боже памьять, прыходыть до мене кумь Степанъ тай каже: «ниць клыче до сина, йды сино зь луга возыты».

— А до тией поры ты не кашлявь?

— Эть... потрошку. Вже и тоди була ядуха. Але слушайте-но... «зь луга возыты». Кажу я ёму: не пиду, бо въ грудяхъ въ мене стало щось». Бо чую я такы, що не безнепше щось въ грудяхъ. А винь: «и въ бокахъ, каже, стане, якъ пола не слухатымешъ». Писля понивськый паймыть прыходыть, а описля и самъ староста прыходыть. «Ахъ, лыхо вашій та не ридній!—думаю соби...

— Ну, ты памъ довго тутъ языка не чешы,—остановывь ёго дохторъ, бачывшы, що оповидання балакучого пацента щось затыгуется.

— Ни, бороны Боже,—замахавь той обома рукамы.—заразы кинчу... «вашій та не ридній—думаю соби... Треба вже послухаты. А сино добре тоди у ноца було: сухе, терпке и зляглося, якъ нибы каминь. Сокрыамы стырту рубалы. Отже-жъ и впотивъ я зь тией роботы... Та якъ запригъ я свои волы, та якъ повизъ... та трись! въ ричку и провалывся. Оть, якъ бачыте! И попередь мене багацько йнхало: и кумь Степанъ, и Васыль Мырошвыкъ, и Гаврыло Леминь.. ци вси тежъ зь Космачева... Такъ ни! На тоби, Омельку, нопробуй ще, яка-то вода на великопости въ ричци буває... Божа воля! Тай й пишло зь того... На другый день кашель вже гопанцемъ пишовъ, въ грудяхъ ось такъ щось здавлыло, въ горли... и кровь тоди була... але не багацько.

Дохторъ довго стукавь, и слухавь груды Омелька, казавь ёму то дыхаты, то не дыхаты, то говорыть, пиднявшы руки до горы: «двадцять одинь, два, тры»... то зновъ вытягнуты руки передь себе и ничого не говорыть.

Омелько одно лыпъ просывь у дохтора:

— Якъ, проше пана, моя хвороба дуже тяжка, то скажи мени по чистій правди... то я вже не буду и тратытись, бо въ мене, далеби не брешу, тильки що тридцять карбоващивъ... жинка и дитки есть... Воны въ Космачеви...

Дохторъ обидяся и звездивъ ёму пидняты руки на голову. Прытулившы ухо до лопаткы, вишь щось довго слухавъ и, звернувшысь до помичныка, сказавъ:

— Phthisis pulmonum, безиречно, и кримъ того... Вишь пазвавъ ще скільки сливъ по латыни.

Помыраты? Га?—спокійно спытавъ Омелько, на котрого чужеземне слово робыло тяжке вражинця, паче-бъ ти слова прымовлялы ёго до смерти.

— Прыйде часъ, вси помремо,—сказавъ дохторъ.

— А въ семьи у тебе ниhto не вмыравъ видъ ядухы?

— Видъ ядухы? Крый Боже! Ни... наши Пацюкы зъ чого хочете вмиралы, тильки ще не видъ ядухы. Пацюкъ въ Космачеви зъ ядухы вмеръ! Оце сказалы! Хе, хе...—усмихнувся семипынь, хытаючы головою и дывуючысь, що може буты така чудна думка.

— А батько видъ чого вмеръ?

— Батько?—вишь спустывъ очи и зитхнувъ.—Небищыкъ' любылы выпыты... о! любылы! Дай Боже, щобъ кожному такой смакъ!.. Нехай имъ легка земля!

— А самъ пьещъ?

Омелько почухався и трохы усмихнувся.

— Та не дурень выпыты, проше пана, якъ той казавъ! Що правда—то правда. Видъ одпой сосны шышка.

— А тутечкы ничого не пьють, окримъ кумыса,—сказавъ поважно дохторъ.

— Заневне,—послушно и звычайно видповивъ Омелько.—Я бачу... я тильки однимъ окомъ зыркнувъ, то вже бачу, що тутъ за химерія.

— Чай, якъ хочешъ, можно пыты.

— Ни... чай Пацюкы въ Космачеви не вкывають. Тамъ кытайськи, кажуть, гныды попадаются. А може то и неправда?—

подавъ Омелько, побачывшы усмихъ на лицахъ дохторивъ и стараючысь яко мога сгожуватысь зъ ихъ поглядамы.

— Ну, чай тамъ якъ соби хочешъ, а тильки йнсты треба якъ можно бильшь.

— О-о!—ажъ прбсьяло лице Омелька, пеначе передь нимъ стояла сама любыма йижа.

И дохтори, своимъ звычайемъ, почалы розказуваты Омелькови, яки прости, але сытти селяпскыи стравы вишь мигъ-бы йнсты.

— О про це не журиться,—сшивчуваючы, похытнувъ головою Омелько.—Кышка не кешеня, щобъ зъ нею що згубылося. И дурень морды видъ кашы не одверне. Тильки подавай...

III.

Що добре въ сл—кому курорти, такъ безперечно те, що вишь не дуже дорогой. Певна ричь, у самому курорти бидній людыни не можлыво було-бъ жыты, але, найшавшы за скільки карбованщивъ кутокъ у якій селяпскій хати поблызу, селяныць за скільки-десять карбованщивъ може провесты увесь курсъ кумысного ликуванпя.

Дохтори кажутъ, що на с—кому курорти що року чымъ разъ бильше бувае селянь.

Зъ другого такы дня Омелько почавъ дуже справно, якъ того потрибуе порядокъ курорта, и щыро выповняты та видбуваты все чысто, що казавъ дохторъ.

Все, що бачывъ вишь тутъ кругъ себе, вражало ёго видразу, якъ щось певбидане, печуваше, и справляло якыйсь дывный, певзвычайный мастрій у ёго души, захопляло ёго якымысь невидомымы почуванпямы. Лись, той звычайный, простый лись, зъ яливцемъ, шышкамы и всякымъ хмызомъ, де винъ зъ-малку насъ коровы та кони, куды винъ йиздывъ на почлигъ, де звыкъ бачыты вовкывъ, уживъ, дергачывъ, зайщывъ та смердячыхъ удодивъ, бубъ тутъ зовсимъ пншый, такый, що й не снывся Омелькови.

— Ото лихо ёго ма, що то гроши не зроблять на свити! И треба-жъ таке вымудроваты!—дывувався Омелько.

Снершу все ёго вражало: и велыки будынкы, и квитныкы, и гимнастыка, и тенись, и кегель-банъ. До концертowego залу зъ галлерією винъ и не пидходывъ, вважаючи, що тамъ ёму буты не слидъ, щобъ паны не прогнывалысь...

— А це що таке?—зацакаввся винъ. побачывшы певельчку башту, що стояла посередѣ зеленого мурижку, а на пій зъ рижныхъ сторинъ булы навешани: термоміръ, барометръ, гигрометръ та инше.

— Це показуе, яка мае буты погода.

— О-о... Ну-ну! И винъ уважно слухавъ, якъ ёму розказувалы, що таке барометръ, а видъ себе такы додавъ, що якъ корова, задершы хвоста, бигае по полю або по лугу, то мусыть буты гримъ, а якъ тулытѣя пидъ стриху, то запевне, що буде дощъ.

— А чы воно покаже, якый буде рикъ—врожайный, чы неврожайный?—пытавъ Омелько, зацакавшысь барометромъ.

Ёму выяспылы, що такого прыстрою нема, щобъ показувавъ на врожай, що це неможливо...

— Якъ то?—дывувався селянынъ. Запевне можно знаты, бо якъ боцюнъ въ Космачеви на весни скыше зъ своего кубла дытыну, малесеньке боцения, то завжде буае неврожай. Це вси знають... всякый навить дурень на сели...

На курорти незналы, що ёму на те казаты.

Але найбільше звертала ёго увагу военна музыка, що грала на эстради середь лису. До нѣго мисця ёму легче и вильнійше було доступыты. Навкругы галявки, блыжче до оркестра, сыдила звычайно рижна публика. Наибльше бувало тутъ жыдивъ.

— А-а! и вашого пантофлевого, мосци-паньства тутечкы досыть, якъ я бачу!—не здержавшысь, скрыкнувъ мымохить Омелько, колы побачывъ на лавочкахъ жыдивъ. Зъ нымы винъ почувавъ себе зовсимъ вильпо.

Просыжувавъ тутъ дядько цили годыны и жадливо слухавъ ту музыку, що гула трубами и барабаномъ. Де-колы вона прой-

мала ёго незвычайно. Винь стававъ середь доріжки, самъ того не помичаючы, видбывавъ ногою въ лады зъ музыкаю, нохытуючы своимъ велькімъ и худымъ станомъ: зворушувався ёго духъ и винь промовлявъ:

— Отъ такъ ёго! Шкварь!... Ще! ще!

Але ридни украиньски песни нагацялы на ёго смутокъ. Тоди вишь прыгадувавъ соби свою сямью и журывся, думаючы про те, що то діється безъ ёго вдома, и що ёго дитки тамъ поробляють. Чаривно-гармонычна песня: «Та нема гиршъ нікому, якъ тій сыротиши»—вразала ёго дуже сыльно, захоплювала вси ёго почування и думкы, и, мовъ зачарованный, вишь сядивъ, затопывши очи у далечинь увесь часъ, помы грала музыка. А якъ кинчалася песня, вишь паче прокыдався зъ якогось дывного сну, зитхавъ, якыйсь часъ прыспивувавъ тыхо на голось песни, котра все ще лунала въ ёго ухахъ, а потимъ, зитхнувши важко, казавъ, дывлячысь кудысь у гору, кризь вшиты высокои хвои:

— Отъ таке-то... Жыття, якъ та хмара. Звидкиль то вопа ввійшла и куды иде—хто ёго видае. . Чоловикъ живе соби та мудруе, а Богъ вже каже: досыть!

Омелька довго дывувалы яйцевати, кругло-довги кумысови бутылкы, що нагадувалы ёму огиркы-жовтякы, яки звычайно лышають бабы на пасинья. Таки бутылкы вжываються на курорти для той прычыны, що вони выдержують сыльный тыскъ кумыса, колы винь квасне и мусе. Але найбильше гнитыла ёго та думка, що за такую бутылку тра даты сорокивку и що-день тра ковтнуты ось такыхъ бутылокъ килька штукъ. На кумысь винь переставъ покладаты надію зъ той поры, якъ довидався, звидкиль вишь добуваеця и якъ робытця.—Правда, що кобыла тильки чысту траву йисть, але якъ Богъ не захоче, то кобыла не поможе. Але гамакъ ёму дуже такы вподобався. Вишь уважно роздывывся, якъ винь справлений и, не думавшы довго, на другый день купывъ соби пивъ третья аршына мицного, сирого полотна та нару посторомкы, прышывъ пры кишняхъ впоперекъ дви ломакы, кищи зашморгнувъ у посторомкы тай выйшовъ гамакъ. Правда, на ёму треба було лежаты дуже спокійно и обережно,

але за те Омелько мигъ казаты, що ёго гамакъ коштуе не нивтора карбованця, а два злотыхъ зъ десяткою.

— Десять злотыхъ за якусь ситку! Та у насъ, у Космачеві, за карбованця цілу клумлю ¹⁾ можно кушыты! Якъ бы знавъ, що видъ ситки чоловікъ здоровійшае, то, далеби, прыписъ бы зъ собою цілого волока...

Дуже любывъ Омелько прохожатысь по «панськихъ донкахъ» — по скляшній галеріи, колы тамъ не бувало публікы. Вишь почувавъ себе тоди якось незвычайно.

— Такъ такы и не по дорози, и не по стежци... Ани соломы. ни грою, ни павить пылу нема... И стовпци тоби мыгають. и чобота нигде не зачепышь... И до того ще квиткы тоби навкругы... Пахне... А зверху покривля — пибы хата, тильки що стинь нема; замисць стинь — скло... Пибы въ якійсь склянци соби ходышь, тай годи! Дуже гарно, лыхо ёго матери!»..

Ось такъ похожавъ Омелько, заклавшы руки назадъ, лантуховато пересовуючы погы, «шпацерувавъ» соби николы по галеріи. Але винъ не мигъ тамъ довго ходыты. Видъ того шлептанця по вузенькій довгій дорижци, помижъ стовпцивъ, повытыхъ виноградомъ, свить ёму, незвычайному, починавъ крутытысь; вишь боявся, колы-бъ не впасты та не побыты скла, и зходывъ звидтиль помаленьку, обережно, а ногы, мовъ-бы чужы, забигалы и сюды, и туды.

— Чортъ ёго батька зна, що воно таке, — думавъ соби Омелько. И якъ тутъ ходыты?...

IV.

Курортна публіка, якъ то скризъ буває, дилылась на гурткы. У глыбыни парка, видаля видъ панськихъ місць, мижъ музыкаю та тыпомъ, бувъ кутокъ, де лежалы на земли або у гамакахъ сяляне. Ихъ було де-кілька. Вони лежалы соби звычайно, харкалы просто на траву, не вважаючы на те, що це на курорті дуже

¹⁾ Велька ситка, що ловлять рыбу.

заборонялось. Спершу вони дуже багато спали, користуючысь незвыклымъ безробочымъ дозвильямъ.

Кожный зъ нихъ прыносявъ зъ собою у паркъ клупчонокъ або «кошиль», де ховавъ убогий скарбъ свій... Лышь тяжкый недугъ прымусывъ тыхъ людей увійты въ незвыкле, чуже для нихъ курортне жыття. Кумысь вони пыжы повагомъ, смакуючы кожный ковтокъ, бо кожный ковтокъ коштувавъ скілька копійекъ.

— Працюешъ цылый день, щобъ заробыты якого-небудь карбованця, а тутечкы карбованецъ—мовъ та муха: пролетила, такъ чортъ їн и ма...—мудрувавъ Омелько зъ того прыводу, що такъ швыдко «грошенята» розходяться на курорти.

— А за те спатынешъ нидь музыку, пшы папъ,—лагодывъ ту сумну думку ёго сусида Гаврыло Чорпогузъ.

— Эге... Що правда—то правда. Тильки що до церкви у недлю ходымо, а то зовсимъ вже булы-бѣ! господынъ Пацѣнскій та Чорпогускій,—кенгувавъ самъ зъ себе селянынь.

— Чому-то папы не ходять до церкви?

— А за тымъ, що, бачъ, нхъ кобыла бильнѣ личыть, якъ Богъ...

Гаврыло Чорпогузъ лежавъ у гамаці поручъ зъ Омелькомъ, и вони найбильше промижъ себе балакалы Чорпогузъ бувъ селянынь зъ черныгивської губерніи. Сухоты булы у ёго вже давно и у дуже тяжкій форми. Дывлячысь здалека на Гаврыла, колы вшъ стоявъ нидь соспой, можно було подуматы, що це лышь кпстякъ селянына, невидомо для чого прыставлений до дерева. Лышь жыви, ворухлыви очи ёго показувалы, що це жыва людына. Горбата спына и запали груды выгнулы ёго стапъ, якъ дугу. Дывуватысь треба було, якъ зъ того худого и нужденного тѣла выходывъ гучный и голосный кашель. Той кашель далеко лунавъ по всѣму саду. Де-колы, не можучы видкашляты, Гаврыло, спершысь до сосны и ще гирне зпчувынысь, стопомъ стогнавъ скілька хвылынь. Збнгалысь звидусиль слаби, щобъ помогты несчастному, але, звычайно, никто не мигъ даты раду.

Разъ-у-разъ хапаючысь рукамы за груды, Гаврыло парешти на превельку сылу видкашлювавъ и, поводячы мокрымы очима на всихъ папивъ, що зибралысь коло пёго, промовлявъ:

— Отъ же-жъ и довелося погавкаты, пибы пашъ становый! Далєби. Все жыття мусыть мужыкъ втышкы говорыты передъ наномъ, а тильки передъ смертыю може соби досыть погавкаты. Эге... Пробачайте папове!—невидомо для чога перепрошувавъ слабый публицу, що спивчуваючы дывылась на ёго.

— Та и то не дарма! И за гавкапня платытымешъ папу-доктору,—доповнывъ Гаврылову думку Пацюкъ.

— Ну, а за те вже попови то безъ мене заплатять,—казавъ Гаврыло, и ёго светло-блакитни очи дывылысь на всихъ прыхыльно, паче усмихаючысь, и свитылась у пыхъ тая ласка и покирпистъ, зъ якою селяпынъ корытся свойй тяжкйй доли. Гаврыло не дуже клопотався своимъ кашлемъ и говорывъ, що ёго дидь, батько, и маты завше кашлялы и довго жылы... Журба та сумни думы не часто находылы на Гаврыла, а колы, бывало, й находылы, то випъ швидко розганявъ смутокъ, прислухаючысь до якои чужои розмовы. Музыку випъ любывъ и слухавъ иц, не покидаючы розмовы. Не такъ Омелько: той, зачувшы музыку, заразъ змовкавъ, уважно слухаючы, а потимъ зновъ починавъ балачку зъ того самого слова, на якому спыпывся.—Омелько и Гаврыло часто и довго балакалы промижъ себе, бо багато було у пыхъ спыльного и цикавого для розмовы.

Третий селяпынъ, що лежавъ педалєко видъ Омелька, бувъ землякъ Гаврыла. У цёго ураженєе було хворобою горло, и випъ не мигъ говорыты голосомъ. Звався випъ Дмытро Порошъ.

Омелько здывувався, колы, пидійшовшы до Дмытра уперше и промовывшы: «здоровеньки булы, чоловиче», почувъ замисць голосу якєсь незвычайне шыпишыя, мовъ-бы зъ-пидъ папороты, що росла пидъ кущемъ педалєчко, вылизла гадука.

— Та Бога-жъ вы бййтеся, чоловиче! А чога це вы такъ, мовъ ниць у велькопистя на сповиди? Га?

А Дмытро все шыпивъ и замахавъ рукамы.

— Стрила въ горли заступыла, — ледве чутьно прощипивъ вишь, и зъ рота ёго потягло такимъ поганымъ духомъ, що навить Омелько, що прывыкъ до всякихъ пахондивъ, мымохить видступывъ трохи назадъ.

— Трымається и не выходить, — чыста напасть!

— А-а? — протягъ Омелько, наче-бъ теперь вишь усе зрозумивъ. — Та це вы, якъ я бачу, зовсимъ такъ по-панські захворили.

Пизнише, розговорывшись зъ Гаврыломъ, Омелько довидався, що за чоловікъ бувъ Дмитро и видчого ¹сталася ёму така напасть.

Дмитро зъ молоду — а теперь ёму вже доходывъ пьятий десятокъ — бувъ гулять и пьяныця. Де лишъ, бувало, у сели пьють, то тамъ вже певне не безъ Дмитра.

Разъ покладено на ёго грихъ, нибы-то вишь укравъ теля и продавъ ёго ялышныкамъ. Дмитро не признавався; ёго забрали у волость и тамъ прылюдно вышпарылы ризкамы. Писля того вишь загышувъ кудысь; нихто не знавъ, куды ёго посыло, а повернувся вишь до дому лишъ черезъ пьять литъ и прынисъ зъ собою грошы.

Розпытували ёго люде, де и якъ вишь ти грошы доставъ, але Дмитро завжде якось выкручувався, якъ то кажуть, собачою стежкою.

— Чы мало де-кому грошы достаються? На свити ще досить дурнивь, — казавъ вишь.

— Ой, вкравъ!.. Выдко по очахъ, що гулявъ по почахъ, — вважавъ де-який, бачывшы Дмитрову пепевнисть.

— Ну й гулявъ, а тоби що? Не за твои грошы, — видновидавъ той, смилыво дывлячысь всимъ въ очи.

Розказували люде, що не разъ и батюшка на сповиди допытывавъ ёго про грошы, але ничего не довидався.

— Вишь сповидається очима, а не языкомъ... Моргае... Ёго такъ и прозвали на сели: «моргунъ».

Навить оженившись, вишь не все розказавъ жинци про грошы: вона пьягъ не могла допытатысь, скільки вишь ихъ має. И ховавъ ихъ въ рижныхъ мисцяхъ. Розказували, що ёго грошы

пер ебували пидь всима стовпами хаты. Напували ёго чы-разъ, та дарма: и няный, було, ни слова про грошы не выкаже. А колы, було, пры компаніи за чаркою пожартуе хто, тай крыкне знепацька: «Дмытро, въ тебе грошы вкралы!», то вишь неначе прокыдався и увесь хмиль пропадавъ зъ ёго головы.

Дмытро не цурався ніякого громадського дила; пивъ зъ людьмы, самъ людей частувавъ, а про те люде ёго не любымы. «Винъ зъ Моргуномъ за пани-брата»—говорылы звычайно про всякого непевного чоловіка.

Мыпалы лита, а Моргуиъ чымъ разъ стававъ чогось бильше невеселый, мовчазный.

Але случылась прыгода, котра дуже переминыла Дмытра. Якось у литку, пился гулякы у свято, вишь лигъ на ничъ у клуни, на выщци. Нихто, бувало, навить у симби ёго не знае, де вишь почуе. Скаже: у клуни, а пійде у комору, або що.

— А у ту ничъ клуни якъ разъ и запалылася,—розсказувавъ Гаврыло, що бувъ пры тій прыгоди.—Чую я, люде по вулицы крычать—«пожаръ! Мытро горыть!» Бижучу... Ажъ и справди горыть соби Мытрова клуни зо всехъ кинцивъ. Нихто не знавъ, що тамъ Дмытро, и ребрыны вси поирыймалы. А винъ въ ту хвылыпу пробудывся, побачывъ що злизты нема де, отъ же и почавъ вишь допиро крычаты! Не дай Боже, якъ зъ переляку вишь ренетувавъ! Люде ёму крычать: «скакай, дурный, вынзы!» А вишь не догадуется, бо зовсимъ забаламутылося тоди въ ёго головы. А потимъ якъ скокнувъ, то просто въ стійло, де коровы стоялы... Тутъ ёго и вытягли. И ото зъ тией поры голосу въ ёго нема. Въ Почаивъ ходывъ часто, кажуть, тамъ каявся и сповидався. И хворости, здается, великою въ ёго немає, але що то за чоловікъ безъ голосу? Бабы ёму рпжного зилля давалы, а въ решти сказалы, що це огнева стрила. Ну, то прыйхавъ на кумысь. Винъ пысьменный.

— Але?...

— Далєби. Вміє пысаты и чытаты, але ёму теперъ не до чытанкы. О, це розумный бувъ колысь чоловікъ... Теперъ вишь, якъ то кажуть, трюшкы зйихавъ зъ даху... Сумуе все...

— А грошы въ ёго тепереньки ѣе?

— А хто ёго знае! Пиды, запытай, якъ що скаже...

— Тс...

Балакаючи, вошы не запырмытылы, що Дмитро, котрый сыдивъ перухомо у гамаку, пыльно дывывся на пыхъ и паче уважно слухавъ. Але це такъ лынь здавалося. Прыдывывшысь пыльно, можно було побачыты, що ёго вельки, сыви, мутновати очи дывылысь кудысь у друге мисце, дальше, никъ думалы ёго тоvaryши.

— Вишь все одно не чые,—сказавъ Гаврыло.

— Чые!

— Ни!. То тылькы такъ здається. Вишь часто ось такъ. Сяде—и пшбы вишь комуь на небо моргае...

Справды надъ ёго очима здригалась то одна, то друга брова. Черезъ те ёго темпе, пеначе скамениле облычя здавалось трохы жывййше. Часомъ, паче втомывшысь глядиты все въ одно мисце, Дмитро заплющывавъ очи и швидко засыпавъ, не вважачоу па те, де вишь бувъ. А пайбыльше звертало увагу публикы те, що вишь мшъ спаты сыдачы. Сяде, було, у саду на якый шырокий пенъ, схылыть нызько голову на груди, скорчытся, зтулытся, ажъ пшбы поменьшае весь, и хроне соби па вси заставки; тай сыдыть такъ перухомо по скилька годынь. Розмова, шумъ, павить музыка шчогисенько не шкодылы ёму спаты. Прокыпувшысь, вишь закладавъ руки назадъ и казавъ, що болыть ёго слына. Кошы-бъ тоvaryши не будылы ёго надъ вечиръ, то може такъ спавъ-бы вишь тамъ и до другого дня.

Выспавшысь гарненько, Дмитро почувавъ себе дуже добре, и брала ёго тоди охота балакаты. Але говорыты було ёму дуже важко.

Ходывъ Дмитро завжди поважно, рывно, одну руку державъ за пазухоу, звидкыль выгядала пшйкы кумысовои бутылкы, а другу—у кешени своихъ чорныхъ, зъ грубого сукна, штанывъ. Чоботы ёго булы складно пошыты, а зъ-пидъ кацавейкы па полотнянйй пидкладци выгядало щось таке, пеначе жылетка...

Гаврыло тежъ одягався не зовсімъ по-селяньськи. Бувъ на ёму якыйсь піджакъ, жмыткы не було, и проста полотняна сорочка була розхрыстана у комри, а штаны були тежъ зъ чорного сукна, не шыроки, а шыты по мирци.

За те Омелько одягався якъ справный, щырый полицуць. Не було въ ёго одежыни, якъ кажуть, ни бляшкы, ни заліза — хіба що тильки підковы на чоботяхъ. Все гудзыкы были деревяны, и поробывъ ихъ соби самъ Омелько.

Проста сира свята, кунлена на ярмарци, мало не двичы могла обгорнуты ёго худый станъ; добри, хазайськи чоботы доповняли що верхню одезу Омелька. Повстяна шапка ёго уявляла зъ себе те, що по-польськи называється: «штыре губерній, пятый повить», тобъ-то: штыре куты, а зверху по середини бахматый суконный гудзь. Полотняна сорочка зъ шыроchezнымъ комромъ, була пошыта хочъ и не зовсімъ зручно, але за те мицно. Прости полотняни шыроки штаны ніякъ не хотілы держатись на худыхъ Омельковыхъ стегнахъ и разъ-у-разъ обсовувались: хочъ вниъ разъ-у-разъ підтягавъ ихъ, але про те матія высла ёму ажъ до чобить.

Омелько проводывъ увесь часъ въ компаніи зъ Гаврыломъ и Дмитромъ. Балакалы, звычайно, больше Омелько и Гаврыло, а колы. було, заговорить Дмитро, то все ёго уважно слухалы. Вони варылы соби «декохть» зъ рижныхъ травъ и вирылы, що той декохть помогае видъ сухоть.

Зилля на декохть селяне кунують у звахоривъ або по маленькыхъ крамныцяхъ и платять видъ 50 коп. до 2 рубльнъ за фунтъ.

Вони розказувалы одинъ одному про свои вражыны. разомъ ходылы у церкву. И ти три селянына — Моргуць, Кашпоць и Юлиха (такъ прозвалы потымъ Гаврыла и Омелька), — що ходылы зъ своими кумысовыми бутылками по стежкахъ парка, то все врьдъ, то одинъ за другимъ, зверталы на себе увагу усіен курортной публікы.

— И ото дивно, чы побувае чоловікъ въ воді, чы въ огни, а хвористъ одна — кашель и часамы голоса немае, — нащастяше,

трохы передумавшы, почынавъ розмову Гаврылю, розглядаючи хворыхъ на курорти.

— Одна то одна, а личыты ризно... Якъ видь водяной стрилы перестаете голосоь, то саме лишне пыты декохть... Эге... Це дуже, кажуть, помогае. А якъ видь огню, то треба ляпысомъ, не инакше...

— Що ляпысь? То все на ниць,—видповивъ Гаврылю, гойдаючысь злегка у своему гамаці. Показувавъ мени хвершалъ того ляпыса. Этъ, якыйсь тамъ камишець. Що воно поможе? Кажуть, що громова стрила помогае видь рижной хворобы... Але я їи не пывъ... Кажуть зновъ стари люде, що треба дуты на жаръ та говорыты ризне, що баба каже... Але те все за-ниць—махнувъ виць рукою.

— Правду сказавшы, чого тильки я не перепробувавъ,—казавъ Омелько. И бабы мени шенталы, и знахори пидъ викамы пызаны, и батюшка видчытувалы, и цыганови руку я показувавъ, и въ монастырь одынь ходывъ... Казалы, тамъ одышь чернецъ личыть ядуху, все одно що самый липшиій дохторъ... Та ничого не помогло. Їивъ я и медъ зъ березовымы брунькамы. Э, вже я такъ скажу: чы круты, чы верты, а все треба смерты.

— Ну, а я то зновъ такъ скажу,—видповивъ Гаврылю,—що на ядуху та задышку ще можна порадыты. Ну, а проты сухоткы шичого не подіешъ, братику...

— А що-жъ ты проты ядухы поробышь!

— Їисты добре треба. Далєби. Саме лишне йпсты ячмынь перевареный, щобъ виць въ сами плававъ. Та зъ кавалкомъ добрымъ хлеба.. А хотимъ масло зъ медомъ, такъ на половыну. Не зле тежъ и сало, тильки не просте, а зъ козы, або зъ собаки. Я знавъ одного чоловіка, що дуже хорувавъ задушыною, то виць що робывъ? Самъ бывъ гладкыхъ собакъ, деръ зъ пыхъ сало, топывъ ёго и йпвъ на всю губу. Отъ же-жъ и росперло ёго! Ось такый ставъ,—и Гаврылю розвивъ руки Чыстый гыцель!.. И такъ ёму не сподобалося, що виць гыцлювавъ до самоп смерти... Здоровый ставъ чоловічына. Далєби. Якъ кому що йде.

Омелько и Гаврылю збралысь вже лягты у гамакы заснуты, якъ до пыхъ пидійшовъ Дмитро и попенкы сказавъ:

— На весни, якъ зійде ярове, підросте ось таке,—и вінъ показавъ делюсю на чверть видъ земли,—то, вставшы до схидь сощя, треба назбираты самыхъ чыстыхъ ривныхъ травынокъ зъ жыта, въ саму тыху погоду, щобъ зовсімъ не було витру, бо якъ хочъ трохы витерь похылыть траву, то вопа вже не буде маты того соку... Эге, та збиравшы, все треба говорыты яку-небудь молитву до Богородици. Писля ту траву завязаты въ пучечкы и засушыты, а потимъ даваты слабому пыты, заварывшы пшбы чай, то помогае, особлыве якъ впусыты туды скількиканадцять канель хрещеной святой воды...

Згадавшы про святу воду, Дмитро перехрестывся. Хрестывся вінъ тежъ всякій разъ передъ тымъ, якъ мавъ пыты кумысь. Нихто не видповивъ ёму ничего на ти слова, бо нихто не мавъ охоты тягнуты дали цю розмову. Лышь тоди, якъ Дмитро пишовъ на свое мисце и лигъ, Омелько переглянувся зъ Гаврыломъ и пынкомъ, такъ щобъ не чувъ хворый, спытавъ ёго: «чы пье Дмитро сёгодня кумысь?» Гаврыло видмовно похытавъ головою.

— Каже, що вінъ не лошаць и не пимецъ, щобъ не памьятаты, колы середа и пятныця... А сёгодня окримъ огирка и хлиба ничого ни йисть. Бороны Боже, щобъ вінъ колы въ писть скоромне зйивъ, або въ свято до церкви не пишовъ. Хутійнигъ ввре, а йисты не стане. Вінъ давно пишовъ бы въ монастырь, та жинка не пускае... «Хочъ бы, каже, мени наймытомъ пры монастыри послужыты». И це все зъ нимъ таке зробылося зъ теп поры, якъ клуны згорила...

— А скільки вінъ, братику,—трохы зъ годома почавъ зновъ Гаврыло про Дмитра,—молебнивъ паймае, и то все найбильнигъ Пантелеймонови, и на службу завше дае. Раньше паламара до церкви прыходыть... Стане бля дверей въ церкви та все молытыся.

— Чого-жъ вінъ сюды прыйнхавъ? Певне, що ёго сылкома заставылы прыйнхать?

— Пи, самъ по своїй воли прыйнхавъ. Бать, ёму одна баба сказала: ный всяке молоко, яке тильки йе на свиги, то выду-жаешъ и голось проявытыся. То вінъ якого тильки молока вже

нѣ пывъ: и видѣ коровы, и видѣ козы, видѣ овечкы и навѣть видѣ сучкы...

Омелько сплюнувъ.

— Отъ якъ бачынгъ, и справди поправляется потрошку. Пезаторикъ винъ такъ хорубавъ, що думалы—вже вмре нашъ Моргунъ... Та якъ ставъ всяке молоко пыты—выдужавъ. И видѣ кобылы молоко пывъ—просто, тепле... Якъ почувъ зимою, що йе особе молоко—кумысь, то захтивъ и ёго попробуваты, то прыйхавъ... Ну, и я зъ нымъ... Одынгъ не пойхавъ-бы, бо мени кумысь видѣ кашля ничого не поможе, я знаю, бо у насъ вси зроду кашляють. Але, якъ то кажуть, въ гурти и кривый прыскакуе... Та и дохторъ до мене прыставъ, мовъ оса,—йидь та пый кумысь... Дмитро мени и грошей давъ, бо у мене не було.

— Оце то винъ не скупый?

— Першгъ страхъ якый бувъ скупый. Ничогисенько никому бувало не дасть... А теперь дае цышкомъ щобъ никто не бачывъ и щобъ жинка не знала; покладе грошы на викни, рубля, а часомъ и два, кому дуже треба... Й не хоче, щобъ виддавалы назадъ и дякувалы: каже, що то видѣ Бога... А жинка сварытся. И багато навѣть грошей роздае, але про те не люблять такы ёго у насъ люде, та й годи...

— Чому?

— А хто ихъ знае? Не люблять. Бо то кажуть,—ще тыхше, поглядаючи на Дмитра, сказавъ Гаврыло,—що винъ пйбы завмырае... зовсимъ якъ вмре и бачыть, що на тому свити дѣется и що кожному буде, все, все бачыть... А якъ прокышется, то хочъ-бы кому-небудь що сказавъ. Скільки бувало просять,—а ни слова. Дывытся кудысь та моргае. То у ёго око печысте...

— А на хазяйствы у ёго хто?

— Жинка. О, працѣвыта це баба, голосна, проворна та и дитей добре доглядае. То тежъ—ни зъ жинкою, ни зъ дитьмы часомъ рота не роззявыть... Мовчыть, мовъ сомъ. Це винъ тута тильки цось тронкы ставъ балакаты... Чудный це мужыкъ. И то все зъ того пожара. Огнева стрила ёму мову заткнула.

— Ни,—задумавшись промовивъ Омелько, выслухавши оно-видання Гаврыла,—не такъ стріла, якъ ти грошы ёму поперекъ горла темеренькы стоять.—Але звідкиль винь ихъ взявъ?—цикався Омелько.

V.

Була на курорті людина, зъ котрою познаёмьмысь наши селяне: лакей одного багатого хворого папа, котрый не одну вже тысячу вытративъ на ликування по заграничяхъ и теперь прыйшавъ на курортъ зъ цілою юрбою челяди, и навить собакъ своихъ забравъ.

Той лакей, невеличкого зросту, зъ кругленькымъ черевцемъ, рябий на выду, звертавъ на себе увагу своихъ своею постатью и одежою. Руки ёго были таки коротеньки, наче приставленн до тѣла патычки-обрубкы, мовъ у крота. Бороду винь голывъ, а лышавъ нидъ ушыма невелички клантыкы, що малы скидатись на бакенбарды; маленькы руди вусы винь коротко стрыгъ, а голова була лыса, якъ макогипъ. Одягався винь у ряби вузенькы штани, що щильно облягали ёго тонкы ноги, у бильый пиковый жилеть, поверхъ котрого була якась зеленувато-сыня пиджачына зъ двома гудзыкамы ззаду. Ззаду пиджачына роздвоилась на два хвостыкы, а видъ гудзыкивъ высилы дви кытычки. На голови бувъ рябенькый круглый картузокъ.

Колы винь у-перше пройшовъ по стежци поузь того мисця, де лежалы у гамакахъ селяне, Омелько не стерпивъ тай розреготався и прозвавъ ёго «якымсь педоробкомъ». А колы лакей показався у-друге, Гаврыло звернувся до ёго:

— Якъ ся маєте, мось-папе! Идить сюды!

Лакей важно пидійшовъ и подавъ руку селянамъ. На пучци у ёго бувъ срибный перстень зъ якимсь великымъ каминцемъ.

— Звидкили прыйихалы?

— Изъ за-границы, изъ Мерапа.

— О-о!—протягли селяне вси въ одинъ голосъ и высунулы зъ гамаківъ свои головы, якъ гусы, колы побачуть въ своимъ гурти щыдыка або павыча.

— О, то вы свита де-який иматокъ такы побачылы?

— Ну да,—по чугунокъ—бздилл-сь. И скажите пожалуйста, тамъ очень лучше-сь... весьма хорошо-сь... за границей.

— А сколько днейъ туды треба йхаты? въ тую заграницю?

— Не весьма долго-сь... И скажите пожалуйста, вы можете быть тамъ черезъ четыре дня-сь. Это въ Австрiи... И тамъ-сь, тамъ все весьма хорошо. Что, скажите пожалуйста, этотъ паркъ по сравненiю-сь? тамъ пожалуйста будетъ въ двадцать разъ больше-сь, весьма больше-сь. И музыка въ четырехъ мѣстахъ играетъ-сь. Ну да.

— Чы ты бачышь?—дывувався Гаврыло, підгынаючы ногы пидь себе и злегенька гойдаючысь у гамаку.

— Тамъ, можно сказать, необыкновенно-сь,—казавъ тымъ часомъ лакей, выхыляючысь передь селянами и розмахуючы невеличкѣмъ прутыкомъ надъ ногою, котру вынь выставивъ впередь. Цикависть слушачивъ додавала ёму охоты оповидаты да ни про загранични дывовыська.

— И если угодно, какіе тамъ, скажите пожалуйста, аллеи, галлерей и моціонь-сь! Да... тутъ что?—И вынь повернувся на своихъ коротенькихъ пиккахъ кругомъ и махнувъ рукою.—Все это, можно сказать, не весьма хорошо-сь... истинные пустяки. Тамъ первымъ дѣломъ нужно поступить-сь на курсъ... Масса публики всякой, весьма разнообразной, и даже есть, можно сказать, баллюстрада и оперь-штрассе... весьма великолѣпно-сь за границей.

Довго оттакъ-оповидавъ лакей про заграницю, выкручуютъсь та выхыляючысь на вси способы передь селянами, котри мовчки слухалы ёго.

— Слухай-но, мось-пане,—перепынивъ ёго Омелько,—якъ тебе зваты?

— Ивагъ Θεодоровичъ-сь!—сказавъ лакей, трохы прысидаючы и легенько торкаючысь картуза, котрый зеупувся бувъ ёму на потылицю.

— Ха-ха-ха!—голосно зареготався Омелько, а за нимъ и други селяне.

— Та який-же ты Ивапъ Оеодоровичъ,—регочучы промовывъ Омелько,—ты просто Ефендрикъ! Далєби Ефендрикъ!...

Ивапъ Оеодоровичъ зовсимъ не вразывся и павить усмихнувся. Нове призвысько пибы павить вподобалось ёму.

— И скажите пожалуйста, какія-сь, можпо сказать, шутки. Иванъ Оеодоровичъ—и вдругъ, какъ вы изволили сказать, Ефендрикъ. Такого имени нѣтъ-сь... Увѣрю васъ...

— Чы увирай, чы не увирай... а ты Ефендрикъ—и шабашъ. Тай годи!

Зъ той поры у Ивана Оеодоровича на курорти стало призвысько «Ефендрикъ».

Безцеремонність селянъ зъ Иваномъ Оеодоровичемъ стала ще більша, колы воны довидались, що Ефендрикъ зъ простыхъ селянъ зъ Подилля. Змалку винъ ставъ на службу при паньському двори, тай такъ и лышывся до вѣку лакеемъ.

Дмытро, що за молоду бувавъ въ рижныхъ мисцяхъ, знавъ и ёго село.

Але колы Ефендрикъ, розбалакавшысь зъ селянами про знаёмыхъ панивъ, згадавъ про одного панка Лепешковського, у котрого вкрадено грошы,—Моргупъ здригнувся и пидвивъ голову.

Омелько тымъ часомъ зацикаввся тымъ панкомъ и просивъ Ефендрика розказаты, якимъ чыномъ сталася та краджка. Ефендрикъ залобкы розказавъ.

Зъ того оповидання Ефендрика селяне довидались, що не всимъ панамъ добре кыветєся на Подилля; що тамъ йє паны, котри жывуть не краще заможнёго селяпына. Такий власне бувъ той панъ Лепешковський. Мавъ винъ щось билия трыдцаты десятины земли, скільки штукъ товару, а жывъ у простій хати, якъ казавъ Ефендрикъ, «не весьма хорошо-сь»... Разъ до того панка ставъ на службу якийсь пройдысвить; винъ не прослуживъ и мисяця, якъ панъ ёго выпавъ и грошей не заплативъ. А той, забираючысь зъ двору, вкравъ у пана образъ Почаивської Богородици въ гарній срибній оправѣ. Панъ трохи не збожеволивъ, колы увійшовъ у хату и побачивъ, що нема образа. Казалы люде,

що въ тимъ образи булы заховани гроши, щось била тысячи карбованцивъ.

— Гультаямъ часомъ счастья, лихо-ма...—промовывъ Гаврыло, що блукавъ очыма на вси стороны пидъ-часъ оповидання.

— Ни... крадене добро—то не на добро.—поправывъ ёго Омелько.

Але ниhto такъ уважно не слухавъ того оповидання, якъ Моргунь. Пры першыхъ словахъ про Лепешковського, випъ разъ повернувся спыною до всихъ, заплющывъ очи, вдаючи нобы спыть. Але випъ не пропустивъ ни однисенького слова. Ниhto не бачывъ, якъ зблидно ёго облычя, якъ здригались нервово ёго уста. Збентеженный, зворушенный, випъ разъ-у-разъ розплющывавъ свои моргаючи очи, зрываваъ лысточкы и нервово грызъ ихъ, ажъ зубы скрыпили...

— И скажите пожалуйста, какое, можно сказать, удовольствіе быть такимъ-съ помѣщикомъ? Никакого тебѣ плезира-съ... въ родѣ, какъ бы сказать, настояцій мужикъ,—скинчывъ розмову Ефендрикъ и пишовъ.

— А самъ хто?—сказавъ ёму наздогипъ Омелько. Пидтырае цана десь... той думаетъ, що и випъ тежъ нобы папъ. Чыстисенько де якась мавпа, що на ярмарци часамы показываютъ.

Селяне багато сміялысь зъ Ефендрика, до котрого чы мало прыкладотъ выгадували вопы вси.

Лышь для одного Дмитра той Ефендрикъ бувъ цікавийший, нижъ для ииныхъ. Випъ не разъ спыпавъ своихъ товаришиивъ и казавъ, що грихъ сміятысь зъ хрещеного чоловіка, хто-бъ випъ не бувъ. Писля розмовы про Лепешковського Моргунь почавъ якось неспокійно поводитысь въ присутности Ефендрика. Кримъ того, випъ ни на одну хвылыцу не покидавъ своихъ товаришиивъ у ту пору, колы звычайно на «кермашъ» (такъ пазывалы те мисце, де лежалы селяне; кермашъ—ярмарокъ) прыходывъ Ивапъ Федоровычъ. Випъ ставъ трохы спокійниишыи лышь тоди, колы одного разу нобы пенарокомъ дигнавъ Ефендрика на далекій стежци, завивъ зъ нимъ розмову про подольскыхъ напывъ.

— А той що вы казали.. якъ ёго,—и Моргунь заморгавъ сыльпише,—Лепешковскій не пайшовъ того робитныка? Га?

Его щось дуже дерло у горлі, п вінгъ, шныпвъ цей разъ якось незвычайно, зъ велькымъ напруженямъ.

— Можно сказать-сь, что совершенно пропали-сь деньги,— нехотячы видповивъ Ефендригъ, закрываючысь рукою видъ того духу, що йшовъ зъ Дмитрового рота.—И скажите пожалуйста, какой дуракъ останется на мѣстѣ, если онъ деньги взять? Очень просто...

— Кто-жь то такой? Вы ёго не... Вы не чулы. Ивагъ Оедоровычъ, якъ казали про ёго люде?—поволи. але зъ велькымъ неспокоемъ спытавъ ще Моргуль, и ёго уста щось зашопотили тыхенько.

— Очень просто-сь. Не знаю. Я слышала только, что украсть тысячу рублей. Аревуаръ... и пожалуйста до свиданія,—промовивъ повернувшись Ефендригъ, очевыдячки хотившы видчепытысь видъ селянына зъ такимъ тяжкымъ та прыкрымъ запахомъ. —Можно сказать, что вамъ зубы нужно полоскать. Есть такой порошокъ,—пораявъ Ефендригъ, видійшовны трохы далі.

Але Дмитро не слухавъ вже ёго. Вінгъ глядвъ на небо, певпынно моргаючы и щось шепотивъ. Про що вінгъ шепотивъ?.. Може про те, що въ тимъ образи за дошкою не тысяча карбованицвъ була, а всѣго лышь емсотъ, що теперь вже вінгъ по рижныхъ людяхъ роздавъ бильшь двухсотъ карбованицвъ, що вінгъ що-року ходить у Почанвъ... що вінгъ постыть що середъ та чытныци, навить ось того кумысу не пье..., що вінгъ не знавъ, що тамъ такъ багато грошей...

VI.

Бувъ парный день у кинци лышня, пидъ Маковія. Видъ спеки не могла захыстыты навить тшь густого бору. Пекучи сояшны промиши пробывалысь зверха, и у лиси було дуже ясно. Сонце рознекло сосну, сосна выпускала смолу, а повитря пашыло тмы пахощамы, що, якъ думаютъ, дуже помогаютъ на слаби груды.

Не було витру, и той смоловий духъ стоявъ нерухомо. Було дуже душно. У парку було тихо, лишь травяни конякы-стрыбунци певгаваючы цвирчало, та спивала всяка лисова птиця, а найблизше падсажувався смердячий удолю. Крякало гайвороння на верхахъ хвой. Дитвора, що не знае втомы и не вважае ни на яку духоту, бигала шумною юрбою по стежкахъ. Де колы зъ верхивля сосень спадали шынкы и кора,—мабуть тамъ на гори хазяйшувало вывиркы.

А нидь соснамы у пызу, мовъ паутыня, стелылись по всихъ всюдахъ гамакы зъ хворымы, котри, лежачы, дывылись у гору, наче сподиваючысь видъ того свѣтла, повитря та лису здоровья соби. Ляскалы затычки кумысовыхъ пляшокъ, и кумысь сыльнымъ токомъ бивъ зъ пляшокъ, бо у гарячий день винъ мусусъ сыльнѣйше. Ци прыгоды зъ кумысомъ трохы весельны курортну публицу, знуджену бездѣлямъ.

А зъ дугу, що починаяся за Горынемъ, доносьлось иржання лонать та кобыль, котрыхъ держали табунъ для кумысу. Лоната не розумѣлы, яке значення мають ихъ матки для людей и разъ-у-разъ тягнулись ссаты; а ихъ, щобъ не ссала, коротко прывязували до шыи кобыламъ. Пастухы черегалилы табунъ на нови мѣсця, верхамы займали и завертали неслухияныхъ кобыль, ляскаючы довгымы бычамы.

— Душно,—промовивъ Гаврыло, підсидаючы до Омелька, що лежавъ у гамаці, розплющившы очи и дывлячысь у гору.—Такъ парить, що хочъ штаны скинь ..

-- А я оце лежу соби, задершы голову, та й думаю: чы далеко до сонця, чы ни? Бо першъ, якъ не було на свити монополія, то стари люде казали: не буде до сонця двадцять верстовъ, бо якъ бы було бильнѣ, то безпремнно тамъ мусыла буты корчма. А теперенькы, якъ корчму прыставъ запечатавъ, то и чортъ его батька знае, скыльки то воно буде. Мабуть теперь бильнѣ.

— Запевне,—згодився Гаврыло.—Оттого-то теперечкы и лига таки холодни бувають. Инколы выпадѣ такый хорошый день, якъ сѣгодня... а то все дощи та дощи.

— И що то таке сонце?—мовивъ дали, знечевья, Омелько.
И видь чога воно свить бере и такъ пече?

— Кажуть, що воно гаряче, якъ жарь... и завжди горить... а янголы головешкы минають.

— Хто про те може знать? Нихто того не бачивъ.—Вси замовкы на хвыльну. Дмытро, що прислухався до розмовы, пидійшовъ теперъ до Омелька и, пагнувшись до ёго, прошепотивъ, порухуючы бровамы:

— «Якъ Богъ творивъ сонейко, то янголы спивали «свить»... и трыста святыхъ янголивъ катають ёго по неби видь схода до захода. А по заходи други трыста янголивъ качають ёго на той свить. А якъ зійде до насъ, то зновъ наши трыста беруться за пёго».—И ще щось хотивъ розказати Дмытро про янголивъ, що качають сонце, але Омелько спытавъ:

— А хто-жь ихъ личивъ? Га?

Облычя Дмытра вмыть переминылось. Винъ заморгавъ дужче, ротъ ёго непрямпо скривывся и у горли почались спазмы.

— Шкода, що въ мене горло болыть и я не могу гово-
рыты, а то я...—попотивъ Дмытро энергычно, розмахуючы ру-
камы.

— Ни... то що правда, то правда,—промовивъ, дывлячысь
у землю Гаврыло.—Запевне, що трыста ихъ качае. Я тежь чувъ.
Правда такы, що трыста...

— Про це въ кныжкахъ добре папысано,—трохы тихше
промовивъ Омелько.—Диткы наши вже такы дойдуть до розуму;
теперенькы вже ииный хлопецъ то такъ лопоче по кныжци, що
чортъ ёго и розбере... а мы якъ булы дурици, такъ и помремо.
Мій батько. хай царствуе. навить до школы мене виддавъ, та не
знавъ, що треба кудысь покрииче быты... жалкувавъ, певне,—то
дурнемъ и выйшовъ я...

Омелько спыпывся; мовчавъ и Гаврыло. Але, паче вгадавны
думкы свого товариша, Омелько, высякавшы поса и усившысь
выгиднійше, почавъ:

— Нась було въ батька трое... та Мыкыта вмеръ, а Иванъ зповъ на хазяйствѣ, на батькивщынѣ зостався, а я меньшый бувъ, идѣти мирку идѣйшовъ, то мене въ москаляхъ взяли. Въ москаляхъ де-чому вчыли: и чытаты, и пысаты, и навить словесности. Эге! Це бачъ таке—кажы мени заразъ: хтѣ такойъ царь и що таке знамя? «Знамя есть священная хоругвь»...

Ось бачъ и доси у голови тримається, бо якъ стукне бувало ось сюды «дядька»,—Омелько показавъ на чоло,—то мусышь пам'ятаты. «Священная хоругвь»...

— И довго ты служывъ идѣти миркою?

— Ну, всёго нивъ-року. Та «священная хоругвь»... Вже я тоди и азбуку прыгадавъ, що колысь-то у школи вивчывся. Воно-бъ то и не-що въ москаляхъ, колы дуже робитно. Тильки що, дай Боже, розвине, вже дижурный крычыть тоби на всю казарму: «вставай, князютокъ готовый!» То пехай хто попробуе не встаты. О-го-го!.. (Омелько докинувъ свою думку выразно помаханьми кулакомъ). Отъ схопылся зъ пары, мовъ скаженный, вмешся... заразъ барабанъ бѣе на молитву, потимъ—чай пый... а писли—казарму прыбырай и идлогу тры, щобъ чыста була. Тильки що потеръ—барабанъ: иды маршыруй, помы ажъ тоби пога полищемъ стане, та ще до того и писню ёму спивай; а потимъ—словесность. Цылу годыцу треба, бувало, речуваты: «здравія желаю ваме высокоблагородіе», щобъ гуртомъ до складу выйшло.. якъ генераль, то «вамѣ превосходительство!» А тамъ дрова рубай, та посы на кухню. Не пойивъ ще добре за обидомъ, барабанъ зповъ бѣе, зповъ маршыровка. А до чого вона здалася? Отъ таке лихо! Тай радый же я бувъ, що заслабъ... «Воспаленіе въ легкыхъ» зробылося... Лежавъ де-який часъ у лазаретѣ, а нарешти и до-дому пустылы. Така була моя и служба...

— Ну, а дали що?

— Дали? Якъ поправывся, то пишовъ на Волинь паймытуваты и на жывахъ литомъ бувавъ. Де мене тильки не бувало? Не дарма до лыхон хворобы дожывся...

Скільки хвильиць внигъ помовчавъ. Омелько не дывывся вже на небо. Внигъ спустывъ погы зъ гамака и потунывъ очы у

землю. Облыччя ёго дуже зморщылося и непаче потемнело. Спогады мовь бы старилы ёго.

— Зовсімъ гнылыи чолонкь ставъ: якъ то кажуть: де дощъ иде, тамъ и гные. А де мене тильки не мочыло?

-- На Воляни досыть заробывъ?

— Якого тамъ смутка заробывъ? Не разъ я соби думаю, що у кого багато грошей, той самыи скуныи чолонкь, окрпимъ хибя жыда, котрый все одно скуныи, чы мае, чы немае грошей. Тожъ то таки паны на Воляни... маёнтокъ въ ёго на цлыи новитъ, а пиды попросы въ ёго хочъ конйичину лышню! Та не то що лышню, а навить не додасть тоби того, що слидуе. Далеби! Въ N—ой экономи мене ошукалы на карбованця и трыдцять грошей. Правда, що трапцалося де-колы и добре заробляты, нема що. Памьятаю—бувъ я на жывахъ у одного пана, та не выйшло щось у насъ до згоды. Иншовъ я видъ нёго. Було насъ чолонкь двадцять, не збрехавшы, що някъ не можемо пайты соби роботы, бо такы и погода щось мерзенна була. Идемъ мы черезъ маёнтокъ графа X. А выкыпувся тоди на наше счастья гарныи, теплыи день. Сонце такъ и пануе. Бачымо, ажъ бжыть до насъ графскйи эконома.—«Гей, крычыть, хлопцы, чы не пайметеса овесь косыты».—«А що, якъ дасте, кажу, за покысь по дви сорокывы, то будемо косыты»,—сказавъ я такъ соби, мовъ, що то зъ того выйде.—«Чы вы, каже, подурылы? За пивъ дня я пладу два злоты, а вы за одыгъ покысь хочете дви сорокывы!»—«Якъ соби хочете, пане эконома,—кажу ёму,—колы не дасте, то нехай вашъ овесь высыпаеця, а мы пйдемъ до пана K. (недалеко тутъ жывъ), въ ёго тежъ певне робитныкывъ нема»...—«А псялайдакы! каже, а самъ чухае и бороду и потылицу,—косыты! нема що». И певельчкы навить покосы булы. По сорокывци кожныи. Скыльконадцять дшывъ мы въ ёго булы, то де-що такы заробылы. То зновъ же, сказавшы правду, якъ перегынуты де-якы грошенига, то такъ тебе, лыхо-ма, засвербыть... такъ занудыть... мусышь до Мошка на цвиркунця якого пйты. А звычайне: почнешъ цвиркунцемъ, а кпичынгъ свыстунцемъ. Посвысты потымъ!... Але шкода мены такы Мошка!—зовсімъ песнопывано сказавъ

Омелько и похытавъ, зитхнувши, головою. Не винъ мене згубивъ, а я ёго выкуривъ.

— Якъ то?

— А такъ. Знайшовъ я ягось па лузи уженять, забравъ пухъ соби за пазуху.—воны не кусаются,—прыйшовъ до Мошка та й кажу: твоя Ривка просыла, щобъ я диткамъ котеня прынесь, то вытяги въ мене зъ пазухы, тамъ котенятко маленьке сыдыть. Засадывъ жыдъ руку, та якъ скынется, якъ зарепетуе, вылунывши баньку, а уженята такъ и выотся по руци. Поки збеглыся жыдкы раду даты, мои ужы--тыркы! тыркы! тай пидъ пидлогу... тильки ихъ и бачылы. И що-жъ ты думаешъ? зъ той поры у Мошка стало все меньше людей въ корчми п меньше... а па ренти и зовсимъ перебрався жыдъ па друге мисце. Буде такы винъ мене памъятаты, кобъ винъ згоривъ! Ну, то вершувшыся... ягось я тутъ вже оженився та й ставъ хазяйнуваты.

— Довго па хазяйстви булы?

— Колы-бъ то па свому хазяйнуваты, то воно не що... а прыймакуваты—тяжко. Якъ родылася въ мене дытына, а потімъ друга, а земли чортъ-ма, тесь не хоче дилытыся, та й въ ёго ще своихъ дитокъ досыть. Плюнувъ я та й нишовъ на плысь... геть ажъ па Прыпць, па Инскъ, та па Гомель. Всю зиму бувало повертаемося въ лиси, а па весни гонымо дерево—хто по Днпру, а хто па Нимань, хто па Вислу, та па Бугъ. Це саме добре жыття було, бо хочъ пьколы и выпьнешъ чарку, але якъ згадаешъ про дитокъ та жинку, то надъ другою задумаешъ и почекаешъ. Де-якого карбованця диткамъ и жинци посылавъ.

— А яки тамъ люде?

— Тамъ ихъ называють билоруссы, а дали вже жмудъ. Паршыви люде... дуже скуни и не люблять розмовляты та балакаты, якъ ось, напрыкладъ, оце мы. Зберутся де до купы билоруссы, то нема въ нихъ, щобъ яки жарти або смихы, а стоять та мовчать мовъ злюди яки. Хйба выпьють трохы, то почнуть де про що балакаты. Не зле пьють, дыхо-ма... але не такъ, въ гурти, якъ у насъ, а кожны окремо пье. А пшля якъ видъ того заслабне, то крычыть, що въ ёго жывить «боліць».—«Видъ чого

це *вамъ*, дядьку, зробылося?»—спыта хто-небудь.—«А кабъ ты на свою голову завывь!»—видкаже... да такъ гыдко, брыдко. Дуже не люблять, якъ межъ собою хто-кому скаже—«вы». Хиба чоловікъ зовсімъ незнаёмый, то скаже часомъ—«вашесть». «Вашець куды пойдзѣць?» «Вашець, барынько, може копѣйку дасцѣ?» Отъ таке! Брыдко гаворять... и люде брыдки. Нема въ цыхъ того, щобъ помогты одынъ одному. Кожный свою соплю жуе та ковтае, тай каже—«смачно»... а багати!... а багати!... Жыве, якъ то кажуть, въ свынныци, жуе ледве не камнши, а мошно повну потрясае, тай ще каже, що шчого не мае. Чысти злыдни!.. Я прыглядывся такы добре до ихъ жыття. Я черезъ тыхъ билоруссывъ мусивъ на Бога працоваты.

— Якъ то на Бога працоваты?

— Въ тюрьми сыдывъ де-якый часъ,—поясывъ Омелько и прыкро плюсувъ, згадавшы цю подію.

— Багъ, якъ бувъ на пмыси, то зъ памы йшхавъ въ скарбовци (така хата на плоти) самъ пидрядчыкъ и въ ёго бувъ комисаръ, що выдававъ памъ...

— Гей, пане Ефендрику!—гукнувъ вразъ Гаврыло, побачывшы лакея, що проходывъ бля цыхъ. А чому це вы не зайдете? не поплюете навить у нашу сторону? Чы вы може тее зовемъ вже на пана сталы?

Иванъ Оедоровычъ на хвыльцу спынывся, задеръ голову до горы и зырнувъ соби поверхъ носа.

— Очень просто... променаль!...—сказавъ высь,—въ родѣ сказать какъ бы прогулка... для освѣженія.—Потяхъ пидійшовъ до селянъ и подавъ имъ руку, выгыпаючи ии зовсімъ по-лакейськы, такъ, веначе пидставлявъ долоню.

— Что себѣ подѣльваете? а?—спытавъ Ефендрикъ, торкаючи себе сзадѣ прутыкомъ по жыжци.—Жарко-сь! И скажите пожалуйста, какъ необыкновенно, можно сказать, печеть-сь!... А вы въ настоящей еще свиткѣ.—показавъ высь на Омелька, хытаючи головою.—И скажите, пожалуйста, вамъ теперь холодно?

— Мени въ цій свитчыни и литомъ и зимою тепло.

— Хи, хи, хи,—засміявся Ефендрикъ. До зимы еще далеко-сь... скажите, какія разсужденія?

— А въ тебе на-зиму ѳе що-небудь, чы нема?—спытавъ ёго Омелько, озыраючы одижъ лакея.

— Конечно-сь... по мы не нуждаемся. Я давно не чувствовалъ, что такое зима. Не весьма беспокоюсь...

— Якъ то?

— А такъ. Очень то есть просто-сь. Я зимою ѳзжу съ бариномъ на югъ Франціи—въ Ниццу, или въ Мерань. И скажите пожалуйста, какая тамъ зима? Тамъ, можно сказать, очень хорошо всегда бываетъ—и никакой зимы нѣтъ...

— Не може того буты!—не ѳнялы виры селяне. Якъ то безъ зимы?

— А колы-жъ въ пыхъ Риздво?—прошепотивъ Дмитро, злизаючы зъ своего логовыска.

— Рождество-сь? Все равно какъ у насъ лѣтомъ... такъ тамъ на Рождество... и ска...

Гучный регить вразъ зъ кашлемъ заглушивъ слова Ефендрика.

— Оце зовсимъ якый-сь мешигене,—промовывъ утось регочучы. Лакей повертався на вси боки, хотивъ щось казаты, але ёму не дали...

— Какъ вамъ угодно-сь,—сказавъ винъ, колы регить трохы утыхъ,—а только это истино-сь... Тамъ и километры-сь есть... и... даже дрова тамъ продають на километры... потому что тамъ больше въ употребленіи уголь... И скажите пожалуйста, зачѣмъ тамъ шубы? Можно сказать, ихъ вовсе нѣтъ...

— Та мы вже бачымо, що нема! Може тамъ люде и безъ штанывъ ходять?

— Фи-донкъ,—зморицывся Ефендрикъ, закъдаючы голову назадъ, ажъ картузь зсупулся ёму на шыю.

— Це що значыть?

— Одна то есть презрительность, и больше ничего.

— А у барына ѳе шуба?

— Есть... богатый человекъ-сь! Милліонеръ-сь! силь-вупле... по нашему: если хотите... очень просто-сь!

— А по нашому...,—и Омелько промовывъ таке слово, видъ якого увесь «керманъ» зновъ зареготавъ. Наибільше сміявся Гаврыло.

— На що твій барышъ заслабъ?—спытавъ Омелько, котрый почынавъ цікавытысь Ефендрикомъ.

— Температурой-сь?..

— Це-що такє?

— Очень просто-сь... бациллы есть такія...

— А на що вишь якусь трубочку въ ротѣ тримає?—пытавъ дали Омелько, котрый колысь бачывъ, якъ миллионеръ державъ у ротѣ термометръ.

— Градусы...

— Шо воно такє?

— Для нормальности... Только посмотрѣть и сейчасъ видно: повышенная температура или нѣтъ... Очень, то есть, просто...

— А що въ тебе въ кешени?

— Газета-сь, «Биржевыя Вѣдомости». Можно сказать—политика-сь!

— Отъ же й мова въ тебе! Де це ты такъ премудро навчывся говорыты?

— Очень просто... Можно сказать единственно отъ собственнаго ума.

— Воно, бачъ, и видно, що ты великый розумака. А по чому ты матерію на штанци куповавъ?

Ефендрика закъдалы пытаньямы, и на кожне, вишь видно-видавъ дуже поважно, не вважаючи на прыкладкы и кепкуванія. Вишь покладавъ себѣ безмирно розумнѣйшимъ видъ селянгъ, и жарты ихъ булы ёму байдуже.

— Ну, тай що жъ дали?—спытавъ Гаврыло, сѣдаючи якъ ранѣйше, колы пѣйшовъ Ефендрикъ и на керманш зновъ стало тыхо. Омелько сивъ зновъ на свое мѣсце.

— .. Комысаръ, що выдававъ намъ хлибъ, муку, крупу, огиркы,—почавъ вишь такъ, пеначе Ефендрика зовсимъ не було, и обыччя ёго зновъ зморщилось и зистарилось.—Нока не бувъ нисть, то ничого—вишь насъ, бѣстїя, годувавъ, а якъ настала Петривка, такъ хочъ ты языка повишай ты самъ свои зубы зѣнжъ. Вже про горилку нема що й казаты: це самъ соби купиш. Хочъ бы мы бачылы якого огирка, або редьку. Тпльки мы знаемо,

що якийсь крушнычокъ та кашу. Щобъ вона була добре пасма-чапа, ну то ще... а то тильки слава, що олія... може била оліи вона и стояла. Тьху! Ахъ, трясця жъ твоеи та не ридній! думаю соби,—вишь насъ голодомъ заморыть... а на витри листы хочеться, пльвешъ соби цилый день та слышу ковтаешъ. Кажуть мени пльсаки: зачены комысара, скажы, щобъ оліи бильшь да-вань и огиркы зъ редькою щобъ були, а мы вси гуртомъ будемо за тебе. Я и послухався. Отъ добре. Пристали мы до якогось миста, я й кажу:—«Пане комисаре, закупайте бильшь оліи, огиркы, та редькы...» А вишь:—«ты мени що тутъ за указъ»? А я: «чы указъ, чы не указъ, а такъ громада хоче».. А вишь: «ты свого носа гляды». Та заразь до пидрядчыка: такъ и такъ, каже, Омелько Пацюкъ бунтуе. Ось ажъ прыходыть самъ панъ пидрядчыкъ... пузатый такый, пыкатый жыдога... и завжде въ ёго слына зъ рота йшла. Каже: «що ты тутъ за бунтарь такый»? А я: «усл громада сёго хоче... На це, кажу, контрактъ!» А вишь: «не твое це дило, въ контракти цёго нема!» А я: «бре-шешъ, кажу, паршывий жыду». А вишь зновъ: «я тебе вы-жену геть и грошей не заплачу»... Бачу я, що нибы кепсько, и схаменувся на де-яку хвылыну, бо дуже грошы потрібни были. А громада стоить и хочъ ты що: мовчыть. Тильки одынь щось сказавъ за мене, тай не дуже голосно. Отъ тоби и зачешывъ! Тымъ часомъ почавъ пидрядчыкъ мене лаяты:—Ахъ ты, каже, собака!» Я мовчу.—Ахъ, ты паршывецъ! Я...

— Але якъ же то жыдъ смивъ таке казаты?—перебывъ Омелька Гаврыло, котрому здалася незвычайною смилывистъ жыда...—Я ще такыхъ жыдывъ не бачывъ...

— Бо ты не живъ въ Лытви... Тамъ люде паршыви, а жыды—мое почтеніе. То тильки въ насъ жыды, здаеться, таки песчасни, а тамъ вони пацы-папамы. Слушайте-по дали. Я мовчу. «Ахъ ты, каже, такый сякый!»... Я мовчу. Всякымы словами вишь мене тоди частувавъ,—я все мовчавъ, бо бачу, що громада тежъ мовчыть. Але якъ сказавъ вишь: «ахъ ты—мозырський акцыз-ныкъ!» Ну, тутъ вже я не вытрымавъ. Та зибравшы жменю, по-

плювавъ, та якъ тарахнувъ ёму зъ одного боку въ морду... а потимъ, одвернувши та зъ другого...

— Вартъ!—вдоволенный промовывъ Гаврыло.

— Такъ вишь покотывся, мовъ корова, що телятысь збирається... Жыдъ заразы наробывъ репету, крычыть: «ой вей, бунть! каравуль!» Заразы тутъ збиглыся шоле, вратныкъ. А мои хлопци стоять и хочъ бы одинъ що сказавъ, нибы имъ вовкъ мову заткнувъ. Де-котри повтикалы, стали здалеку дывытыся, що буде... А я заразы нишовъ на свій плить забираты свои маенткы, бо бачу, що вже мени дальше не плысты. Та якъ йшовъ, та мижъ балкамы въ воду и провалывся, отъ по-доты,—вишь показавъ соби по груды,—а день тоди бувъ дуже холодный... Здається, не дуже боявся я и воды; правда, що купатысь мене не кортило. И ото зъ той поры схопывъ я хворобу.

— Ну, а дали?

— Дали? звисно що. Прыйшовъ прыставъ, зробылы протоколь, и сыдивъ я до осени тамъ, де муляри певне такы заробылы, якъ мурувалы стипу... А вдома не знали, куды я подився, думалы, що може втопывся, або що... Всихъ, що йшли черезъ село, пыталы про Омелька Пацога. И скажы ты мени: що тутъ такого, якъ зайихаты жыдови въ пыку хочъ бы и два разы? а мусышь за те просыдыты въ тюрьми тры мисяци.

— Ну, за нашого жыдка меньше, нашъ того не вартъ,—завважывъ Гаврыло.—То може тамъ, въ Литви...

— Я тежъ думую... бо якъ за кожного жыда сыдыты въ холодный, то яка-жь то пывышна буты холодна? А до жинкы лыста не пысавъ, бо соромъ: черезъ парха-жыда у холодный сыдышь. Думую соби: якъ выпустяты, то ниду службыты... Нехай жинка думаетъ, що я службывъ. Отсыдивъ я свое, и выпустылы мене на уся чотыры бока. Службы якъсь не тралялося, то пышовъ я до-дому: на Высоцкъ, Домбровыцю, Бережныцю... Иду до Космачова лисомъ тай гукаю. Геть по всёму лиси моя гуканка луна, дарма, що и тоди вже кашлявъ. Ажъ йиде пиль парою коней.

— «Тпру, стій»...—каже фурманови. Той стрывавъ коней.

— «А чога це ты такъ розгукався?» — пытається мене. — «А чому-жь мени и не гукаты? Хиба я злодій, або жыдъ, або цыганъ»? Роспытавъ винъ мене, звидкиля я иду и куды. Все сказавъ, одно тильки едыне не сказавъ, що сыдивъ за жыда у тюрми. — «Хочешъ, каже до мене... коривъ доглядаты?»

— «Чому?» — кажу. — «То сидай»... Отъ почавъ я въ ёго и насты и коривъ доглядаты. Два рубли на мисяць и харчи... А бувъ у батюшки пысьменный сыгъ, въ Кремляци у семинарии вчывся, то винъ лысть мени до-дому панысавъ. То жицка вже знала, де я... Грошей пославъ де-якый карбованецъ и пысавъ, що якъ мынется рикъ, то до-дому прыйду, бо пипъ згодивъ мене на рикъ. Але не доживъ я не то що до року, а навить и до весны не пробувъ. Черезъ попадаю мусывъ выйты.

— А що?

— А те, що дуже якась заздрисна попада була у того попа. Не дай Боже! Що їй хто не дае, все їй не так: и масло не свеже, и кнышь черствый, и троячка зъ диркою. И пиколы їй не догодышь: и те не такъ и це не такъ, и за маслосвятіе мало дають... — «Слухайте-но, кажу бывало я їй, — тожь вы здається не пипъ, це не ваше дило». А вона: «то все одно — випъ священныкъ, а я священныця». Що ты будешъ зъ нею робыты? Усюды свого носа дотыкае. Скільки мы зъ нею по хазяйству сперечалыся, не дай Боже! Вона крычыть, и я спуску не даю. — «Що то въ тебе, каже, вси лопаты порепалыся и зъ дирками?»

— «А я їй: а ваша лопата давно порепалася, а однаково ще служыть».

Гаврыло засмїявся, а Дмитро докирлыво похытавъ головою.

— О, въ мене языкъ добре такы прычепленный; колы треба, не зачепытся! Бо зъ нею, зъ тою попадаю, инакше не можно було. Якъ добре їй одкажешъ, тоди тильки и видчепытся на де-якый часъ.. Отъ, одного разу прыносять кумы до хреста. Прыпись кумъ пивня, правда, що не дуже гладкого, але дежь ёго гладкого взяты, якъ нема? Якъ угледила попада: — «А що це за пивень! Це здыхота якась!» Та взявшы того пивня, окунула въ помийныцю и давай кропыты кумивъ. Тутечкы вже я не вытры-

мавъ.—«А це, кажу, що за хрещеніє таке? Попрода повинна брати, що дають»... Кумы побатылы, що я не дуже панькаюсь зъ попадею, тежъ до мене прыстали. Выйшовъ и нинь... Ось, ажъ теперъ стали мы сперечатися, якъ треба. А черезъ два дни я пишовъ видъ ныхъ. Це було якось пилія Риздва. Прыхожу до дому. А булы морозы на двори. Дорогою десь зновъ застудывся. Добрый вже такы тоди кашель взявъ, и въ грудяхъ—то тамъ, то тутъ болило. Всю весну, якъ бачышъ, лежавъ,—така хвористъ взяла. На сылу выдужавъ... То що ты думаешъ? Выдужавшы, зновъ кортыть мене кудысь иты та шукаты хлиба на сторони. Певне, на тому мисци, де я родывся, цыганята кашу йлы,—не инакше. Пиншовъ я до князя на папирню. Зарибокъ тамъ не що. Добре було-бъ, кобъ на циркулярни валомъ мене не поломало. Якъ поломало, то вже я подумавъ: досыть бурлакуваты—сыды дома. Тоди тестъ выдильвъ мени за дочкою шматочокъ земли. Диткы пидрослы, и почавъ я хазяйнуваты на своему грунти.

Омелько замовкъ и задумався. Гаврыло стыха прыспивувавъ якусь сумну писню. Вптрець зоворушывъ верхы сосенъ... И по всѣму лися зашумило.

— А тоби за нивця грихъ,—прошенотивъ Дмытро, наблызвившысь своею тыхою ходою, ажъ Омелько и Гаврыло здрыгнулысь.—Яке тоби дило судыты пона?

— Тожъ я не пона, а попадаю...—хотивъ выправдытысь Омелько, але не сказавъ ничего.

— Ему же власть—власть... ему же честь—честь, а ему же...—шопотивъ соби Дмытро, видходячы.

— А якъ же тебе за соцького выбрали?—зацытавъ ще Гаврыло, зацикавывшысь оповиданнемъ, а це бувало зъ нымъ не часто. Випъ не звыкъ слухаты довгой мовы.

— А такъ и выбрали... Сказалы, щобъ я за свое бурлацтво громади послужывъ. Муну... що зробышь? Сказалы па сходи такъ: колы земля баби прыйшлася (нибы-то мой жинци), то нехай чоловікъ хоть за соцького побуде.

— Тутъ Омелько закапшылся, и харкнувъ разивъ скільки кровью, червонымы жылкамы.

— Ты довго говорывъ, а докторъ казавъ, щобъ не довго,— промовывъ Гаврыло зъ спивчуттямъ двлячысь на Цяцока и заразъ почавъ шопотиты—кровь замовляты.

— Пусте,—махнувъ рукою Омелько, другою рукою вытираючи вусы и бороду и стараючысь виддохнуты повнымы грудями.

— ... На Божому місци, пры чыстій крышыци...—швядко шопотивъ Гаврыло, у треттє промовляючы.—Ниды-по ты до доктора,—порадывъ вишь Омельку.

— Этъ... твій докторъ тямить те, що чоловікъ помы въ сухотци дыше, то ще живе, а якъ вмере, то перестане дыхаты. Що вишь зробить, якъ Богъ здоровья не дае? Литъ тридцять тому назадъ въ нашому місци нє було а ни одиценького доктора, а бувъ тилькы Юдко, мизерный такый жидочокъ... То вишь, кому тра було, пъявки ставывъ и банки, и такъ кровь пускавъ... а кого стрыгъ и бороду голывъ. И обохдылися люде безъ доктора, та ще и здоровійши булы...

— Що правда—то правда,—згодився Гаврыло и до речы розсказавъ прыгадку зъ своимъ кумомъ, якому докторы сказали, «що вишь безпреминно черезъ тры-чотыры дни вмере въ больныци... То вишь такъ злякався смерти, що взявъ, забравъ свои манаткы и павтикача зъ тїєи больныци... и ще доси живе. А якъ бы зостався, то хто знае»...

— А я знаю одного доктора, що завжде спизнявся. Прыїде тоди, якъ хворый вже ногы задерє. Прыїде та, лыхома, ще пытає: «чы гыкавъ вишь передъ смертью, чы ни»? То якъ скажуть—гыкавъ», то похвалить, скаже: «добре—такъ и повинно бути»...

Оповидання про докторивъ булы безконечни. Каждый мигъ розсказаты чы-мало прыгодъ. Здебильшого ти оповидання перепыняла музыка, котра прыходила у пъятій годины. Тоди селяне вылазылы зъ гамакивъ и шлы до самой эстрады, де сядили музыкы. «Керманшъ» зъ той поры пусувавъ.

VII.

Зпершу селяне почували себе ніяково у своєму повому становищі. Вони мимохить згадували, що дома у нихъ саме робоча пора—жпыва, а вони лежать соби въ гамакахъ мовъ панське стегно... и имъ було соромъ за те, що вони сыдять тутъ на курорти, куды йиздять, якъ видно, лишь папы.

Першый тыждень Омелько не вгаваючы розмовлявъ зъ своими новими знаёмыми, але потимъ ёму, швидко докучыла тая повсякчасна гулянка, наче у свята. Прывыкъ винъ до щоденной праці и не мигъ теперь зпайты соби спокою.

Колы повзъ «кермана» курортни сторожи прочыщали дорижку, Омелько якый часъ дывывся на ихъ роботу, а потимъ взявъ лопату и самъ ставъ зъ ними до работы. Але поробывшы годьну, винъ почувъ биль у грудяхъ и покынувъ лопату.

— Я тоби що казавъ?—напався на ёго дохторъ, довидавшысь выпадкомъ про роботу свого неслухняного паціента.

— Та певже-жъ це работа? Ге, ге... чы то такъ працювавъ колысь Омелько Пацюкъ!

Другымъ разомъ Омелько зъ Гаврыломъ не могли байдуже дывытыся, якъ здіймалы зъ воза поклажу, що привезлы зъ вокзалу на курортъ.

— Не такъ, не за той кинецъ—берешъ! И Омелько скочывъ помогаты... Ёму завдалы чы малый кишъ, и винъ поперъ ёго у павильонъ.

Дохторъ, до котрого мусывъ ходыты видъ часу до часу Омелько, зновъ довидався, що винъ берется до работы, почавъ крычаты и гриматы на Омелька и похвалывся павить выгнаты ёго зъ курорта. Омелько задумався падъ своимъ становищемъ. Не те ёго клопотало, що у грудяхъ болыть: до цего винъ звыкъ зъ давныхъ давенъ,—ёму здавалося дывнымъ, що така дрибныця, якъ той кишъ, що вишъ перенись зъ воза, може ёму зашкодыты.

— Дило кепське... Вже колы и такой работы не можпо робыты, то решта... Прышла певне пора помураты.

Зпочатку лыщя на курорти зъявылася людына, зовсимъ не така, яки йиздять на кумысь. Нызенъкий, грубенъкий, зовсимъ

выголений панокъ, зъ велькымы очима, горбатымъ посомъ, у сынїй пиджачыни, що щильно облягала ёго станъ, та въ узенькыхъ штанцяхъ, та въ чоботяхъ зъ блискучымы халывками,— бигавъ по паркови, спышався на галывкахъ, мирявъ ихъ ступнямы и щось соби миркувавъ. У рукахъ у ёго бувъ прутыкъ, а на голови сывий велькый брыль, що зовсимъ не пидходило до ёго вдачы та зросту. У брыль винъ уткнувъ два павьячыхъ пера. Винъ бигавъ швидко, а балакавъ мишаною моврою—знаты було, що це бувъ чужынецъ. Де збиралася було громадка народу, винъ пидходывъ туды и говорывъ:

— О, у мене есть хорошїй собака, отличный козоль и отличная паъздница, миссъ Эмилиа, и отличный жеробка...

И публика знала, що на курорти буде комедїа. Але колы той венгеръ зверпувся зъ такою промовою до «керманша», то Омелько довго реготавъ, дывлячысь на ёго, и спытавъ, показуючы соби пальцемъ на лобъ:

— А чы тутечкы въ тебе що-небудъ йе? Ги?

— За то у мене тутъ есть,—видповивъ венгеръ, показуючы на кешеню, котра була у ёго ззаду.

— О, я бачу, що тамъ въ тебе бильшь розуму, якъ въ голови,—видказавъ зновъ Омелько.

Колы на другый день у паркъ зайихала велька хура, наладована всякымъ добромъ, зъ посередь якого выглядала морда цапа, барана, та маленького цикавенького песыка, котрого держала на рукахъ «миссъ Эмилиа», пидстаркувата нимкениа, у короткїй спидныци, звисывшы свои груби погы зъ полудрабкивъ,— Омелько зъ Гаврыломъ не выдержалы зъ цикавосты и, «загубывшы по двадцятци», пичлы за тою хурою на комедїю. Дывувалысь селяне, якъ той песыкъ перевертався, стрывавъ цапъ, маршыровавъ нидь музыку кинь. А Гаврыло разъ-у-разъ пытавъ у своего сусиды—«павищо це? Ну тай що жъ зъ того, що винъ перевернувся? Ну?»

А Омелькови стало якось прыкро за себе. Облычя ёго увесь той часъ якось кисло усмихалося, и винъ разъ-у-разъ оглядався на публику, бо боявся, чы нема кого зъ ёго села. Випъ

не знавъ-бы куды подити очн, колы-бъ якый ёго земгикъ — ну, хочь бы кумь Сыдирь, зъ котрымъ вишь звыкъ поважно балакаты — заставъ-бы ёго тутъ, на такій никчемній комедіи-дурпыци. Почувавъ вишь себе такъ, непаче робывъ-бы щось негарне.

— Невпе, що мій батько, и дидь, и прадиць не тратылы двадцятки, щобъ забачыты, якъ собака перекидыається... Вишь бачывъ середь глядачывъ багато курортной публицы, а найбильше паньскои челяди, що весело дывылась на тую комедію, и це тропкы розважало ёго. А побачывшы Ефендрика, котрый сыдывъ на паркани, нидигнувшы свои рябешкы ніжкы, и обганывъ комары своимъ прутыкомъ, навить зрадивъ Омелько.

— Далєби, це самый пайлищій фокусъ, — промовывъ вишь, показуючы на Ефендрика, котрый завзято плескавъ въ долони. — Вишь показує рижкы выкрутасы не згиршь цана.

Вертаючысь зъ комедіи, Омелько чухавъ потылицю и зъ серцемъ сплєвувавъ.

— Такъ ось чымъ паны забавляються! А трясця жъ вашій та не ридній! Не мають чого робиты! Кому кинь здався для хазяйства, а ёму для забавкы, щобъ черево та... показувавъ... А пань дывытся соби, то ще и гроши за те платыть! Ото!

Ще бильше здывувавъ Омелька паньскый смакъ, колы на другу недилю довелось ёму чуты, стоячы били дверей курзала, оперу, котру спивалы якись зайиздни артисты.

— Ото серденькы мои, — розказувавъ потимъ Омелько на «кермаши» про свои вражиння, — крычало вопы! Нехай Богъ боронить! Першь вона выйшла... та стала... ось такъ. — Омелько повернувся на вси боки, — ось такъ, якъ ця сосна (и вишь показавъ на блыжчу сосну), и почала ренетуваты. А потимъ прыйшовъ вишь, ставъ якъ ось... сосна (и показавъ на другу сосну) и почалы вже обоє тужыты задершы головы... Вишь то зовснимъ якъ пивень спивавъ, голосно такъ... Думаю, шо якъ бы такъ заспиваты въ Космачевы, то мусыть буты чутно ажъ до Збужа... А вона все квокче щось, та все ко-ко-ко... та до ёго горнытся, лыхома! И сорому їй нема... Ну, то потимъ поставылы лижко (перемина декорации) и дзыглыкъ, ось такъ, якъ цей дубокъ билъ

сосны... То багато пхъ тоди выйшло, поставалы, ось якъ ці корчи (и вишь показавъ на бльжчи куци)... Та все руки пидймають и на дыбки стають и пшы лаються. А одна-одписенька небога сыдыть соби била музыки, ось якъ цей пенёкъ, та все: трень-брень. трень-брень.. А потимъ ти, що мовчаль, — ось якъ мы сыдымо, — початы руками плескаты... Такого ляску паробылы, що хочъ зъ цілого Космачова выведы усихъ бабнвъ зъ працями на ричку, то такого не зроблять. О, куды!.. Отъ цотимъ взяли таі доховалыся соби за стипку. Але не надовго, бо передягнувшысь, зновъ выйшы и стали ренетуваты. А до чого то вопо? Хто ёго разбере. И грошенить, кажутъ, имъ чы мало платять за це, бо даремно, запевне, ништо такъ не стане голосыты... Ще бильше кенкуючы, дывывся Омелько на гимнастыку, кегель-башъ. крокетъ и взагали на все, що на думку здавалося дурпыцею, «панськымы фиглямы». Вже меньшь дывувавъ ёго ляуптепись, де перекидыалыся опукою черезъ барканъ, але не подобалысь ёму ти одежи: англійськи сорочки та шыроки поясы. Кегли тежъ на короткый часъ зацикавылы Омелька. Ёму самому навить захотилось «жбурнуты» кулю такъ, «щобъ все перекинулося». Але крокетъ вже ёму здавался зовсімъ чудернацькымъ. Впль не мигъ спокійно дывытыся на тихъ що гралы, особливо колы це булы поважни, груби паны.

— Оце товкачыкамы штговхаються, зовсімъ якъ ти маленьки диткы! Якъ бы тому товстому та даты цина, або косу, щобъ добре намахався, то певне, що за товкачыка не взявся бь... та не взявся...

И махнувшы рукою, вишь ишовъ дывытыся, якъ сыва кобыла круцяломъ воду пабирае зъ Горыця. Це ёго цикавыло бильше. Сившы пидъ дубомъ била круглого дашка, пидъ котрымъ копяка, вытягнувшы шыю и выгнувшы хребеть, повертала валь, Омелько уважно прыдывлявся до цей роботы. Хотя у цій роботы все було одностайне, одноманитне, проте Омелько умнивъ уважно прыштыты вси дрибныци ии.

— Эй, слухай!--звертався виць до поводаря, --онъ плее зйихала набикъ, поправъ... Повидъ дуже задовго прыввязавъ, чеможно

такъ .. Щось дуже коротко прив'язали постороньки... Пидсынь-по тутъ писку, щобъ легче було кобыли ходыты, а то дуже сухый грунтъ.

Обжывшысь на курортц, Омелько зовсимъ незалежно держався своихъ звичаивъ, хочъ вони не зовсимъ пидходьды до курортного жыття. Звычайемъ батька, дида и прадида Пацюкь, напрыкладъ, ни якъ не мигъ привычты себе корыстуватысь тымъ «мисцямь», безъ якихъ трудно обійтысь панамъ.

— Тутъ не можно!.. Тамъ отдѣленіе есть!—крычавъ на ёго сторожъ.

— Якъ тобі не можна, то тебе нихто, здається, не слыує. Мени добре и безъ «отдѣленія».

— Забирайтесь звидиль!—гпавъ Омелька сторожъ.

— Або що? Тебе завидьки беруть? Може ты збираєшъ та продаєшъ?—дынувався Омелько.—А почему берешъ за чвертку? и т. и.

Свои думкы вишь высловлявъ зовсимъ вильно, не вважаючи на те, колы и зъ кымъ вишь говорывъ.

При щоденній и тяжкій праці зпоконъ вику, розумъ и думкы Омелька непаче були сковани, прыгнобленія клопотамы. Тутъ на курортц ёго жыття стало зовсимъ инше: не було пійкои работы, багато зайвого часу, велика сыла пovýchъ вражинь. И допытливый, дотѣпный розумъ Омелька непаче прокышувся тутъ, розвернувся вильно и широко, якъ буває тая ричка, що выбѣтєся зъ-пидъ каминя, та грузу на шырокую долину. Завважывшы, що де-хто зъ панивъ, бувало, зачыпалы ёго розмовою, колы вишь ходывъ по кумысь, Омелько смилывійше почавъ звертатысь до пыхъ зъ рижнымы питааннямы. Курортни паны, що були вже вси знаѣми промижъ себе и вже одынь одному надокучылы, зъ пудьгы та печевья шукалы розмовы зъ селяныномъ, котрый чымъ дальше здавався имъ розумнійшый и цікавійшый.

— Омельку! Дывись, яка гарна папи иде...—показувалы ёму на яку-небудь поважну, чепурцу та франтовыту папу, сподиваючиьсь почуты яку прыкладку видъ него.

— А що вы думаете? Причепыты ій до хвоста полинне, хочь таке певельчке,—винь розводывь руки на аршынь, та пустыты въ некло, то вона-бъ всихъ чортывъ перелякала,—промовывь Омелько, звертаючы увагу на довгый шлейфъ панн.

— Ну, а ця?—показувалы Омелькови на другу папудрену паню.

— Ця въ млынн мабуць була... ій всю морду, бачь, борошнонь засыпало...

Писля третей пани винь пытавь, чого вона папилася, «що писля неи такъ дужке гарно пахне».

Про одну молоду паню, яку разъ-у-разъ шукавь іи десятилитній хлопчык, Омелько сказавь, «що ій тра було-бъ прыпнуты сынка до шыи такъ саме, якъ прычеплюють лошаць до кобыль... щобъ вона чула, що и въ неи сынъ е...

По скількы разывь прохалы Омелька розсказаты, якъ у пыхъ въ сели пань пысарь зъ судьямы судыть.

— До сто чортывъ розумный пысарь, пань Цыбульський! Не дарма у насъ вси люде кажуть, що винь у самого чорта за кума бувь... Эге... Бо якъ треба судытыся кому, то винь заразы спытае, чы тебе по закону судыты, чы по совисти? То доведы Боже сказаты по закону, —книця не буде суду: якъ достане одну кпыжку, то чытае довго, а достане другу—то ще довше чытае, а потимъ третю... и хутко-хутко такъ чытае, ничого никто не розбере. То вже судья скаже: а чы не краце-бъ судыты по совисти... Ну, то за совисть тра де-що даты панови пысареви.

Колы Омелька пыталы, чы полегшало ёму, виць видповидавь:

— А вже... хвалыты Бога... вже, не збрехавшы, па рубливь двадцять и пять полегшало. Добре такы чую, що полегшало...

VIII.

Одного разу прыйшовь на «кермангъ» Омелько зъ Ефендрикомъ и засталы тамъ своихъ товаришивь. Дмитро стоявь передь Гаврыломъ и, пагнувшысь надь нимъ, щось ёму говорывь; Гаврыло, сыдячы пидъ сосною, мастывь кумысомъ якусь ранку

на позн (бо вирывъ що кумысь помога видь усихъ хоробъ) и сперечався зъ Дмитромъ. Ефендрикъ сивъ пидь сосну.

— Скажы ты мени,—звернувся до ёго Омелько,—що ты робышь у свого папа, завищо ты грошы видь ёго берешъ?

— И скажите пожалуйста, какое недовѣріе... Мало-ли работы-сь? Можно сказать, завсегда работа найдется.

Ефендрикъ почавъ выщытуваты всяки свои работы и згадавъ якось про собаку, котру винъ мусывъ доглядаты.

— А цикаво-бъ знаты, що вартъ прогонуваты ту собаку тутечкы? на курорти?

— Имперьяль-сь! Пятнадцать рублей!—можно сказать, въ мѣсяць...

— Та не може буты! Въ одынь голосъ скрыкнулы Омелько зъ Гаврыломъ.—Отъ лыхо-ма, куды грошепята идуць! Кому добре на свити живется!

— Это собака особой алжирской породы-сь,—розказувавъ тымъ часомъ Ефендрикъ.—И не скажыте, чтобы дешево за неѣ дали. Стоить-сь около двухсотъ франковъ-сь. Можно сказать, настоящая собака изъ самой Алжіріи.

— А де та Алжірія?—спытавъ Гаврыло, скинчывшы паты-рання кумысомъ.

— За моремъ, въ теплой странѣ... Тамъ холодовъ, можно сказать, совѣмъ не бываетъ-сь. И куда не поѣдешъ тецерь по желѣзной дорогѣ, вездѣ, скажыте пожалуйста,—станціи, буфеты, начальники станцій.

Зъ пивъ годышы оповидавъ лакей про Алжірію. Чы слухалы ёго селяне, чы йнялы ёму виры, сказаты трудно. Але Омелько пидь кинецъ оповидаия зитхнувшы озався:

— Ты папы —зовсимъ якъ чорпогузы... де теплійше, то вишь туды и летыть; але все одно видь смерти не втечешъ.

— Прочытай-но намъ що небудь —звернувся вишь до Ефендрика —Ты намъ сѣгодня ничего не чытавъ.

Ефендрикъ не разъ чытавъ имъ, хоть селяне здебильшь ничего не розумилы зъ того, що вишь имъ чытавъ. И цей разъ, сившы на пень и добувшы зъ кешени старе чысло «Бир-

жевыхъ Вѣдомостей», вишь почавъ чытаты щось про «артыстычно-промыслови замиры министерства финансовъ».

Хочь селяне и не розумилы ничого, але слухалы уважно, зъ повагою. Не розумивъ и чытатъ того, що чытавъ, але ёму подобалася ёго роль, подобалось и те, що ёго такъ довго и уважно слухають.

Одынь зъ курортныхъ паннівъ, котрому Омелько дуже подобався, примитивныи таку цикавистъ селянъ до чытацкы, падумавъ зацикавиты ихъ книжкою и взявъ для початку «Сорчыньскый ярмарокъ» Гоголя. Але здывувався вишь дуже, колы ся кныжка не вподобалася селянамъ. Вони не тильки не сміялися, але навіть дыувалысь, навищо треба такъ онысуваты якыйсь ярмарокъ. А прыгоды червонои свытлы выкыкады у Омелька несподивано таку гадку.

— Це хтось добре пысавъ, та пысавшы, нѣ-зле певне и горилку смакувавъ, бо тверезый того не напыше...

Таке-жъ вражиния зробылы на ныхъ и инши оповидання Гоголя: «Риздвяна пичъ»,—«Майська пичъ». Де яки мисця зъ цыхъ оповиданъ селяне слухалы такъ, неначе робылы ласку чытачеви. А про сварку Ивана Ивановича зъ Иваномъ Ныкыфоровичемъ, зъ якоп Гаврыло дуже сміявся, Омелько, котрый тежъ трохи усмихався, просто такы сказавъ: «що це все брехня... а якъ и есть де така дурна свыня, то навищо про неи пысаты...

— Отъ прочытаны-бъ вы намъ де що про вйну яку, або про сотвореніе мыра, про землю та небо... и де якъ поводится въ другихъ краяхъ... Це цикавийше...—попросывъ Омелько.

Чыталы имъ и про свить Божый. Особливо Омелько слухавъ дуже уважно и до самого кинця. Колы жъ кашель дуже нападавъ ёго, вишь спынявъ рукою чытача. А выкашлявшысь, весь червоный, вишь вытеравъ кулакомъ слѣзы и просывъ чытаты дали.

— Отъ пехай же хочь передъ смертыю пизнаю, що то и якъ то воно...

И вишь затоплявъ свои очи у небо, про яке ёму чыталы.

— Та вы будете ще здорови—пробувавъ потишаты ёго пагъ, але, глянувши на спокійне, вельчне облычя Омелька, котрый хытавъ головою и усмихався тымъ усмихомъ, якый буває тильки у селянъ, розумивъ, ще потишаты ёго зайва ричъ.

— Э... де-вже!—казавъ Омелько, дывлячыся у землю.—Не одынъ Пацюкъ ще сюды не заглядавъ, а колы заглядавъ, то не на добро. Вже пане мынулося... Дякую Богу мылосердному, що хочъ передъ смертю сподобывся де що добренького почуваты... Дякуваты Богу за все.

ІХ.

Якъ почалась «косовиця» и за ричкою Горынемъ, чоловікъ зъ двадцять косаривъ, гарненько обходячы кущы-та корчы, выбывалы на-откиць густу траву (лито того року було мокро), Омелько вже не мигъ сыдиты на курорти. Сившы на лавочци на горбочку, звидкиля було выдно косовицю, Омелько не зводивъ очей зъ лугу. Винъ живъ вже тымъ жыттямъ, котре було тамъ па лузи, зъ розмовамы, писнямы, жартамы, до котрого винъ палежавъ зъ пупьяночку. На курорти винъ бувъ паче у неволи, и та неволя зкувала ёму груди.

— А дай же, Боже мылостывый, въ добреньку погоду траву зибраты,—шопотивъ винъ самъ до себе, думкою прыстаючы до роботы, паче-бъ трава косылась на ёго власнимъ лузи.

Пизнимъ вечеромъ, колы писля десятой годины на курорти все вгавало, Омелько довго стоявъ надъ ричкою и озыравъ лугъ.

— Гей, кобыла ходыть по покоси!—гукнувъ винъ зпенацька зъ усией сылы на весь курортъ. Винъ доглядивъ, що зъ сусиднёго пасовыська одна кобыла парейшла на покосы.

— А чого ты репетуешъ?—закрывавъ на ёго администраторъ курорта.—Та ты перелякаешъ усихъ... Чы ты здуривъ?

— Онъ дывиться, що робытся... кобыла перескочыла, а за нею...

— Не твое це дило... Иды спаты...

— Але якъ же то можно? Тажъ воны вытолочатъ усю траву, бо за нею перескочыть и друга, и третя и четверта... Имъ тильки дорогу дати... я вже знаю...

— Иды спаты, кажу тобі,—пгтовхаючы, потягъ Омелька сыломиць администраторъ. Але Омелько такы не пишовъ. Коли администраторъ пишовъ соби, Омелько знайшовъ другый куточокъ надъ ричкою, сивъ и задумався.

На лугъ билымъ серпанкомъ осидавъ туманъ и закрывавъ и покосы и кобыль. Вишь паче сунувся зъ лису и стельвся закутуючы все.

Омелько не бачывъ вже кобылы, що ходыла по лузи... Але вишь думавъ: чому се тутъ вси таки байдужи до чужои шкоды. У шыхъ въ Космачеви завжде одынь одного зповищае про шкоду, якъ побачыть, а якъ застануть коней або свышей на покоси, то буває тоди таке що й годи.

Далеко пидъ лисомъ ясно горило багаття, а зъ другого боку хтось вертався зъ «тартака» (зъ лисопыльни), спиваючы псню: «Молодой чумаче, чого зажурывся»... Здоровый, молодой голосъ лунавъ далеко, сыльно.

«Чы воны пропа-а-лы?

Чы зъ дороги збывся?»

—пестось, лунало надъ лугомъ. Голосъ добигавъ до лиса и вертався, лышувъ до курорта, мовъ-бы зъ бочки.

— Отже-жъ и спивае, собачый сыпъ! Колысь то и я не згиришь спивавъ.—Довго слухавъ Омелько знаему псню, потимъ оглянувшысь навкругы, чы нема кого, не выдержавъ и заспивавъ... але на другому виршови здушывъ ёго кашель... «Э... вже... не до спививъ»—махнувъ вишь рукою и пишовъ—

— Воны не пропаты.

Зъ дороги не збывся,

Того-жъ зажурывся.

Що не оженився...

—спивавъ спивагъ. «Отже-жъ ёго и розбирае»... Ще разъ спынявся дядько. Въ цимъ голоси и знаёмому спиви згадалась ёму ёго власна молодисть. Тамъ далеко була вопа десь у тумани «Жыття—якъ та хмара», промовывъ Омелько свою любиму думку.

Другого разу, оглядаючы лугъ, Омелько наробывъ великого репету зъ того прыводу, що кобыла, у котрой до шны було прыпнуте на оркани лоша, запутала повідъ за пепёкъ, звалыла лоша и воно задрыгало ногамы.—

— Гей рятуйте, бо лоша задушытсѧ!

Здавалося, що винъ ось-ось скочыть и переплыве у плавы ричку, щобъ вырятуваты видъ смерти те лоша.

Ще погы горнули сипо у копыци, Омелько дывывся на те спокійно, але колы напроты курорта почалы стягаты воламы копыци и класты стижокъ, Омелько не мигъ всыдиты и здержатысь, бо здалося ему, що стижокъ закладають не такъ, якъ слидъ, и черезъ те одынъ куть выходыть кривый.

— Воны не бачать! Прысяжи не бачать... бо здалеку лишне видпо... Це не по-хазяйськи! Подывитсѧ, що воны роблять?— звертався винъ до всякого. Але ниhto не мигъ его зрозумиты.

Якый часъ винъ махавъ рукамы въ тій падіи, що громадыльныкы зрозуміють свою помылку, погы ще часъ. Але ниhto зъ нихъ не дывывся на Омелька; тоди винъ зъ Гаврыломъ спустывся у нызъ, до перевозу.

Черезъ пивгодышы воны вже орудовалы коло стижка, а позаякъ зъ краю пеба пасувалась хмара и треба було поснишаты, то воны обое взялысь до работы. Якъ наставъ часъ полудноваты, воны пропустылы по чарци и закусылы огиркомъ.

— Оце, лыхома, хочъ згадаешъ, що колысь настоящимъ чоловікомъ бувъ!

Про кумысь вопы забулы.

Скипчылась косовыця. На лузи стало безлюдно; лышь стоявъ ривный, гарный стижокъ, загороженный жердкамы, а кругъ его блукалы, неначе сонни, кобылы, що ставалы чымъ разъ худійши,

бо паша не була вже така достатпа та сытна, а доилы ихъ якъ и ранійшъ.

— Що то теперенькы вдома робытся?—думавъ Омелько.— Чы въ пору зибралы сипо? Певне вже ячминь покосылы.

Журба чымъ разъ частійше гптыла его душу, чымъ разъ яснійше почувавъ винъ, що теперь винъ потрібный вдома... Тамъ теперь горяча пора. Все працюють черезъ сылу, а винъ байдкуе.. И пишовъ бы винъ дорогою душею, та за кумысь грошы были виддани. Шкода грошей...

X.

Бувъ вечеръ пиць Илью. Для такой поры той вечеръ бувъ якыйсь дывный, незвычайный. Але, кажутъ люде, таки несподиванкы въ С. бувають часто, бо навкругы розлигся тамъ безмежный, виковичный биръ. Сонце пекло цилый день и стояло ще надъ лисомъ, а зъ-за ричкы потягло вже холодомъ. Смугамы насувався зъ бору туманъ... Винъ неначе чекавъ заходу сонця. Ти смугы, пасуваючысь, затоплялы все. Лышь де-не-де зъ того моря туману выглядалы верхы деревъ на лузи, а густый лисъ черною смугою выдався навкругы, мовъ бы берегъ того моря. Въ долинкахъ та яркахъ та хмара туману була густійша, а на горбочкахъ, де выще, проглядала земля, мовъ бы борючысь зъ туманомъ. Сонце сидало ныкче, а туманъ лягавъ чымъ разъ выще, и незабаромъ червоный промьнь сонця мыготивъ лышь на верхахъ деревъ; пробывшысь кризь туманъ.

— Сонейко на Илью грае,—сказавъ Омелько, котрый стоявъ педалеко одъ громадки панивъ, що глядила на се выдовыско.

— Незвычайпе зъявысько у лыпци,—казавъ ликаръ, якый бильшь другихъ щкавився сухистью курорта.—Видколы живу такого не бачывъ.

— Все це теперь звертають на выбухы на Мартыныци... Що воно справди таке?

— Буде завтра дощ,—спокійно сказавъ Омелько, пеначе видповидаючи на ци пытання.—Це часто буває. Часамы въ Космачевихъ...

— Але барометръ показувавъ більшь на ясну погоду. Таѣ теперъ небо зовсимъ чисте.

— Мусить бути на Илью дощ,—уперся такы Омелько. Увесь другый день зновъ була спека и погода тыха; здавалось Омелько бувъ помылывся.

У вечери того дня въ курзали грала музыка весело, тацювалы молоди панянки та панычи, якы найхалы зъ сусиднихъ мистечокъ. Хворымъ танцоваты не дозволялося. На дорижкахъ, що велы до курзалу, зибралыся люде слухать музыку и часомъ пидъ тактъ ип яка чорнобрыва дивчына втынала гопака зъ парубкомъ, помы администраторъ не прыходывъ ихъ выгониты. Дядько Омелько стоявъ пидъ викномъ и дывывся у залу. Гралы мазура. Жваво проносилась пара за парою, а лыця ихъ палалы тымъ запаломъ, якый буває у полякывъ, колы воны тацюють свій національный тапець,

— Гужа! Гужа!—прывовлявъ Омелько поглядаючи на пыхъ.

— Чого це ты гужаешъ?

— Бо то справди скачуть, якъ ти козы, колы пацькуешъ ихъ въ городи собакамы. Де-котра то павить и головою ось такъ точнисенько зробить. Та я не знавъ до цен поры, де воны такъ навчылыся скакаты.

Тымъ часомъ несподиванно насувалась зъ заходу чорна хмара, подаючи про себе звистку далекомы блискавкамы... За высокымъ лисомъ ии не примичалы, и лышь колы въ разъ зъ барабаномъ музыки загуркотивъ гримъ и зашумилы сосны своимы верхамы, де-яки глянувшы у гору, промовылы: «а буде дощъ».

Публика зъ саду повтикала на веранду зъ галеріи. На одній галеріи въ юрби стоялы Омелько та Гаврыло, зкихъ гроза не злякала и не здывувала—«на Илью завше дощъ буває»....

Хуртовына збиралась чымъ разъ гризнійша. Зоряне небо заволоклося чорнымъ покровомъ. Паркъ стогнавъ. Гулы и трищалы сосны, пеначе тамъ десь на верхахъ велася люта бытва.

Соснови шпыкы сыпалысь ясно и торохкалы по залізныхъ покривляхъ курорта. Незабаромъ побиглы стругы воды по стежкахъ. Биля схидцивъ галеріи вмыть зибралыся калюжи воды, котри полыскували яснымъ свитомъ видъ блискавки. Слинуча блискавка на одну мыть осялювала паркъ такъ ясно, що можно було розглядити всяку дрибныцю, але заразы такы наставала така темрява, що годи було побачыть що небудь на пару ступнивь.

А музыкы гралы свое...

Вразъ сыльный гримъ и блискавка вдарылы десь дуже недалеко видъ курзала такъ, ажъ вси стрепенулыся, хто стоявъ на галеріи.

Забренилы шпыкы, здригнулысь стины легенькою деревяною будивли. Шахнулысь павить здорови, а де-якихъ хворыхъ мусылы завесты по ихъ померахъ.

— Все пары разомъ!—лунало тымъ часомъ зъ залу, де, не вважалоуны ни на що, танцовалы мазура своимъ чыномъ.

— Але доброго мазура втынае сёгодня и пророкъ Ілія!—сказавъ, выходячы зъ залу явкысь франтъ у фраци и билыхъ рукавыцяхъ

— Справжня mazourka générale...—додавъ другый франтъ, вытыраючы хусточкою мокре чоло.

— А знаете—промовывъ докторъ, лысый дидокъ, що вернувся видъ слабыхъ—колы-бъ ся штука (винъ показавъ на небо) вдарыла въ писъ, то я думаю бувъ бы пезыть. Хе, хе.

И выстукуючы ногою такъ о помистъ курзала, винъ весело засипавъ:

Николай!

Подавай

Съ ромомъ чай.

А потомъ—

Одинъ ромъ...

А гримъ гуркотивъ на неби. Омелько дывывсь кризь викло на танцюривъ, на тыхъ, шо гулялы въ другій бимнати на биліарди.

въ карты, и дывувався. Въ Космачевѣ, Горынь-Городи, въ Степанѣ и скризь, де випъ досѣ бувъ, пры такій прыгоди люде хрестылысь и промовлялы молитвы. Ёму стало дуже тяжко, такъ тяжко, що винъ, повагавшысь яку хвылыну, сипнувъ Гаврыла за рукавъ и, задершы свытку на голову, почемчыкувавъ зъ нымъ до дому черезъ паркъ, не вважаючи на дощъ, котрый почавъ потроху вгаваты. Здавалося имъ, що Богъ такого не вытерпыть, и тутъ, конче, щось не добре станеться. Хиба може пророкъ Ілія такого не покараты? Почувалы вони себе тамъ на галеріи такъ, якъ той, хто уперше пидіймається на аэростати: ёму все здається, що аэростать заразъ лусне...

— Оце-е!—казавъ Омелько, переплыгуючы черезъ калюжы.

— Эге-е!...—згожувався Гаврыло, поспішаючи за нымъ.

Такъ розмовляючи, дійшы вони до дому.

На другый день спека була ще бильша. Душно було незвычайно. Лисове повітря та теплий паръ пилія злывы, ще побильшувалы ту духоту. Бажалось-бы прорубаты просікою той лисъ, щобъ пустыты свижого повітря, витерцю, щобъ зрушыты ту нерухому духоту. А вона дуже вадыла хворымъ.

— Чы ты чуешъ, Омельку, якъ въ мене цташки ось тутъ щось спивають,—казавъ Гаврыло, зустрившы Омелька. Винъ показавъ на свои груди, и справди у грудяхъ ёго дуже хрыпило.

— Оце зовсимъ я застудився, якъ вчора ишовъ...

Билія полудня почало хрыпыты дужче. Гаврыло не вважавъ на те и кепкувавъ самъ зъ себе.

— Це зовсимъ въ моихъ грудяхъ, якъ те трень-брень, що вчора гралы.

Лышь надъ вечиръ, якъ стало зовсимъ важко дыхаты, Гаврыло взявъ пивъ-рубля и пишовъ до дохтора про всякъ случай,—що то випъ скаже?

Дохторы здывувалысь, ажъ руками розвелы, якъ облухалы Гаврыла. Гаврыло вразъ зблidy и увесь затремивъ. Випъ не сподивався, що *це* настане такъ швидко.

— А я думавъ... та якъ же?... на чужій сторонѣ... не може бути... а диткы? Не хочу, ни!... Богъ мылосердный....

Дохторы своимъ звычаемъ не сказали ёму всю правду, але Гаврыло по очахъ ихъ побачывъ, що зъ нимъ сталося щось дуже недобре. Неспокійни очи ёго перебігали на вси стороны и дывылись вони по той бикъ людського жыття. На чоли выступывъ пить и великымы капкамы збигавъ по лыцю.

— Чому вони, дохторы, не взяли въ мене пивъ-рубля?—зъ тревогою пытавъ Гаврыло Омелька, спыраючысь на ёго руку.

Омелько ничего не мигъ сказаты. Гаврыло намагався всими сылами боротысь зъ тымъ лыхомъ, яке ёму грозыло. Якъ-бы трапылось таке лыхо зъ нимъ вдома, винъ не такъ журывся-бы.

Хрыпы не вгавали. На другый день хрыпило дужче, ще й клетотило у грудяхъ бідного Гаврыла, и винъ надумався иты до знахоркы. Ёму сказали, що недалечко, версть скилька, жыве баба, яка распознае чужу хворобу, якъ свои гладышкы. Гаврыло збирався до неи, а видъ неи думавъ иты до-дому, але тымъ часомъ несподывано вмеръ, нагнувшысь надъ клуночкомъ свого добра.

Омелько сердечно заклопотався похорономъ свого прытеля. Чому-сь здалося ёму, що милліонеръ повиненъ дати чымалу суму на похоронъ бідного чоловіка. Винъ смѣливо прыступывъ до багатыря, колы той задумавшысь сыдивъ на лавци, покурюючы грубу сыгару, и почавъ такъ:

— Тутъ, проше пана, чоловікъ одынъ вже вмеръ, царство ёму небесне...

Багатырь зтрусывъ попилъ зъ сыгары и обернувся до Омелька...

— То якъ буде ваша ласка. Може-бъ...

Багатырь кывнувъ рукою, щобъ Омелько ишовъ дали своєю дорогою.

— Може-бъ вы де-що дали,—настырлыво мовывъ Омелько, паче не помичаючы того.

Папъ зновъ махнувъ рукою и до того ще кывнувъ головою.

— Прошу папа мылосердного... тожъ вы, я чувъ, що... ваша одна собака вживае що мисяця на пятнадцять карбованцивъ! Прошу папа...

— Про-хо-ди...—промовивъ багачъ своїмы обвыслымы губамы и одвернувся.

Може винъ и давъ-бы що, та не хотилось ёму ворухнутись; калытка ёго лежала у кешени, а вишь такъ добре усився, щобъ слухать музыкъ.

Безголосый Дмитро доглядавъ, щобъ справлени булы коло помершого вси хрыстьянськи звычай. У Гаврыла не було чыстой сорочки, то Дмитро віддавъ свою зовсімъ нову. А колы покійшыка покламы вже на лави, вишь увесь вечиръ шыивъ надъ пымъ по складахъ псалтырь, спыняючысь лышь на хвылыну, щобъ поправыты свичку. Чытаючы, винъ видганявъ зъ покійшого мухъ.

А Омелько, зигнувшысь у дугу и голову взявши у руки, сьдввъ въ ногахъ и думавъ свою думу: «Жыття—якъ та хмара»...

XI.

Поховавши Гаврыла, Омелько ходивъ самъ не свій. Вишь дождываеся кинця кумысового курсу, щобъ забратись зъ курорта. А курсъ той считается 150 пшышокъ. Нищо вже ёго не могло розважыты. Ефендрика винъ называвъ не инакше, якъ «панськый нидстырачъ» и хочъ просивъ ёго чытаты, але часто говорывъ:

— Ты сёгодня щось чытаешъ—мекаешъ, якъ та жывивсьба коза, що въ осени въ понивськый городъ зайшла.

Хочъ винъ и поправывся добре видъ того кумысу, але нищо не могло розважыты ёго пудыгу та неснокій, яки обгорталы ёго думу що день дужче. Часто згадувавъ своихъ, свою хату, хазяйство, всяку роботу. До того ще й Дмитро выйхавъ зъ курорта.

— Що тамъ такє?—поспинавъ администраторъ у кутокъ ларка, зъ якого чувся пезвычайный снівъ захрыплого голоса.

Винь ажъ сплеснувь рукамы, побачывшы у кутку въ куцахъ видъ тыномъ пьяного Омелька на земли. Кумыснй пляшкы лежалы коло пёго, але бияя пыхъ администраторъ побачывъ чвертку монополи. Шматкы хлеба, огиркывъ, редкы показувалы, що Омелько давно вже бешкетуе.

— А якъ-ся маете папе!—весело привитавь Омелько администратора, идводячысь трохы и спыраючысь спыною до тына. Голова ёго хылылась па бикъ. Очи блищалы. Вся ёго постать выявляла радистъ та жвавистъ.

— А пся-лайдакъ! Такъ це ты такъ?

Але на це Омелько заспывавъ своимъ хрылымъ голосомъ:

— Та нема гиршъ никому;

Якъ тій сыротыни.

Нихто не прыгорне

У лыхій годыни ..

— Такъ не ты... сміешъ? Що то тутъ за писни?

— А що? не вподобалося—промовывъ Омелько, поводячы павкругы пьянымы очыма.—То може ця?

— Больть въ мене серце.

Больть голова,

Хотивъ бы я монополькы,

Та чортъ ии ма.

— Геть звидсиль! Ты такъ, паршывецъ, пьешъ кумысь!—ажъ кышивъ администраторъ.

— Эге, прошу пана, кумысь! О, це кумысь! Хо, хо—трясучы порожнею пляшкою видъ горилкы, реготавь Омелько.—Цо такый кумысь, що не тильки ядуху, а и всяку хворобу выличыть. «Не пры-го-о-рне у лыхій годыни»,—пепевнымъ языкомъ белькотавь Омелько писню.

Зибралася публика. Администраторъ поклыкавь стороживъ и звеливъ вывести пьяного геть зъ курорта.

— И самъ пиду! Не треба. Прощайте панове!—ледве стоячы на ногахъ, кланявся Омелько на вси стороны.—Простить, Хрыста рады. Але все одно помыратъ. Що я пывъ, що я не пывъ—все одно. Вси, вси дубомъ станемо... геть!

Винъ розмахнувъ рукою, ажъ похытнувся. Его пиддержалы сторожы и вывели на улыцю.

— Гаврыло, го-овъ! Де ты?—крычавъ Омелько, хытаючысь межъ двохъ стороживъ.

Выкнутый по-за курортъ, Омелько ще спивавъ який часъ, а потимъ впавъ на выгопи и заснувъ. На счастья погода була гарна. Повзъ ёго проходили юрбы людей. Де-яки дывылыся, спочувалы ёму; други, спынывшыся, думалы: добре було-бъ перенести ёго хочъ у холодокъ...—Але ниhto ничего не зробивъ.

Прокынувшысь у вечори зъ тяжкою головою, Омелько озырався на вси боки и довго не мигъ опамьятаться, де винъ и що зъ нимъ діється? Але побачывшы бияя себе свою свытку, гамакъ и торбу, винъ зрозумивъ, що всяки дила зъ курортомъ вже покинчени. Винъ задумався.

— Та вже-жъ певне и нашому Омелькови тежъ хутко кинецъ. Дяка Богу за все. Пиду до дитокъ.—Голова ёго спускалась чымъ разъ ныжче на груди.

Сонце заходило и заливало червонымъ свитломъ огорожу. Подыхнувъ холодный витерець, сповищаючы захидъ сонця. Омелько схопывся за груди и закашлявся. Ёго зокололо мижъ лопатками и у грудяхъ захрыпило.

— Ниhto не прыго-о-орце
У лыхій годыни!

Богданъ Степаецъ.

м. Славута р. 1902.

Поэзія Н. О. Чернявскаго.

Недавно въ Кіевѣ вышла изящно изданная книжечка въ 276 страницъ, съ стихотвореніями на малорусскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Зори». Авторъ, Н. О. Чернявскій, уроженецъ бахмутскаго уѣзда екатеринославской губ., питомецъ Донца и степи, которой посвящено много прочувствованныхъ строкъ:

А ты, мій Донче, вирный друже,
Мій любый брате, за тобою
Невтишно сердце й доси туже
Старою давнею журбою...
Ты льешся тихо мижъ лисамы
Крыштално-срибною лукою
И горы били зъ небесамы
Глядятъ, любуются тобою.

Всѣхъ стихотвореній 164. Содержаніе довольно разнообразное—внѣшняя природа, тревоженія человѣческаго сердца, сужденія о поэтѣ и поэзіи, два-три случайныхъ историческихъ мотива. Въ книгѣ, кромѣ языка, нѣтъ ничего такого, что объединяло бы стихотворенія. Нѣтъ никакой тенденціозности; но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ и отчетливо выраженного, опредѣленного міровоззрѣнія. Общее впечатлѣніе въ пользу автора, въ силу общаго гуманистическаго настроенія всей его поэзіи.

У г. Черпявскаго есть излюбленные мотивы. Такъ, около 15 ст. посвящено степямъ, съ десятокъ отдано описанію ночи, и почти въ десяти стихотвореніяхъ описано море. Встрѣчается затѣмъ по нѣскольکو стихотвореній о веснѣ, объ осени, о долѣ, о лѣсахъ и садахъ. Въ особенноти много стихотвореній посвящено опредѣленію значенія поэта и поэзіи (до 20 №№) и описанію звѣздъ и вліянія звѣздного неба на душу. Нужно отдать автору справедливость, у него нѣтъ повтореній или перепѣвовъ, и каждое стихотвореніе производитъ впечатлѣніе самостоятельнаго.

Изъ стихотвореній о степяхъ по художественности выдаются обрисовки степи въ почное время. Хорошо, напр., изображеніе молитвеннаго состоянія степи ночью въ стихотвореніи

«Смутно сляютъ въ неби зори»...

Недурно обрисованъ костеръ въ степи ночью въ «Степови огни»:

Далеко геть горыть одынь
 Въ ночи огонь въ степу глухому:
 Вечерю варе селяпынь;
 Чы то чумаць, йдучы до-дому
 Зъ вагою зъ Доу, почувать
 Въ толоци ставъ окрай дорогы;
 Чы цыгань, степу сынъ убогы,
 Роздувъ багатте,—не дизнать.
 А ничъ стоять сумна, понура,
 На неби хмарь покривли хмура
 Павысла пызько, и зъ-за пыхъ
 Зирокъ не видно золотыхъ.

Въ другомъ стихотвореніи ярко изображена спаленная солнцемъ степь, безъ лѣсу, безъ рѣки, степь, просыпающаяся только...

Колы, бува, зъ громамы
 Зъ моря хмары налетять,
 Степъ охрестять блискавками,
 Надъ ланами прогремлять...

Степь сродни поэту, что ярко выражено въ ст. «Стрибожи внуки» (вѣтры)

Не боюсь васъ, легкокрыли,
 Не страшни ніякъ мени
 Ваши гуки, ваши стрилы,—
 Бо я самъ богамъ зъ ридни...
 Я сынъ Темрявы и Свиту...
 Тильки крыль нема мени,
 Щобъ у грудяхъ искру скриту
 Въ ваши кнуты огни...

Какъ поэтъ степи, г. Чернявскій идетъ рука объ руку съ Никитинымъ, Кольцовымъ, А. Майковымъ, мало уступая имъ въ яркости красокъ или въ силѣ выраженія.

Хорошія стороны поэзіи г. Чернявскаго—серіозность міросозерцанія и оригинальные приемы творчества. Подобно В. Гюго, г. Чернявскій въ «Де ты, о Боже», выразилъ образно ту мысль, что Богъ открывается въ природѣ.

Въ ст. «Пытанія» мысль поэта обращается поочередно къ солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ, тучамъ съ вопросами, и вездѣ она

Правды свитовои
 Зерпята збирае,
 Всюды ихъ збирае
 На корысть родыны...

Не менѣе оригинально по формѣ и болѣе ясно по содержанию небольшое ст. «На крылахъ». Поэтъ мчится на крыльяхъ по Украинѣ и ищетъ свѣта.

Темно въ палацахъ у панства старого

 Панство славутне у склепахъ дримае,
 Снадкы жъ ихъ славы онукъ прожывае...

 Темно у бидній мужичій хатыни...

потому что «свиту не знали николи си люде»—дѣды умирали въ nevoли, отцы выросли въ бѣдности, а сыновей ихъ тяжело гнететь тьма невѣжества.

Есть много стихотвореній о звѣздахъ, о морѣ, большей частью удачныхъ. Въ видѣ примѣра ограничимся однимъ «Тыхо гойдаются», въ которомъ соединены оба излюбленныхъ авторомъ мотива, море и звѣзды.

Тыхо гойдаются въ сынѣму мори
 Искоркы-зори,
 Нибы купається въ хвыли блискучій
 Рій ихъ летючій,
 Скели здіймаються, ще неостыли,
 Темни, похыли.
 Въ чорнимъ межгирья десь свитло палає
 И погасає.
 Чуєте писню въ тыхому мори,
 Въ сынимъ простори?...
 Слухайте, ось вона зновъ обизвалась
 И увирвалась.
 Човепъ малюється въ мори на хвыли
 Геть за пив-мыли.
 Хто, безталапный, тамъ хоче вловыты
 Долно у сити?...
 Тыхо купаються въ сынѣму мори
 Искоркы-зори;
 Тыхо гойдається пина тамъ нижна,
 Вся билоснижна.
 Писня далекая ледве лунає,
 Мовъ замирає...
 Дай ёму, Господы, въ ничь сю вродлыву
 Долно щаслыву!...

Тутъ есть прелесть, почти непереводаемая на другой языкъ; звукамъ малорусской рѣчи придана такая мелодія, которая не отдѣлима отъ содержания, и все это скрашено гуманнымъ заключи-

тѣльнымъ аккордомъ. Поэтъ желаетъ счастья неизвѣстному гѣвцу въ лодкѣ на морѣ, исходя изъ предположенія, что гѣвецъ этотъ ищетъ въ морѣ долю. Рыбакъ ли это, или не рыбакъ—не важно. Важно, что одно человѣческое сердце звучитъ гдѣ-то въ сипемъ морѣ, а другое человѣческое сердце отзывается къ нему любовью, лучшими пожеланіями; важно то симпатичное и альтруистическое чувство, которымъ проникнуто стихотвореніе, и въ которомъ въ сущности и заключается все достоинство поэтического воздѣйствія.

Звѣздная ночь вообще пробуждаетъ въ душѣ поэта горячее и широкое чувство любви къ ближнимъ. Такъ въ ст. «Зоряна ничъ» поэтъ говорить;

Та въ сю ничъ дывлюсь я смילו
 На людей и на жыття:
 Можна скрызъ робыты дило,
 А не гынуть безъ пуття.
 Найбиднійша, темна доля
 Краще смерти...

Насколько поэзія г. Чернявскаго разнообразна по содержанию, настроенію и отраженію его въ формѣ, можно убѣдиться, сравнивъ, напр., стихотвореніе о веснѣ съ стихотвореніемъ объ осени. Первое, какъ маленькое, приведемъ въ цѣлости, второе въ отрывкѣ.

Каже все, що быть весни:
 И глыбоки, и ясни
 Зводы неба, и нигде
 Теплый витерь не веде
 Сніговыхъ холодныхъ хмарь.
 Узялася десь одна—
 И розвіялася вона,
 Якъ летючий билий парь
 И весела, и ясна...
 Ни, сѣгодня вже весна!

Картинка природы схвачена на лету, и субъективное отъ нея впечатлѣніе прочно закрѣплено. У кого въ душѣ затуманились эти весеннія облака, веселыя и ясныя, поэтъ ихъ возстановить; онъ напомнить милые и радостныя образы.

Отъ этой весенней картины сильно отличается «Сильска осінь»:

Мынуло лито золоте:
 Холодне небо вкрылы хмары,
 И темпосызи ихъ отары
 На пивничъ витерь десь веде.
 Въ тумани сонечко зиходе,
 У мли у вечери згаса...
 Гудуть щипы ще де у кого,
 Изъ клунь иде солодкый пахъ
 Соломы й зерна золотого,
 Що затаилось по снопахъ.
 И день, и ничъ шумыть-гуркоче
 На ричци млынъ, и тихый ставъ
 Воды у щерь соби набравъ;
 Налывсь—мовъ греблю рваты хоче,
 Щобъ скрызъ по лукахъ за селомъ
 Жывымъ розлытыся срибломъ...

.

Общественное настроеніе поэта проникнуто гуманностью:

Не ворогъ правды я й закопамъ,—
 Я правды прагну и просю,
 Щобъ легче дыхать всимъ було намъ,
 У тимъ и правду бачу всю.
 И хай звещыть мій спивъ журлывый,
 Якъ дзвинъ вартовый у-ночи,
 Якъ голосъ брата незрадывый,
 Бративъ до свиту зовучы.

Въ другомъ мѣстѣ поэтъ говорить, что

У кожного неба и сонце свое,
А спильный ключъ правды засохъ и не бье...

Поэта возмущаютъ сплетни, мелочность, лѣнь и апатія; онъ обращается къ Богу съ такимъ молитвеннымъ воззваніемъ:

О, Боже, Ты
Слаби пиддержуй наши сылы
И поможы намъ донесты
Любови свить у ти хаты,
Братамъ у питьми тамъ сыдячымъ,
Прыгриты серцемъ ихъ гарячымъ,
Щобъ зерно правды изійшло
И добре симья прынесло!..

Поэзіи поставлена такая гуманная задача:

О, писне блаженна, о писне крылата,
Леты надъ землею, дзвены и зовы
До свиту, до сонця изъ темрявы брата,
Надію у серци ёму оживы!

Теплымъ чувствомъ челоуѣколюбія и прощенія согрѣты стих. «Ихъ двое зійшлося»..., «До ночи», «Не полемъ чыстымъ», «На ридній нывѣ», «Голодни».

Превосходно по народному колориту, нѣжности чувства и мелодичности стихотвореніе:

Ой помалу, мій мылесенькій,
Тыхше грай,
Мени серця молодесенькій
Не вражай.
Бо зелена въ гаи лыпочка,
Та сумна,
Ще сумнійша въ тебе скрыпочка
Голосна:

Якъ заграешъ потыхесеньку—
 Серце мре,
 А мене всю молодесеньку
 Сумъ бере.
 Якъ заграешъ веселесенько—
 Пнемъ стою,
 Осмихнешся самъ тыхесенько—
 Слѣзы лью.
 Ой не грай же, чаривныченьку,
 Ты мени.
 Не палы мене, мовъ свиченьку,
 На огни:
 Яснымъ зорямъ не приказано
 Въ день свитыть.
 А тоби й мени заказано
 Вкупи жыть.

Первые строки и отчасти послѣдующее содержаніе внушены народнымъ стихомъ въ сказкахъ про волшебную свирѣль. Содержаніе этой сказки извѣстно. Дѣвушка-падчерица, убитая злой мачехой, обратилась въ липу: братъ вырѣзалъ сопилочку, и сопилочка рассказала ему о преступленіи,—художественный мотивъ, распространенный у многихъ народовъ (въ Россіи, Германіи, у западныхъ и южныхъ славянъ и др.). Въ сборникахъ малорусскихъ сказокъ (Чубинскаго, Рудченка и др.) два брата разумныхъ убиваютъ третьяго меньшаго, дурня. На его могилкѣ выросло дерево (черешня, липа и др.). Изъ этого дерева братья убитаго сдѣлали свирѣль, которая и запѣла:

Помалу-малу, братику грай,
 Не вразы мого серденька вкрай.
 Ты жъ мене вбывъ, у землю зарывъ,
 За того вепрыка, що въ саду рывъ.

Малорусскій языкъ очень богатъ плѣнительными именами, что выразилось въ народной словесности, что неоднократно отмѣ-

чали люди науки (напр., проф. Метлинскій въ предисловіи къ «Думкамъ»). Этой особенностью языка искусно воспользовался г. Чернявскій: «скрыпонька», «чаривныченьку» и пр.

Одно изъ самыхъ крупныхъ достоинствъ поэзіи г. Чернявскаго состоитъ въ яркой образности. Поэтъ въ немногихъ выпуклыхъ чертахъ достигаетъ стройнаго и яснаго выраженія явленій природы и народнаго быта. Такова, напр., прекрасная картина села въ лунную ночь въ ст. «Село затыхло», картина осенней природы въ «Осинь», изображеніе тули и дождя въ «Хмары», лѣтней жары въ «Спека», хлѣбнаго поля въ «Урожай». Какъ авторъ свободно и мастерски владѣетъ малорусскимъ стихомъ, видно, напр., изъ обрисовки змѣи въ «Спека». Поэтъ въ жаркій лѣтній день легъ въ тѣни отдохнуть;

Дивлюсь и бачу, що хыстку
Траву хытае щось помалу.
Чы не гадюка то?.. Вона!
Повзе до стежки, порына
Въ дрибній травѣ, склызка, моторна,
И залягла на стежци чорна.
Перевернулася уся,
На сонци черевомъ засяла,
Зибралась зновъ и засычала,
Якъ молоде мале гуся.
А потимъ стыхла, розвылася
И по дорижци простяглася.
Прытыхла вража, и лежить,
И сонця свить на ії дрижитьь.
Лежу и я. Нема охоты
Ги злякаты. Хай лежить!
И гадь бажа на свити жыть,
Побуты часъ безъ той турботы...

Въ заслугу поэта пужло поставить свободное и непринужденное обращеніе со стихомъ и искренность настроенія — не вездѣ, но въ большинствѣ стиховъ. Такъ, одно изъ лучшихъ

произведеній «Вечерни мрії» прямо починаються такимъ образомъ:

Я вийшовъ въ степь. Санна дорога.
 Уже накочена, склызка... И одыноко
 Иду я. Сонце ще горить
 На неби чыстому ясному,
 И степь въ убори сніговому,
 Мовь у кришталяхъ гра-блыщыть.
 Иду неслышною ходою,
 И очи мане далечинь...

По внѣшней формѣ есть стихи длинные и тягучіе, напр. «Після бури».

Море ще довго не спало и тихо въ ночи хвлювалось
 Зъ шумомъ ритмычно-журлывымъ скаржучысь скелямъ
 холоднымъ,

и тутъ же рядомъ идутъ стихи сжатые, краткострочные, напр.

Весняный ранокъ...
 Роса скризь сѣе
 И мла лощыны
 Оповивае.
 Туманъ поважно
 Сплывае вгору...
 Десь чуты—дятель
 Довбае кору...

При несомнѣнныхъ крупныхъ достоинствахъ, въ произведеніяхъ г. Чернявскаго есть и недочеты.

Въ однихъ произведеніяхъ поэтъ вдается въ оптимизмъ, въ другихъ—въ пессимизмъ, не всегда мотивированные; въ результатъ получается неопредѣленность міросозерцанія и случайный характеръ настроенія. Такъ, пессимистичны: «Дывлюся навколо», «Пісня ночи», «У мряци», «Шляхъ викивъ», «Ставъ». Основной

мотивъ грустнаго настроенія—ничтожность человѣка. Поэта смущаетъ, что «все мы никчемни, все мы хвильяни», что

Мы осядемо все въ прахъ,
И омофоръ свѣй смерть накыне
Надъ нами въ мертвыхъ небесахъ...

Эти сѣтованія въ значительной степени покрываются оптимистическими стихотвореніями, напр., «Пидь зорямы», гдѣ поэтъ говорить:

Не турбуе мене,
Що мій вѣкъ промыне;
Такъ бо все промына
Нибы хвѣля ясна
И, дѣйшовшы меты,
Згаснуть навѣть свѣты...

Въ стихотвореніи «Що найкращи наши роки» поэтъ утѣшается мыслью о вѣчности любви. Въ ст. «Писня бенкетова» говорится: «и старість не страшна: намъ спокій дасть вона». Поэтъ забылъ о старческихъ болѣзняхъ.

Вообще, философствованіе вредитъ поэту, и мѣстами, напр., въ стих. «Дывлюся навколо», «Пидь зорямы», это философствованіе облеклось въ туманность и выражено тяжело, искусственно, натянуто, напр., «муче намъ души непевність гризна».

Изъ стремленія къ философствованію возникли такія неудачныя, темныя и тяжелыя стихотворенія, какъ:

Якъ все никчемне, наше щоденне.

Тутъ ужъ и языкъ, обыкновенно плавный и ясный, измѣняется г. Чернявскому; всплываютъ странныя выраженія, напр., «чванство страшенне», «щастя злыденне», «зводе шахрайство зъ честью стосунки».

Также тяжелы и сухи стихотворенія: «Хто душу несѣту та задрисну мае», «Я жывъ свѣй вѣкъ», «Клычъ неба», «Мечъ». Эти неудачныя, очевидно, надуманныя, мѣстами вымученныя

стихотворенія лишь портятъ впечатлѣнїе и въ рукахъ литературныхъ зоиловъ легко могутъ быть обращены въ орудіе осужденія.

Автору вредятъ далѣе небрежныя сочетанія и рѣмы, въ родѣ «хаты» съ удареніемъ на ы при рѣмѣ «воды», «дере» — «умре» и т. под.; вредятъ повторенія нѣкоторыхъ излюбленныхъ словъ, въ особенности слова: «мовчазна», «мовчазній».

Недочеты эти покрываются лучшими сторонами, и авторъ, человекъ, повидимому, еще молодой, при большей осторожности, можетъ рассчитывать на видное мѣсто въ пантеонѣ малорусской литературы. Тѣ образцы, которые приведены въ обилїи выше, ясно свидѣтельствуютъ о свѣжемъ и оригинальномъ талантѣ. Какъ бы то ни было, «Зори» полезное приобрѣтеніе малорусской литературы, и многія вещицы этого сборника будутъ по достоинству оцѣнены друзьями и почитателями малорусской поэзіи.

Н. В. С.

Село Курень (конотопскаго у.) и его старина.

Среди мѣстныхъ жителей существуетъ не мало преданій и разсказовъ о глубокой старинѣ. Преданія эти, переходя изъ усть въ уста отъ дѣдовъ ко внукамъ, въ настоящее время почти уже всѣ отживаютъ свой вѣкъ и, отходя, такъ сказать, сами въ область преданій, держатся исключительно только среди стариковъ, да и то, сравнительно, немногихъ. Можно поэтому полагать, что чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ многіе разсказы о старинѣ исчезнутъ совершенно. Къ числу такихъ отживающихъ свой вѣкъ преданій относится, между прочимъ, преданіе объ основаніи села; преданіе это среди жителей Куреня существуетъ почему-то въ двухъ, совершенно несходныхъ одна съ другою, версіяхъ. Такъ, одни изъ мѣстныхъ старожиловъ разсказываютъ объ этомъ слѣдующее:

— «Давнымъ-давно это было; не помнятъ того ни дѣды, ни прадѣды наши, а слышали они о томъ такъ же, какъ и мы, отъ дѣдовъ своихъ. На этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ село, и на много верстъ кругомъ росли огромные лѣса. Время тогда стояло смутное: были войны, разбои, насилія; со всѣхъ сторонъ нежданно-негаданно нападали враги, убивали людей, грабили имущество, а села и деревни жгли. Многіе поэтому уходили изъ этихъ мѣсть куда-либо дальше, гдѣ жить было хоть немного спокойнѣе, а многіе прятались и селились по лѣсамъ. Вотъ и въ этотъ лѣсъ забрелъ одинъ такой человѣкъ, поставилъ на берегу протекавшей

здѣсь тогда рѣки «курень» (хату) и зажилъ въ немъ со своею семьей. Отсюда-то и началось село и получило свое названіе».

Другіе же, и такихъ, нужно сказать, преобладающее большинство, передавая слышанную ими отъ дѣдовъ исторію возникновенія села, говорятъ, будто первыми поселенцами Куреня были свободно поселившіеся здѣсь «синельники», т. е. мастера, занимавшіеся окраской холста, суконь и др. матерій. Мѣстомъ для поселенія они избрали лѣвый берегъ рѣки. Нѣкоторое время они жили здѣсь одни, а потомъ, перегоняя съ мѣста на мѣсто по обширнымъ степямъ Украйны свои стада, забрелъ сюда «чабанъ» (пастухъ) и, «облюбовавъ» себѣ мѣсто тоже на лѣвомъ берегу рѣки, какъ болѣе низменномъ и изобиловавшемъ травой, поставилъ для себя «курень» (шалашъ). Такъ мѣсто это и стало зваться Куренемъ. Съ теченіемъ времени стали селиться на другомъ берегу рѣки, а когда число людей и дворовъ на одномъ и другомъ берегу размножилось, то на правомъ, какъ болѣе возвышенномъ, была поставлена церковь 1).

Эти преданія не противорѣчатъ и подлиннымъ историческимъ свѣдѣніямъ, по коимъ с. Курень образовалось въ первой половинѣ XVII ст. изъ Бахмацкихъ выселковъ, хозяева которыхъ для хозяйскихъ выгодъ оставляли мѣстечко и селились въ окраинѣ степи, тянувшейся къ р. Остру и впоследствии получившей названіе Куренской степи, въ отличіе отъ Бѣловежской. По мнѣнію А. М. Лазаревскаго, названіе села произошло отъ тѣхъ *курней*, которые устроены были отдѣльными Бахмацкими домохозяевами, для хозяйскихъ цѣлей, въ видѣ полужилихъ построекъ, и которые послужили основою возникшаго здѣсь самостоятельнаго поселенія. Село Курень уже упоминается въ актахъ 1654 г. 2)

1) Въ Куренѣ и понынѣ есть фамиліи Синельниковыхъ и Чабановъ, считающихъ себя потомками тѣхъ «синельниковъ и чабановъ», которые основали село. Нѣкоторые изъ потомства Синельниковыхъ и до сей поры, изъ рода въ родъ, занимаются ремесломъ своихъ предковъ.

2) См. «Описаніе Старой Малороссіи», А. Лазаревскаго, т. II, стр. 178.

Изъ подписи, сдѣланной на заглавномъ листѣ хранящагося въ архивѣ Куренской Николаевской церкви рукописнаго октоиха, видно, между прочимъ, что въ 1671 году въ Куренѣ была церковь. Къ сожалѣнію, время и небрежность почти уничтожили эту надпись,—отъ нея къ нашему времени только и остались слѣдующія слова: «Сія книга глаголемая Офтай... тцан... церквѣ... Ник... 1671...» Но и эти пемногія слова говорятъ уже многое. На Евангелии же (Львовской печати 1670 г.) еще довольно ясно сохранилась слѣдующая сдѣланная по листамъ надпись: «Сія книга глаголемая Евангелионъ на престолное раба Божія Ігната Новополца... і жены его Марии и з дѣтми ихъ, обывателей Корѣнскихъ, купленная за десять талярей за своя працу вѣршную и за отпущение грѣховъ своихъ и за славной памяти отца ихъ Филиппа и... Катерини і родичовъ ихъ и дано до церкви святой, до храму Святителя Христова Николая вѣчными часи в село Корѣнь для отпави и хвали Святой. Абы оной нѣхто не важился от церкви святой отдалити: а хто бы и хотѣлъ и важился... буди анафема в сий вѣкъ і у будущий і росудится со мьною пред нелицемѣрнымъ судиею. Аминъ. Писано в семъ Корѣнѣ, при священнику отцу Максиму, при... войту, при Ктиторахъ церковныхъ Семену Великому и Опаласу К... року 1676, марта 29 дня»...

Но упоминаемый въ этой надписи священникъ Максимъ, какъ можно заключить по нѣкоторымъ данымъ, былъ не первымъ священникомъ въ Куренѣ. Такъ, въ синодикѣ церковномъ, заведенномъ съ 1734 года, въ поминаніи «священнихъ іереевъ» первымъ записанъ іерей Савва, а затѣмъ уже Максимъ; то же самое видимъ мы и въ другомъ мѣстѣ Синодика, гдѣ сначала помѣщены іереи Савва и Максимъ, а третьимъ вписанъ самъ основатель синодика—Афанасій ¹⁾. Если мы къ этому прибавимъ теперь, что къ 1746 году церковь въ Куренѣ стала настолько ветхою, что даже со стороны пачальства было предписано возобновить ее ²⁾, и ограничимъ существованіе церкви приблизительно

1) О Синодикѣ см. «Кіевск. Старину» 1903 г. № 9.

2) См. Истор.-Стат. описаніе Черн. Епар. Арх. Филарета, кн. VI-я.

столѣтнимъ періодомъ, то станеть внѣ всякаго сомнѣнія, что церковь въ Куренѣ существовала уже въ половинѣ XVIII ст. 1). А это въ свою очередь говоритъ въ пользу того, что въ то время Курепъ было селеніе уже не маленькое. Дѣйствительно, въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. въ Куренѣ насчитывалось болѣе 150 дворовъ; а въ 1754 году здѣсь было уже 250 дворовъ съ 2738 жителями обоого пола 2).

Въ настоящее время Куренъ разрослось въ громадное селеніе: со всѣми прилегающими къ нему хуторами оно имѣеть болѣе 30 версть въ окружности, а въ длину достигаетъ до 7 версть; въ немъ насчитывается болѣе тысячи дворовъ и около семи тысячъ жителей.

Въ прежнее, далекое отъ насъ, время, чрезъ село протекала рѣка Борзна и дѣлила его на двѣ части—Городокъ и Закуренье 3). Названія эти остались и до нашихъ дней; но рѣка дав-

1) Вѣроятно, отъ того далекаго времени сохраняются въ церкви двѣ оловяныхъ чаши.

2) Интересна, между прочимъ, сохранившаяся въ архивѣ вѣдомость за 1754 годъ о томъ, сколько было представлено въ этомъ году отъ церкви въ Кіевскую Митрополию денегъ. Вотъ дословный текстъ этого документа: «Ми нижеподписавшіеся в катедрѣ Митрополитанскую Кіевскую объявляемъ, что сего 1754 года било в нашемъ приходѣ Дворовъ Двѣстѣ пять десять за которіе в Казну Катедральную уплатили Денегъ столовихъ По двѣ Копѣйки Рублей пять Міровихъ Поденжки Рубль Двадцать пять копѣекъ солодовихъ по полушки шесть десять Двѣ Копейки и полъ ітого всѣхъ Денетъ столовихъ мировихъ, и солодовихъ Рублей шесть восемь Десять семь Копеекъ и полъ». Затѣмъ слѣдуетъ подпись священниковъ Іосифа и Тимоѳея Кибальчичей и вѣдомость о «квитовыхъ» деньгахъ, тоже отсылавшихся въ Митрополию. Всѣхъ «квитовыхъ» денегъ по вѣдомости числится 9 р. 87 к. (выдано 32 квита). Деньги по одной и другой вѣдомости, какъ видно изъ имѣющейся въ архивѣ церковномъ копіи Указа Митрополита Кіевскаго Тимоѳея отъ 15 іюня 1756 г. № 181, высылались въ Митрополию по третямъ года.

3) См. Ист.-Стат. оп. Черн. Епар. Арх. Филарета кн. VI-я. Въ Описи 1654 г. здѣшняя рѣчка неправильно названа рч. *Куренью*. Въ

нымъ-давно изсякла; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трудно опредѣлить даже бывшее ея русло. И только въ одномъ мѣстѣ сохранился небольшой водоемъ, но это не что иное, какъ лужа съ стоячею и гнилою водой. Были уничтожены прибрежные лѣса—«хранители водъ»—и рѣка изсякла. Но среди мѣстныхъ жителей держится суевѣрное преданіе; что рѣка высохла потому, что была «заключена». «Жила на селѣ, говоритъ преданіе, одна вдова козачка, «злая вѣдьма»; была у этой вѣдьмы дочка красавица, единственное ея дѣтище и утѣха. Однажды въ жаркую лѣтнюю пору пошла красавица съ подругами на рѣку купаться и утонула. Обезумѣвъ отъ горя, вдова «заключила» рѣку «словомъ клятвеннымъ», и рѣка высохла». Но заключеніе это, по повѣрью куренцевъ, было положено на рѣку не на «вѣки вѣчныя»,—оно можетъ быть во всякое время снято «знающимъ» человѣкомъ.

Старики рассказываютъ, что при ихъ дѣдахъ въ Куренѣ будто-бы и объявился такой «знающій» человѣкъ, который могъ снять съ рѣки заключеніе, но свое волхвованіе онъ обставилъ такими трудно выполнимыми со стороны куренцевъ условіями, что куренцы предпочли остаться лучше безъ рѣки.

Въ окрестностяхъ села есть не мало кургановъ, называемыхъ мѣстными жителями общимъ именемъ «могилы», напримѣръ: Губарева могила, Ивашкова, Малыкина, Остаськовы могилы и др.¹⁾ На вопросъ о томъ, къ какому времени относится происхожденіе этихъ кургановъ, мѣстные жители, обыкновенно, отвѣчаютъ: «чы мало ихъ тутъ Петръ насадывъ!» и въ подтвержденіе своихъ словъ указываютъ даже ту мѣстность, гдѣ, по преданію, произошла стычка русскихъ со шведами²⁾.

Описи 1781 г. она именуется *Рудою*, т. е. полуобсохшею ложбиною когда-то бывшей здѣсь степной рѣчки, которая, засохнувъ, потеряла и свое старое названіе. См. «Описаніе Ст. Малороссіи».

1) Всѣ эти названія произошли отъ фамилій бывшихъ владѣльцевъ тѣми участками земли, на которыхъ расположены курганы. Только четыре кургана, находящіеся почти у самого села, не имѣютъ никакого имени, а просто зовутся «четыре могилы».

2) Урочище «Квалшино»—недалеко отъ села.

Впрочемъ, не всѣ курганы относятся ко времени Шведской войны. Нѣкоторые изъ нихъ и сами жители Куреня, основываясь на разсказахъ своихъ дѣдовъ, относятъ къ болѣе раннему времени, именно къ тому, когда «губернія звалась не Черниговскою, а Сѣверскою и когда было много войнъ». Эти курганы есть не что иное, какъ сторожевые пункты, съ которыхъ наблюдалось приближеніе врага, и которые безъ всякаго сомнѣнія нужно отнести ко времени татарскихъ набѣговъ. Что эти курганы были насыпаны именно съ такою цѣлю, доказывается прежде всего тѣмъ, что такъ говорить объ этомъ преданіе, называя ихъ «маяками», а также формою и сравнительною высотой самихъ кургановъ. «Маяковъ» въ окрестностяхъ Куреня три; всѣ они въ настоящее время сильно разрушены временемъ и опахиваніемъ, но еще дѣтъ 50—60 назадъ, какъ разсказываютъ очевидцы, были до 4 сажень высоты, такъ что съ вершины ихъ было видно болѣе, чѣмъ на десять верстъ.

Діаконъ **Иванъ Егоровъ.**

ТОРЖЕСТВО УКРАИНСКОЙ ПѢСНИ.

I.

Истекшій годъ ознаменовался не однимъ только праздникомъ украинской литературы, выразившемся въ постановкѣ памятника ея творцу и начипателю на мѣстѣ его жизни и дѣятельности; близкимъ къ своему значенію къ этому событію является также и другое торжество, имѣвшее мѣсто въ самое послѣднее время, — торжество нашей пѣсни и музыки по случаю 35-лѣтняго юбилея славной дѣятельности Н. В. Лисенка. Украинская литература и народная пѣсня въ лицѣ своихъ представителей получили на двухъ упомянутыхъ торжествахъ полное признаніе со стороны общества и показали, съ одной стороны, свою глубокую жизненность, а съ другой — обнаружили также тѣсное единеніе и солидарность съ интересами того народа, изъ нѣдръ котораго онѣ вышли. Очевидно — «не бездарна та природа, не погибъ еще тотъ край», которые выдвигаютъ изъ своей среды такихъ дѣятелей, какъ И. П. Котляревскій и Н. В. Лисенко, и если первый является отцомъ украинской литературы, то второго по справедливости можно назвать отцомъ украинской музыки.

Юбилейныя торжества въ честь Н. В. Лисенка, подвести итогъ которымъ имѣетъ цѣлью настоящая замѣтка, распались на двѣ части. Въ то время, какъ центромъ ихъ самъ собою долженъ былъ сдѣлаться Кіевъ, въ которомъ протекла почти вся жизнь и

дѣятельность заслуженнаго юбиляра; въ то время, какъ въ Кіевѣ къ юбилею начали заблаговременно готовиться,—закордонная Украина (Галичина и Буковина) также пожелала принять самостоятельное участіе въ юбилейныхъ торжествахъ, чтобы хотя такимъ образомъ выразить глубокую признательность и благодарность своему любимому композитору, трудами котораго наши закордонные братья наравнѣ съ украинцами пользуются уже ровно 35 лѣтъ¹⁾. Возникла среди галицкихъ украинцевъ мысль пригласить Н. В—ча въ столицу Галицкой Украины Львовъ для торжественнаго празднованія юбилея. Юбиларъ отвѣтилъ согласіемъ, и специально основанный во Львовѣ для устройства юбилейнаго комитета открылъ свою дѣятельность. Юбилейныя торжества въ закордонной Украинѣ состоялись 24 и 25 поября (7 и 8 декабря н. ст.) во Львовѣ, а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Галичины и Буковины.

Путь юбиляра за кордономъ, отъ момента вступленія его на территорію галицкой земли, былъ непрерывнымъ рядомъ самыхъ сердечныхъ овацій, искреннихъ привѣтствій и неподдѣльнаго восторга. Такъ встрѣчаютъ только дѣйствительно дорогаго гостя. Уже въ Подволочискѣ, первой станціи въ Австріи, юбиляра встрѣтила депутація мѣстныхъ русиновъ съ букетами и привѣтственными рѣчами. Въ Тернополѣ, первомъ крупномъ центрѣ, лежащемъ на пути ко Львову, встрѣча приняла характеръ грандіозной народной демонстраціи: на вокзалѣ собралось уже нѣсколько сотъ человекъ, привѣтствовавшихъ съ нетерпѣніемъ ожидаемаго гостя пѣніемъ, рѣчами, букетами. Въ Красномъ юбиляра встрѣтила депутація отъ львовскихъ русиновъ, съ проф. Шухевичемъ во главѣ. Ко времени прибытія поѣзда къ львовскому вокзалу, здѣсь собралась многочисленная толпа, запрудившая перронъ; при выходѣ Н. В—ча изъ вагона головы обнажились и вслѣдъ за краткимъ привѣтствіемъ проф. Вахнянина раздались торжественные звуки много-

¹⁾ Въ первый разъ произведеніе Н. В—ча было исполнено во Львовѣ въ 1868 г. «на роковинахъ» Шевченка. Это была композиція на слова Шевченковскаго «Заповіта».

лѣтія въ честь прибывшаго юбиляра. Столица Галицкой Украины горячо привѣтствовала любимаго композитора. Номера львовскихъ украинскихъ газетъ въ этотъ день (22 ноября ст. ст.) были почти сплошь заняты статьями, посвященными юбиляру.

24 ноября въ 2 часа дня въ помѣщеніи львовской филармоніи состоялась такъ называемая академія, т. т., собственно чествованіе. Встрѣченный громомъ аплодисментовъ, юбиляръ взошелъ на эстраду въ сопровожденіи членовъ юбилейнаго комитета, а затѣмъ послѣдоваль длинный рядъ депутацій съ адресами и привѣтственными рѣчами. Открыль привѣтствія голова «Союза Боянів» ¹⁾ извѣстный въ Галичинѣ композиторъ, проф. Вахнянинъ. Въ своей красивой рѣчи ораторъ указаль на значеніе пѣсни въ жизни нашего нарѣда вообще, яркими штрихами изложилъ исторію народной пѣсни и, переходя затѣмъ къ характеристикѣ заслугъ юбиляра, мѣтко назвалъ послѣдняго «Бояномъ новаго времени». «Ты,—закончилъ ораторъ, обращаясь къ юбиляру,—полюбовь сю писню, видчувъ їи красу, прыгорнувъ їи до теплои груди, выкохавъ їи, выплекавъ, выделіявъ, прыбравъ у святочну одижъ, впровадывъ мижъ славянськи посестры и посадывъ високо—на посади: заквитчану, омережану, пристроену въ багате намысто, а таку щыру та сердечну, буйну та велетню, якою вона выйшла зъ грудей цилого народа. Въ тимъ твоя и лышетвоя заслуга, писенный нашъ Кобзарю, «Бояне новаго времени». («Руслан», ч. 267). Рѣчь проф. Вахнянина какъ бы намѣтила въ общихъ чертахъ ту программу, которую въ частностяхъ подробнѣе развивали послѣдующіе адреса и привѣтствія, слѣдовавшія въ такомъ порядкѣ:

1) Своему почесному членови Миколі Лисенкови «Руська Бесіда» (адресъ и почетный дипломъ), 2) Славному украинському музикови-композиторови Миколі Лисенкови в 35-літній ювилей його діятельности товариство „Прасьвіта“ у Львові, 3) Наукове Товариство імени Шевченка, 4) Товариство „Народна Торговля“ у Львові 5) Товариство руськихъ ремісниківъ «Зоря» у

¹⁾ Бояніи—пѣвческія и музыкальныя общества въ Галичинѣ, имѣющіеся почти въ каждомъ городѣ.

Львові (почетный дипломъ), 6) «Ремісничка Бурса», 7) «Товариство для розвою руської штуки» у Львові (кромѣ адреса—художественной работы портретъ) 8) Товариство педагогичне у Львові 9) Союз співацьких і музичних товариств (Боянів) у Львові, 10) Високоповажаному Ювілятови Миколі Лисенкови в 35 роковини його композиторської творчости з Зеленої Буковини, з над синього Прута щирий привіт і глибокий поклон (приняли участіє 27 „товариств“), 11) Русини-українці з Бережанщини (8 товариств) 12) Перемиські товариства, 13) Читальня в селі „Золотому Потоці“ (депутатъ—крестьянській мальчикъ), 14) Миколі Лисенкови Стрийщина (10 товариств) 15) Клуб Русинок, 16) Товариство «Труд», 17) Товариство „Руська Захоронка“ у Львові, 18) Високодостойному Ювілятови Миколі Лисенкови в 35 роковини його праці на полі народної музики—українсько-руські товариства в Тернополі (10 товариств) 19) Товариство «Кружок українських дівчат» у Львові, 20) Українсько-руське драматичне товариство ім. Котляревського у Львові, 21) Українсько-руські товариства з Самбора (5 товариств) 22) Духовна семинарія у Львові 23) Достойному Миколі Лисенкови в дні ювілейного свята привіт від русинів-українців Ярославського повіту (114 подписей) 24) Дрогобицька філія „Просьвіти“, 25) Львівський «Боян», 26) Товариство техніків „Основа“ (почетный дипломъ, кромѣ адреса съ 34 подписями). 27) Товариство касинове урядників „Дністра“. 28) „Академічна Громада (українська молодіж університетська) у Львові, 29) Русько-українські товариства в Станиславові (13 товариств), 30) Коломийський Боян, 31) Русини-українці з Комарни. 32) Філія товариства «Просьвіта» в Комарні, 33) Читальня «Просьвіти» в Комарні, 34) Боянови Руси-України, Високоповажаному Миколі Лисенкови товариство „Руська Бесіда“ в Бучачі. 35) Від хору читальні в Скалі, 36) Русини-українці з Заліщиків, 37) Філія „Просьвіти“ в Рудках, 38) Кобзареві Миколі Лисенкови, своєму почесному членові Снятинський Боян несе привіт в день його ювілею (35 подписей). 39) Від учениць приватної женської руської семинарії у Львові, 40) Читальня «Просьвіти» в Кракові, 41) Товариство гімнастичне «Сокіл» у Львові, 42) Буковинський Боян—почесному членові. 43) Дівоча школа ви-

ділова ім. Шевченка у Львові, 44) Русько-українська громада в Празі, 45) Редакція „Руслана“, 46) Редакція „Буковини“.

Чтеніє перечисленнихъ адресовъ. продолжавшееся около двухъ часовъ, было непрерывнымъ тріумфомъ для юбиляра; каждый адресъ покрывался громомъ аплодисментовъ и шумными оваціями. Большинство адресовъ помѣщено въ папкахъ, изъ которыхъ многія представляютъ собою настоящія произведенія искусства по своей художественной отдѣлкѣ. Особенно, бросается въ глаза папка львовской «Руської Бесіди», составленная изъ тонкихъ деревянныхъ досокъ, украшенныхъ художественно исполненой рѣзьбой въ гуцульскомъ стилѣ; адресъ отъ города Стрыя заключенъ въ папку изъ полотна съ вышитыми узорами въ народномъ вкусѣ и т. п. Когда было окончено чтеніє адресовъ, юбиляръ въ краткой рѣчи благодарилъ за привѣтствія, служація яркимъ доказательствомъ симпатіи закордонныхъ братьевъ къ украинскому народу и украинской пѣснѣ, и обѣщаль всю свою дальнѣйшую жизнь посвятить на служеніє родному народу въ прежнемъ направленіи. Концертная часть «академіи» состояла изъ чтенія стихотворенія г. Лепкого «Миколі Лисенкови на спомин дня грудня 1903 р.», весьма умѣло продекламированнаго самимъ авторомъ, и пѣнія слѣдующихъ пьесъ: «За сонцемъ хмаронька пливе» (соединенный хоръ «Боянівъ» подъ управленіемъ о. Нижанковскаго), «На прю» (студенческий хоръ) и кантаты «Бьють пороги» (гимназическій хоръ).

Въ 7½ часовъ вечера начался юбилейный концертъ; обширный залъ філярмоніи вторично былъ заполненъ публикой какъ мѣстной, такъ и пріѣзжей изъ разныхъ мѣстностей Галичины. Энтузіазмъ собравшихъ выражался безконечными аплодисментами и оваціями по адресу юбиляра, присутствовавшего лично на концертѣ. Концертъ начался кантатой «На вичну память Котляревському», исполненной хоромъ, состоявшимъ изъ 250 пѣвцовъ подъ управленіемъ того же талантливаго диригента о. Нижанковскаго; затѣмъ слѣдовали какъ хоровые, такъ и сольные номера: «Ой бре море бре», «Ой, що жъ бо то за воронъ», «Ой летила горлыця» (мужской хоръ), дуэтъ изъ оперы «Риздвяна ничъ» (г. Лопатинська и г. Волошинъ), «Шумка-козакъ» (оркестръ) «Заповитъ»

(хоръ) «Дивчыно-рыбалонько», «Хиба тилькы рожамя цвисты», «Ой пишла бь я на музыкы (г. Лопатинська) и закончился ораторіей «Радуйся ныво непопытая». Но гвоздемъ концерта была несомнѣнно игра на фортепіано самого юбиляра, — энтузіазмъ публики достигъ въ это время высшей точки напряженія. Н. В — чь исполнилъ свою 1-ю рапсодію и весь залъ, затаивъ дыханіе, внималъ роскошнымъ звукамъ этой чрезвычайно красивой пьесы. Но вотъ замеръ послѣдній звукъ — и залъ пробудился, сбросилъ съ себя очарованіе: раздался громъ аплодисментовъ. Юбиляръ былъ буквально засыпанъ цвѣтами, дождь которыхъ падалъ изъ ложъ, изъ партера, со всѣхъ сторонъ. При нескончаемыхъ аплодисментахъ опять потянулся длинный рядъ депутацій съ вѣнками, образовавшими скоро цѣлую гору на эстрадѣ; на развѣвующихся сине-желтыхъ лентахъ вѣнковъ красовались надписи:

- 1) Мыколи Лисенкови — Русько-украинськи товариства въ Станиславови,
- 2) М. Л — ви — Молодижь украинсько-руської гимназія у Львови,
- 3) М. Л — ви — Товариство «Просвѣта»,
- 4) М. Л — ви — Дрогобыцьки русыны,
- 5) М. Л — ви — Драматичне товариство ім. Котляревського,
- 6) Mikołajowi Lyseńce, pachtmionemu piewcu ruskiemu Dyrekcyа teatru miejskiego,
- 7) Батькови нашої музыкы — Тернопильський Боянъ,
- 8) М. Л — ви — Руська Бесіда у Львови,
- 9) М. Л — ви — Союзъ Боянивъ у Львови,
- 10) Велькому сынови Украины — Урядныкы товариства «Днистеръ» у Львови,
- 11) М. Л — ви — Кружокъ украинськихъ дивчатъ,
- 12) М. Л — ви — Львивський Боянъ,
- 13) М. Л — ви — Реальна школа,
- 14) Творцеди «Риздвяной ночи» — Дирекція театру,
- 15) М. Л — ви — Наукове Товариство ім. Шевченка,
- 16) М. Л — ви — Буковынський Боянъ,
- 17) М. Л — ви — Клюбъ русынокъ у Львови,
- 18) М. Л — ви — Буковынськи украинкы,
- 19) М. Л — ви — Ученицы школы выдиловой ім. Шевченка у Львови,
- 20) М. Л — ви — Ученицы жиночої руської семинарії у Львови,
- 21) М. Л — ви — Ученицы учительської семинарії въ Чернивцяхъ,
- 22) М. Л — ви — Руська школа въ Старій Мамаевци,
- 23) М. Л — ви — Зь Галыча,
- 24) М. Л — ви — Проф. Пулюй и його симья (срибный),
- и 25) М. Л — ви — Ювильный комитетъ у Львови (срибный).

Но вотъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, аплодисменты вдругъ затихли; еще мгновеніе — и изъ усть 2¹/₂-тысячной толпы полились величественные звуки гимна; пѣлъ весь зрительный залъ, пѣла вся аудиторія, и уже нельзя было отличить пѣвцовъ, еще недавно стоявшихъ на эстрадѣ, отъ обыкновенной публики... И это былъ несомнѣнно наиболѣе величественный моментъ цѣлаго праздника, наиболѣе оригинальный померъ всего концерта, тѣмъ болѣе поразительный, что онъ не былъ подготовленъ заранѣе, а вышелъ какъ то самъ собою, вырвавшись отъ полтоты потрясеннаго сердца. Впечатлѣніе было настолько сильное, что у многихъ на глазахъ стояли слезы...

Такъ какъ залъ не могъ помѣстить всѣхъ желавшихъ присутствовать на юбилейномъ концертѣ, то онъ былъ повторенъ при полномъ театрѣ и по прежней программѣ на слѣдующій день. Нечего и говорить, что новая публика такъ же тепло и восторженно принимала юбиляра, какъ и публика предыдущаго вечера.

25 ноября вечеромъ въ залѣ «Народнаго Дома» состоялся спектакль: ученицами мѣстной «виділової школи 1) имени Шевченка» весьма живо и въ общемъ очень удачно разыграна дѣтская опера юбиляра «Коза-дереза» при громадномъ стеченіи публики. Спектакль послужилъ новымъ поводомъ для нескончаемыхъ овацій по адресу композитора. Послѣ спектакля состоялся ужинъ, участники котораго въ рѣчахъ всесторонне выясняли какъ заслуги юбиляра, такъ и значеніе даннаго торжества для украинскаго народа...

На слѣдующій день Н. В.—ть отбылъ изъ Львова въ Черновцы, столицу Буковины, останавливаясь по дорогѣ въ Станиславовѣ и Коломыѣ. Вездѣ юбиляра встрѣчали толпы народа, крестьяне, общества «Січі» 2), самымъ восторженнымъ образомъ вы-

1) «Виділові школи» — въ Галичинѣ, гдѣ нѣтъ женскихъ гимназій, занимаютъ среднее мѣсто между вашими двухклассными училищами и гимназіями.

2) «Січі», возникшія въ послѣднее время въ Галичинѣ по инициативѣ доктора Трильовскаго, представляютъ собою крестьянскія общества, организованныя по образцу Запорожской Сѣчи и преслѣдующія самую разнообразную цѣли взаимопомощи.

ражая ему свое глубокое уваженіе и любовь. Во время этого оригинальнаго путешествія юбиляръ могъ убѣдиться въ томъ, что имя его и произведенія извѣстны здѣсь не только интеллигенціи, но и народу, представители котораго съ восторгомъ встрѣчали своего «кобзаря» и «баяна повога времени»... Остановки въ Стапиславовѣ, Коломыѣ и Черновцахъ были отмѣчены тѣмъ же радушнымъ и сердечнымъ отношеніемъ къ юбиляру, какъ и пребываніе его во Львовѣ.

II.

Украинская народная пѣсня за все время существованія украинскаго театра всегда имѣла тѣсное соприкосновеніе съ послѣднимъ, служа украшеніемъ для пьесъ, вдохновляя авторовъ; съ другой стороны, и самъ юбиляръ принадлежитъ къ числу дѣятелей роднаго театра, будучи авторомъ многихъ популярныхъ оперъ и оперетъ. Вотъ почему, надо полагать, юбилейныя торжества въ честь Н. В. Лисенка въ Кіевѣ открылись 19 декабря постановкой въ театрѣ Бергонье украинской трушой г. г. Саксаганскаго и Садовскаго извѣстной опереты юбиляра «Чорпоморци». Послѣ спектакля была исполнена его же кантата «Бють пороги», и вся труппа привѣтствовала юбиляра, поднеся ему серебряный вѣнокъ съ подписью: «Славному украинському кобзареві Миколі Лисенкові од Садовського, Саксаганського, Карого і всієї їх української труши артистів». Собравшаяся въ большомъ количествѣ публика громкими аплодисментами сопровождала это театральное чествованіе.

20 декабря въ залѣ Купеческаго Собранія состоялась центральная часть торжества, инициативу котораго взяло на себя Кіевское Литературно-Артистическое Общество. Къ 8 часамъ вечера залъ былъ буквально биткомъ набитъ публикой, среди которой было много пріѣзжихъ изъ разныхъ концовъ Украины. Общее вниманіе обращали на себя делегаты изъ Галичины и Буковины, среди которыхъ были даже крестьяне въ своихъ живописныхъ костюмахъ. Встрѣченный шумными аплодисментами и криками «слава», юбиляръ занялъ почетное мѣсто на эстрадѣ среди членовъ пра-

влекія Литературно-Артистическаго Общества; началось чтеніе адресовъ и привѣтствій. Первымъ привѣтствовало юбиляра Литературно-Артистическое Общество, въ лицѣ своего предсѣдателя г. Николаева, поднесши юбиляру изящно исполненный жетонъ, а затѣмъ слѣдовало произнесеніе привѣтствій заграничными гостями ¹⁾ и чтеніе многочисленныхъ адресовъ. Сдѣлаемъ перечень послѣднихъ:

- 1) Отъ Кіевскаго Литературно-Артистическаго Общества,
- 2) Отъ членовъ того же Общества—украинцевъ (на украинскомъ языкѣ), 3) Отъ Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца, 4) Мыколи Лисенкови, украински письменныкы зъ Кывива (на папкѣ эпиграфъ изъ Кулиша: «Поки прокынетъ сонна краина, поки диждеться жывой весны—Ты намъ по хатахъ убогыхъ дзвоны»—23 подписи), 5) Мыколи Лисенкови, славному заступныкови народной украинской песни видъ Кывивскаго Общества Грамотности, 6) Высокоуважаемому Н. В. Лисенку Кіевское Общество содѣйствія начальному образованію, 7) Отъ Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго русскаго музыкальнаго Общества, 8) Отъ музыкальной школы Н. А. Тутковскаго, 9) Отъ дирекціи Королевскаго Чешскаго земскаго и музыкальнаго театра (Прага), 10) Отъ артистовъ театра «Соловцовъ», 11) Славному Кобзареву М. В. Лисенкови видъ редакціи часопыси «Кіевская Старина», 12) Отъ редакціи журнала «Археологическая лѣтопись Южной Россіи», 13 и 14) Два адреса отъ почитателей поляковъ (на польскомъ языкѣ), 15) Славному Кобзареву М. В. Лисенкови одъ Кывивскихъ товаришивъ-украинцивъ (16 подписей), 16) Видъ украинцивъ-Кыянъ, 17) Украинскому Боянови одъ Кывивскихъ украинокъ (поднесено роскошное изданіе «Кобзаря» и «рушныкъ»), 18) Одъ выдавцивъ украинскихъ книжокъ (эпиграфъ изъ Шевченка: «Наша дума, наша писня не вмре, не загыне»,—

¹⁾ Отъ имени „Союза Боянів“ привѣтствовали юбиляра проф. Вахнянинъ, отъ Науковаго Товариства имени Шевченка—проф. Студинскій, отъ товариства «Просьвіта»—депутатъ львовскаго сейма, докторъ Олесницкій, отъ галицко-украинской прессы—редакторъ газеты «Діло», докторъ Левицкій и отъ имени всѣхъ буковинцевъ—депутатъ вѣнскаго рейхсрата, г. Пигулякъ.

12 подписей), 19) Славному Кобзареву Мыколи Лисенкови одъ студентивъ университету Св. Володымира въ Къиви (382 подписи), 20) Славному украинському композиторови Мыколи Лисенкови одъ студентивъ-политехникивъ у Къиви (263 подписи), 21) Видъ Къивської малёвничои школы (адресъ съ 15 подписями и альбомъ иллюстрацій къ народнымъ пѣснямъ), 22) Вельмышановному украинському Боянови одъ старого хору студентивъ университета Св. Володымира, 23) Видъ Нового Къивського студентського хору, 24) Дорогому Кобзареву Украины видъ хора имени Лисенка (50 подписей), 25) Лисенкови, Бандурыстови Украины (200 под.), 26) Высокошановному Мыколи Лисенкови одъ учнивъ зъ Кіева, 27) Славному пѣвцу Украины и земляку Н. В. Лисенку Полтавская губернская земская Управа, 28) Высокоталантливому украинскому композитору одъ полтавскаго городского общественнаго управленія, 29) Славному сынови Украины Миколи Лисенкови одъ шырого сердца землякивъ Полтавы (40 подписей), 30) Шырому орачеву на ридній ныви М. В. Лисенкови одъ редакціи «Хуторянина», 31) М. В. Лисенкови полтавськи статистыкы (28 подписей), 32) Украинському Боянови Мыколи Лисенкови одъ Полтавського музыкально-драматычного товариства (27 подписей), 33) Шановному батькови музыкы и спививъ Мыколи Лисенкови одъ полтавськихъ робитныкивъ (73 подписи), 34) Видъ учнивъ полтавської земської ремисничои школы, 35—36) Батькови украинської музыкы—два адреса одъ учениковъ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній г. Полтавы. 37) Славному украинському музици Мыколи Лисенкови одъ Черниговцивъ (77 подписей), 38) М. В. Лисенкови Черниговське украинське театральне товариство (25 подписей), 39) Славному украинському музици Черниговський музыкально-драматычный Кружокъ (20 подписей), 40) Дорогому М. В. Лисенкови одъ харькивцивъ (96 подписей), 41) Від землякивъ зъ Харькова (26 подписей), 42) Видъ украинської харькивської академичной молодежи, 43) М. В. Лисенкови одъ товариства робитныкивъ-аматоривъ украинської штуки пры харькивському народному доми (30 подписей), 44) Одъ профессоръ харьковскаго университета (22 подписи), 45) Видъ одеськихъ землякивъ (60 подписей), 46) Видъ петербургськихъ землякивъ (79 подписей), 47) Видъ «Правленія благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» (адресъ и по-

становленіе объ избраніи юбиляра почетнымъ членомъ общества)

48) Видъ украинської академичної молодіжи зъ Петербургу,

49) Видъ громады украинської академичної молодіжи въ Москві,

50—53) Славному Боянови М. В. Лисенкови украинци зъ Дерпту (4 адреса съ 83 подписями), 54—55) Вельмышановному М. В. Лисенкови зъ Камянця-Подольського (два адреса съ 61 подписью), 56) Земляки зъ Катеринослава, 57) Украинци зъ Катеринослава (10 подписей), 58) Видъ Чорноморської громады (65 подписей), 59) Славному украинському Кобзареві М. В. Лисенкови одъ прыхильныхъ студентивъ-украинцивъ у Новій Олександріи (эпиграфъ изъ Шевченка: «И забудеться срамотня давняя година, и оживе добра слава, слава Украины»...), 60) Земляки зъ Ставрополя-Кавказського (7 подписей), 61) Отъ хора изъ Ставрополя-Кавказскаго, 62) Отъ грузинъ почитателей, 63) Видъ землякивъ изъ Читы (7 подписей), 64) Украинского Бояна витають Черкасци (60 подписей), 65—66) Славному Кобзареві Украины видъ вдячныхъ роменцивъ (два адреса съ 97 подписями), 67) Видъ мыргородськихъ дивчатъ, 68) Видъ землякивъ изъ Звягеля (31 подпись), 69) М. В. Лисенкови въ день 35-го юбилею його музыкальной діяльности видъ Уманськихъ украинцивъ, 70) Высокошановному ювілятові М. В. Лисенкови одъ учнивъ агрономичной школы. 71) М. В. Лисенкови одъ щиро-прихильныхъ Винничанъ (51 подпись) 72) Видъ землякивъ изъ Севастополя, 73) Славному Кобзареві Миколи Лисенкови одъ Барышпольцивъ (89 подписей), 74) Видъ селянъ зъ Еренпокъ киевської губернії сквирського повіту (41 подпись), 75) Видъ шпычинецького (сильського) пивчого гурту (50 подписей), 76) Высокоповажаному Миколи Лисенкови на день юбилею видъ селянъ м. Романивки, 77) «М. В. Лисенкови одъ щирого серця хліборобъ Михайло и дочка його Люба Качурыны приносимо». — Кромѣ того два адреса: 78) Отъ кievскаго городского общественнаго управленія и 79) Отъ золотоношскаго земства—были прочитаны 21 декабря въ городскомъ театрѣ во время представленія оперы «Риздвяна ничь».

Помимо адресовъ, Литературно-Артистическимъ Обществомъ и лично юбиляромъ получена масса телеграммъ и привѣтствій, между прочимъ изъ Америки, Берлина, Лейпцига, Рагузы, отъ

г. г. Направника, Короленка, Лесевича, Шишманова (болгарскій министръ народнаго просвѣщенія), Горлепка, Мышуги, Менцинскаго, Кропивницкаго и Заньковецкой, Ясевичъ-Боролаевской, проф. Кушлевасскаго, Книителя (директора пражской консерваторіи), Лубковской, Прибика (капельмейстеръ одесскаго городского театра), отъ Болгарскаго Музыкальнаго Общества (за подписью проф. Златарскаго), отъ Дирекціи Петербургскаго отдѣленія Императорскаго русскаго музык. Общества (за подписью г. Кюи), отъ Дирекціи Харьковскаго отдѣленія того же Общества, отъ артистовъ, хора и оркестра Варшавской оперы, отъ Московской Музыкально-этнографической Комиссіи (за подписью г. Янчука), отъ ректора Кіевскаго университета, проф. Бобрецака, отъ ректора Новороссійскаго университета, отъ редакцій многихъ газетъ, отъ земскихъ и городскихъ управъ, отъ ученыхъ обществъ и друг.,—всѣхъ телеграммъ было получено около 200.

Конечно, такая масса привѣтствій не могла быть выслушана въ теченіе одного вечера, поэтому большую часть ихъ пришлось къ сожалѣнію, оставить непрочтенными; даже не всѣ делегаты, которые лично присутствовали на торжествѣ, успѣли произнести свои привѣтствія (къ такимъ принадлежатъ, между прочимъ, адреса отъ грузинъ, отъ нѣкоторыхъ крестьянскихъ обществъ и мн. др.). Содержаніе всѣхъ привѣтствій можно резюмировать въ общемъ слѣдующими словами одного изъ крестьянскихъ адресовъ: «Дякуємо Вамъ за Вашу працю певпынну; за те, що насъ, простыхъ людей, не цураєтесь, мови нашої ридної безталанної не забуваєте, що нашу пісню-тугу про наши кривды та недолу Вы на папери списали та на всесвітній судъ выставылы».—Кстати, этой простой, по вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко-вѣрной оцѣнкѣ вполне соответствовали и тѣ вѣнки, которые принесены были крестьянами для возвеличенія своего національнаго композитора: два громадныхъ, безыскусственныхъ, но именно своею безыскусственностью и производящихъ особенное впечатлѣніе вѣнка изъ колосьевъ и полевыхъ цвѣтовъ отъ «меншаго брата» рѣзко выдѣлялись въ массѣ серебряныхъ. Всѣхъ вѣнковъ было поднесено 10; приводимъ надписи на нихъ:

1) Славному украинському Кобзареві Миколи Лисенкови одь Садовського, Саксаганського, Карого и всієї ихъ української труни артыстивъ, 2) Отъ артистовъ театра «Соловцовъ», 3) Отъ кіевскаго городского театра, 4) Отъ фортепіанной фірмы Керятопфъ 5) Славному украинському музици-Бояну складаємо довичну подяку и шану. Заньковецька, Кропивницький, Вольтъ, трупа и оркестръ, 6) Дорогому кобзареві України слава. Видь хора його имени, 7—8) Два вѣнка изъ колосьевъ и полевыхъ цвѣтовъ отъ крестьянъ изъ Барышполя и Романовки, 9) Отъ общества русскихъ драматурговъ, писателей и оперныхъ композиторовъ, и 10) Высокоповажаному Миколи Лисенкови, славному Кобзареві України—Кыивська Народна Авдиторія (поднесень на юбилейномъ концертѣ въ народной аудиторіи).

Чтеніе привѣтствій затынулось почти до 12 часовъ, послѣ чего началась концертная часть. Первымъ въ этомъ отдѣленіи выступилъ знаменитый крестьянскій хоръ изъ с. Охматова подь управленіемъ доктора Демуцкаго и сразу же овладѣлъ слушателями, исполнивъ въ чисто-народномъ духѣ много пѣсень разнообразнаго содержания; затѣмъ кобзарь Терешко Пархоменко пропѣлъ подь аккомпаниментъ бандуры «думу про Морозенка», «Чечитку» и др. Закончился вечеръ двумя хоровыми номерами подь управленіемъ г.г. Яциневича и Стеценка; хоръ послѣдняго исполнилъ написанную г. Стеценкомъ кантату, посвященную Н. В. Лисенку. Концертное отдѣленіе, за исключеніемъ послѣдняго номера, имѣло цѣлью иллюстрировать дѣятельность юбиляра съ этнографической стороны.

Характеристикѣ Н. В. Лисенка, какъ оригинальнаго композитора, былъ посвященъ другой концертъ, состоявшійся 21 декабря въ городскомъ театрѣ. Въ качествѣ исполнителей здѣсь выступили уже оперные пѣвцы и хоръ; исполнителямъ соотвѣтствовала и программа. Концертное утро открылось кантатой въ честь юбиляра, написанной на слова г. Старицкаго г. Горѣловымъ, далѣе слѣдовали: интродукція къ оперѣ «Остання ничъ» (оркестръ) «Доля» (г. Каміонскій), хоръ изъ оперы «Саффо», квинтетъ изъ оперы «Тарасъ Бульба» (г-жи Бѣлевичъ и Ковелькова, г.г. Зи-

новьевъ, Дракули и Каміонскій), гимнъ Геліосу и Венерѣ изъ оперы «Сапфо» (хоръ), дуэтъ изъ оперы «Тарась Бульба» (г-жа Шульгина и г. Секарь-Рожанскій), «Ой люли люли, моя дытыно», «Лугомъ иду» (г. Дейша-Сіоницкая), соло на скрипкѣ (г. Шутманъ) и кантата «Бьютъ пороги», которой и закончился концертъ.

Вечеромъ 21 декабря въ томъ же городскомъ театрѣ состоялся юбилейный спектакль; шла въ первый разъ въ Кіевѣ послѣ долгаго перерыва опера Н. В—ча «Різдвяна ніч», такъ гармонирующая своимъ содержаніемъ и господствующими въ ней мелодіями колядокъ съ приближающимися рождественскими праздниками. Успѣхъ оперы среди публики, наполнившей театръ, былъ несомнѣнный. Юбилера-композитора слушатели и здѣсь привѣтствовали такъ же восторженно, какъ и на концертахъ, часто прерывали исполненіе аплодисментами и заставляли повторять отдѣльные номера. Судя по первому приему, сдѣланному публикой возобновленной оперѣ, можно думать, что она займетъ прочное мѣсто въ репертуарѣ кіевского городского театра; по крайней мѣрѣ въ теченіе праздниковъ опера шла еще четыре раза и каждый разъ при полномъ театрѣ.

Послѣ спектакля почитателями юбиляра былъ устроенъ ужинъ, затянувшійся почти до утра. Участники ужина, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ, въ своихъ рѣчахъ дѣлились впечатлѣніями пережитаго.

С. Ефремовъ.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Просьба подполковника Пугачевского о перемѣнѣ его фамиліи. Проживавшій въ Черниговѣ отставной подполковникъ С. Н. Пугачевскій обратился въ 1810 г. съ просьбой за себя и двухъ братьевъ къ кн. Лобанову-Ростовскому, второму малороссійскому губернатору, о перемѣнѣ своей фамиліи «по близкому подобію фамиліи ихъ съ названіемъ бывшего измѣнника Пугачева». При этомъ онъ просилъ разрѣшить ему носить фамилію Леонтовичъ, каковую носила ихъ мать до замужества. Императоръ Александръ I не счелъ возможнымъ согласиться на такую замѣну, въ виду того, что Леонтовичи—извѣстный дворянскій родъ, а потому и повелѣлъ герольдіи назначить Пугачевскому какую-либо иную, новую, «никакому дворянскому роду не присвоенную фамилію», и, составивъ гербъ, представить на Высочайшее усмотрѣніе. И вотъ начинается переписка и выборъ фамиліи.

Пугачевскій очень обрадовался согласію императора на перемѣну фамиліи. «Я не могу, писалъ онъ кн. Лобанову-Ростовскому, никакими словами изъяснить благодарности за милостивое вашего сіятельства исходатайствованіе высокаго манарнаго благоволенія о перемѣнѣ нынѣшней фамиліи. Покудова жизнь моя продолжится, я и всѣ тѣ, кои будутъ носить новую фамилію, конечно, будутъ всегда чувствовать и ощущать непрестанную живѣйшую благодарность и воспоминаніе къ драгоцѣнному имени вашего сіятельства, столь много облагодетворившему родъ». Далѣе Пугачевскій проситъ ходатайства о перемѣнѣ фамиліи на Александрова. «Я искалъ, пишетъ онъ князю въ сентябрѣ 1810 г., имени, которое было бы наипріятнѣйшее для составленія фамиліи, не присвоенной никакому дворянскому роду, по-

желалъ бы, сіятельнѣйшій князь, къ воспоминаніямъ имени всемило-
 стивѣйшаго Государя, какъ даръ его всецѣдой руки, имѣть фамилію
 Александровъ». Но князь на это не согласился. «Желанію вашему,—
 писалъ онъ,—присвоить фамилію Александровъ споспѣшествовать не
 могу, ибо таковая существуетъ, а герольдія не приняла и перваго на-
 значенія»; съ своей стороны князь предложилъ подполковнику сократить
 свою фамилію, отбросивъ первыя двѣ буквы, и именоваться «Гачевскій».
 Но это Пугачевскому не понравилось. «И такъ, сіятельнѣйшій князь,—
 писалъ онъ,—остается избирать фамилію безъ всякаго предмету хотя
 бы однакожь таковую, чтобы другіе не могли сказать, что я столь
 драгоцѣннымъ случаемъ, особеннымъ благоволеніемъ монаршимъ, худо
 воспользовался. Желаю, сіятельнѣйшій князь, принять фамилію Леони-
 довъ,—кажется, оной въ Россіи нѣтъ, ибо другая извѣстна подъ на-
 званіемъ Леванидовъ». Князь, получивъ это письмо, самъ ужъ пред-
 ложилъ ему фамилію Измаильскаго, въ виду того, что подполковникъ
 Пугачевскій принималъ участіе въ штурмѣ Измаила, гдѣ былъ и ра-
 ненъ. Подполковникъ остался очень доволенъ этой фамиліей. «При-
 нимаю ее съ величайшею благодарностью,—писалъ онъ,—тѣмъ болѣе
 буду сею фамиліею доволенъ, что выборъ оной происходитъ отъ бла-
 годѣтельной руки вашего сіятельства и того участія, которое вы, ми-
 лостивый государь, въ семь дѣлъ столь великодушно пріемлете». На
 этомъ письмѣ оканчивается это дѣло, и неизвѣстно, была ли удовле-
 творена просьба подполковника Пугачевского. Можно предположить,
 что переименованіе состоялось, такъ какъ таковой фамиліи въ то
 время, по крайней мѣрѣ, среди знаменитыхъ родовъ, не было. (Арх.
 полт. губ. правленія по описи № 408).

Сообщ. И. Ф. Павловскій.

**Современная переписка о землетрясеніи въ Малороссіи 14
 окт. 1802 г. I. Письмо графа К. Г. Разумовскаго князю А. Б. Ку-
 ракину.** Вчерашняго дня, по полудни въ часъ и тридцать пять минутъ,
 чувствовано было здѣсь при совершенно ясномъ небѣ и тихой погодѣ
 землетрясеніе, продолжавшееся съ минуту и довольно ощутительнымъ
 показавшееся всѣмъ сидѣвшимъ или лежавшимъ, наипаче же нахо-
 дившимся въ верхнихъ этажахъ, гдѣ всѣ безъ изыятія, даже и ра-
 ботою занимавшіеся люди его чувствовали, такъ что въ превеликомъ
 страхѣ повывѣгали вонъ. Я сообщаю о семъ вашему сіятельству, какъ
 о весьма въ дѣшнемъ краѣ рѣдкомъ и не малаго вниманія заслу-

живающемъ происшествіи, не зная, было ли оно въ томъ мѣстѣ, гдѣ вы пребываніе свое имѣтъ изволите, и подъ какими обстоятельствами было оно тамъ чувствовано. Честь имѣю быть съ отличнымъ къ вамъ почитаніемъ, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорный слуга графъ Разумовскій.

Октября 15, 1802 г. Батуринъ.

II. *Отвѣтъ кн. А. Б. Куракина.* Милостивый государь графъ Кирилль Григорьевичъ! Съ чувствомъ полнѣйшей признательности получилъ почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 15 октября сего мѣсяца. Поставляю долгомъ во взаимности вашему сіятельству донести, что не только здѣсь, но и во всѣхъ окрестностяхъ, сколько понынѣ не получаю я свѣдѣній, 14 текущаго мѣсяца въ одномъ и томъ же часу всюду было чувствуемо, землетрясеніе, но благодаря Провидѣнію, оно не влекло за собой никакихъ пагубныхъ послѣдствій. Пользуясь симъ случаемъ, дозвольте мнѣ, милостивый государь, возобновить въ памяти вашего сіятельства, что всѣ опыты вашего ко мнѣ благорасположенія наполняютъ душу мою чувствованіемъ живѣйшей благодарности и непоколебимаго чистосердечнаго прилепленія, и ничто столь много меня не утѣшитъ, какъ удостовѣреніе о вашемъ здоровьѣ; я надѣюсь воспользоваться первою возможностью узнать сіе лично, представить вамъ мою жену и дѣтей, пріѣхавшихъ нынѣ ко мнѣ, и симъ показать новый опытъ, что особеннѣйшею вмѣняю себѣ честью съ всесовершеннымъ высокопочитаніемъ на всегда быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорн. слугою кн. Куракинъ.

Полтава. 1802 года.

III. *Донесеніе Пирятинскаго нижняго земскаго суда князю Куракину.* Вашему сіятельству Пирятинскій нижній земскій судъ рапортуетъ, что въ истекшей первой половинѣ сего мѣсяца октября во всемъ Пирятинскомъ повѣтѣ состояло благополучно, спокойно и никакихъ важныхъ происшествій и удивительныхъ въ натурѣ дѣйствій, равно и пожарей, не случилось и на пребываніи военныхъ дезертировъ и другихъ сомнительныхъ и безпаспортныхъ ни у кого не оказалось, кромѣ продолжавшагося сего октября 14 числа во второмъ часу сподня черезъ три минуты землетрясенія. Засѣдатель Степанъ Яценко. Октября 16 д. 1802 года. (Арх. полт. губ. правленія по описи № 148).

Сообщ. И. Ф. Павловскій.

Два письма гр. Румянцева-Задунайскаго къ кіевскому оберъ-коменданту Я. В. Ельчанинову ¹⁾. 1) *Отъ 24 января 1776 г. изъ Каинарджи.* Милостивый государь мой Яковъ Васильевичъ! Домъ, въ которомъ живетъ теперь Федоръ Матвѣевичъ, я оставляю въ полное его распоряженіе и ни малѣйше не помышляю тревожить спокойство сего смирнаго моего друга и заслуженнаго человѣка; а вмѣсто оного хотѣлъ бы я знать о выгодахъ тамошняго двора и можно ли мнѣ въ ономъ помѣститься, чего для покорнѣйше васъ прошу прислать ко мнѣ на встрѣчу оному планъ, показавъ особливо въ примѣчаніи, буде есть комнаты такія, кои требуютъ починки, либо что попорченное и изломанное или въ чемъ видимъ недостатокъ въ оныхъ. Я льщу (себя) удовольствіемъ вскорости увидѣть моего любезнаго друга, къ которому преисполненъ я усердія и преданности. Имѣю честь быть в. п.—ва покорнѣйшимъ слугою.

2) *Отъ 12-го февраля того же года изъ Глухова.* Изъ пріятнѣйшаго письма вашего вижу бл...ное и обыкновенное вамъ для всѣхъ гостепримство и для меня оказанное. Я не хотѣлъ бы лучше какъ съ вами и въ домѣ вашемъ жить, зная всѣ въ ономъ для меня выгоды, ежели бы, съ другой стороны, не приносилъ неминувшаго со мною по настоящей моей тамо за дѣломъ бытности безпокойства, коего я ни въ какомъ случаѣ вамъ сдѣлать не желаю, то по сей причинѣ, да и по сносной уже службѣ, хотѣлось бы стать въ тамошнемъ дворцѣ, гдѣ надобное только необходимо число покоевъ приказать лоправить и почистить прошу. Посылая съ симъ архитектора г. Квасова, емь съ совершеннымъ усердіемъ в. п.—ва покорнѣйшимъ слугою.

Изъ архивовъ юго-западнаго вѣя. *Льченіе укушенныхъ бѣшенными животными (способъ Кабанца).* 4 апрѣля 1855 года инспекторъ ревизіонной кавалеріи генераль-отъ-кавалеріи графъ Никитинъ сообщилъ исправляющему должность подольскаго и волинскаго

¹⁾ Указомъ пр. сената отъ 2-го декабря 1775 г. кіевскій генераль-губернаторъ Фед. Матв. Воейковъ былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, а до пріѣзда гр. Румянцева дѣла по управленію губерніей поручены были Я. И. Ельчанинову, который и правилъ этими дѣлами до самой своей смерти 10-го февраля 1781 г.

генераль-губернатора и кievскаго военнаго губернатора князю Васильчикову, что въ госпиталяхъ округовъ военнаго поселенія кавалеріи введенъ способъ лѣченія людей отъ укушенія бѣшенными животными, изобрѣтенный крестьяниномъ Кабанцомъ; всѣ желающіе будутъ пользованы безвозмездно.

Получая приведенное увѣдомленіе и описаніе самаго способа лѣченія, князь Васильчиковъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ за указаніями.

Въ іюнѣ генераль-адъютантъ Бибиковъ увѣдомилъ генераль-губернатора о томъ, что способъ лѣченія былъ уже на разсмотрѣніи медицинскаго совѣта въ декабрѣ 1854 г. и можетъ быть распубликованъ.

Описаніе способа Кабанца: 1) Внутреннее лѣченіе. Укушенному бѣшеннымъ волкомъ или собакою человѣку Кабанецъ даетъ внутрь: сперва порошокъ корня *бѣлаго шильника* съ квасомъ, въ слѣдующей пропорціи—порошка берется 3 раза столько, сколько помѣстится на концѣ обыкновеннаго остроконечнаго столоваго ножа; эти 3 доли всыпаются въ трехунцевый стаканъ, налитый обыкновеннымъ хлѣбнымъ квасомъ, размѣшиваются, и такую смѣсь укушенный выпиваетъ разомъ. Послѣ этого приѣма тотчасъ дается больному такое же количество порошка изъ корня *желтаго шильника* съ квасомъ. Послѣдній приемъ производитъ у больныхъ сильную рвоту, а иногда и поносъ. Когда укушенный успокоится послѣ рвоты, что обыкновенно бываетъ по прошествіи полу или трехъ-четвертей часа, тогда ему дается внутрь съ квасомъ, въ такой же пропорціи, порошокъ корня травы *сухозолотницы*. 2) Наружное лѣченіе. Укушенное, или только оцарапанное бѣшенною собакою мѣсто сперва натирается плотно огнестрѣльнымъ порошкомъ, стертымъ въ мелкій порошокъ, потомъ, въ тотъ же часъ, на укушенное мѣсто насыпается обыкновенный зернистый порошокъ, который должно посредствомъ фитиля, натертаго пороховою мякотью, воспламенить для необходимаго прижиганія укушенной раны.

Далѣе, если будутъ замѣчены подъ языкомъ укушеннаго бѣшенною собакою такъ называемые бѣлые червячки, а правильнѣе бѣленькіе, едва видимые простымъ глазомъ пузырьки, то берется полувлажная суконка, напITYвается съ одной стороны мелко истертымъ огнестрѣльнымъ порошкомъ, вытирается ею вся подъязычная полость до истребленія пузырьковъ. Вытираніе порошкомъ подъ языкомъ дѣ-

лается только одинъ разъ. (Подлинное подписалъ штабъ-докторъ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса статскій совѣтникъ Соколовъ).

21 іюня 1855 года о способѣ Кабанца генераль-губернаторомъ сообщено господамъ губернаторамъ юго-западнаго края.

Сообщ. А. Мёрдеръ.

Музей И. П. Котляревскаго. Въ недавнее время, подъ впечатліемъ торжествъ по поводу открытія памятника И. П. Котляревскому, харьковское историко-филологическое общество пришло къ мысли учредить при своемъ этнографическомъ музеѣ особый отдѣлъ, посвященный памяти родоначальника новой украинской литературы. Въ этотъ отдѣлъ, который впослѣдствіи можетъ быть преобразованъ въ самостоятельный музей, должно войти рѣшительно все, что такъ или иначе связано съ именемъ и памятью знаменитаго писателя, какъ-то: а) подлинныя рукописи Котляревскаго и принадлежавшіе ему предметы; б) его портреты; в) изданія его сочиненій; г) различные рисунки, относящіеся къ его біографіи; д) иллюстраціи къ его произведеніямъ; е) матеріалы для его біографіи, а равно печатныя статьи и изслѣдованія, касающіяся его жизни и дѣятельности; ж) рисунки, изданія и прочіе предметы, относящіеся къ торжествамъ въ честь его, и т. под. Въ настоящее время отдѣлъ музея имени Котляревскаго открытъ, но пополняется онъ слабо, такъ какъ у учёнаго общества нѣтъ средствъ для покупки предметовъ и оно вынуждено разсчитывать, главнымъ образомъ, на пожертвованія со стороны почитателей поэта.

Отъ души привѣтствуя прекрасное начинаніе харьковскаго историко-фил. общества, мы, съ своей стороны, обращаемся къ нашимъ читателямъ съ просьбою оказать ему содѣйствіе присылкою предметовъ, могущихъ войти въ составъ музея, посвященнаго національному генію. Посылки могутъ быть адресованы: въ Харьковъ, въ историко-филологич. общество при университетѣ.

Письмо въ редакцію. Многоуважаемый Господинъ Редакторъ! Въ виду исторической точности, усердно прошу Васъ помѣстить въ журналѣ «Кіевской Старины» нижеслѣдующія строки.

Въ № 45 текущаго года газеты «Областное обозрѣніе и Вѣстникъ казачьихъ войскъ», издаваемой въ Петербургѣ, помѣщена, за

подписью Г. И. Дмитренка, небольшая статья, посвященная памяти послѣдняго кошевого атамана Запорожской Сѣчи, П. И. Кальнишевскаго. Въ этой небольшой статьѣ допущено нѣсколько неточностей, которыя не должны быть оставлены безъ вниманія

Прежде всего въ ней говорится о томъ, будто бы Кальнишевскій былъ выбранъ въ кошевые атаманы 1 января 1765 года.

Это невѣрно: Кальнишевскій выступилъ въ роли кошевого атамана уже съ половины 1762 года, о чемъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая надпись, сдѣланная на евангеліи, принесенномъ имъ самимъ въ даръ Свято-Троицкой церкви с. Пустовойтовки, теперешней полтавской губерніи, роменскаго уѣзда, откуда онъ происходилъ родомъ.

«Сія книга евангеліе въ церковь свято Троицкую. села Пустовойтовки издѣлано стараніемъ и коштомъ войска запорожскаго Низового войскового Судьи нынѣ уже Кошевого Атамана Петра Ивановича Калнишевскаго за здравіе его и за упокой умершаго Івана Агафіи Зиновіи еже въ живыхъ Андрея, Параскавен, Симеона, Андрея и Іосифа еще въ живыхъ пребывающаго, оному жъ Евангелію цена пять сотъ рублей подписана в сѣчѣ запорожской 1762 году іюля 3 дня».

Повидимому эта надпись сдѣлана была, какъ дополненіе, нѣсколько позднѣе двухъ надписей, вырѣзанныхъ раньше,—одной на верхней серебряной доскѣ, другой—на внутреннемъ борту нижней, также серебряной доски.

«Сія книга евангеліе издѣлано коштомъ войска запорожскаго низоваго судіи войскового Петра Ивановича Калнишевскаго. В церковь святотроицкую села Пустовойтовки 1762 году цена жъ оному пять сотъ рублей».

Загѣмъ и неполно и неточно передана у г. Дмитренка надпись, сдѣланная на надгробной плитѣ Кальнишевскаго, лежащей надъ его прахомъ въ Соловецкой обители, возлѣ алтарной части собора.

Вотъ какъ передаетъ ее г. Дмитренко:

«Господь нашъ Іисусъ Христосъ положилъ душу свою на крестѣ за всѣхъ насъ, не хочетъ смерти грѣшника. Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго кошевого бывшей когда-то (?) Запорожской грозной Сичи (?) казаковъ атамана Калнышевскаго, сосланнаго въ сію обитель по Высочайшему повелѣнію 1776 года на смиреніе. Онъ въ 1801 году по Высочайшему повѣленію снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель, въ коей обрелъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина, искренно познавшаго свои вины.

Скончался 1803 года октября 23 дня (?), въ субботу, 112 лѣтъ отъ роду, смертію благочестивою доброю».

Въ 1887 году я посѣтилъ Соловецкій монастырь, довольно долго работалъ въ мѣстномъ архивѣ, видѣлъ могилу Кальнишевскаго, скопировалъ и сфотографировалъ надпись, сдѣланную на его надгробной плитѣ, нашелъ нѣсколько документовъ, проливавшихъ свѣтъ на положеніе страдальца въ мрачной тюрьмѣ, и все это своевременно напечаталъ въ трехъ моихъ трудахъ: „Запорожье въ остаткахъ старины“, „Матеріалы для запорожскихъ козаковъ“, „По слѣдамъ запорожцевъ“.

Вотъ что у меня было напечатано и вотъ что у меня имѣется теперь на фотографическомъ снимкѣ:

„Господь нашъ Иисусъ Христосъ положилъ душу свою на крестѣ за всѣхъ насъ не хочеть смерти грѣшника. Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго Кошевого бывшей некогда запорожской грозной Сѣчи козаковъ атамана Петра Кольнышевскаго, сосланнаго въ сію обитель по Высочайшему повелѣнію въ 1776 году на смиреніе. Онъ въ 1801 году по Высочайшему повелѣнію снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель въ коей обрѣлъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина искренно познавшаго свои вины. Скончался 1803 года октября 31 дня въ Суб. 112 лѣтъ отъ роду, смертію благочестивою доброю. Блаженни мертвіи умирающіи о Господѣ: Аминь 1856 (Адамова голова) А. А.“.

Какъ видимъ, кромѣ недостающаго конца и нѣкоторыхъ мелкихъ неточностей, у г. Дмитренка допущена ошибка въ днѣ кончины Кальнишевскаго: онъ заставляетъ умирать его не 31 октября, а 23-го.

Въ свое время я также хлопоталъ у наследниковъ и издателей „Крестнаго календаря“ А. А. Гатцука занести въ дни кончины замѣчательныхъ людей на 31 октября и фамилію послѣдняго кошевого атамана П. И. Кальнишевскаго, и издатели исполнили мою просьбу.

Также точно невѣрно передана у г. Дмитренка и надпись на томъ замѣчательномъ евангеліи, которое было сооружено Кальнишевскимъ въ обитель св. Преображенія и преподобныхъ Зосима и Савватія (сравни у г. Дмитренка и въ названныхъ моихъ сочиненіяхъ).

Въ 10 № „Кіевской Старины“ также была напечатана статья г. Г. Б. „Ко дню столѣтней кончины П. Кальнишевскаго“.

Перечитывая эту статью, я въ ней также не нашелъ ни полноты, ни точности относительно надписи на плитѣ Кальнишевскаго и оставленныхъ имъ вещей Соловецкой области. Такъ, надгробная над-

пись почему-то у г. Г. Б. приведена не сполна,—безъ трехъ начальныхъ строкъ, хотя день смерти Кальнишевскаго указанъ точно, 31 октября; надпись на евангеліи также не полна и не совсѣмъ точна (сравни „По слѣдамъ запорожцевъ“, стр. 186, и статья Г. Б., стр. 207).

О запрестольномъ четырехъ-конечномъ крестѣ, пожертвованномъ Кальнишевскимъ въ обитель, г. Б. не говоритъ вовсе, а между тѣмъ на немъ имѣется слѣдующая надпись:

«Сей крестъ сдѣланъ вкладомъ Петромъ Ивановымъ Кошевымъ 1794 года, вѣсъ тринадцать фунтовъ (48) сорокъ восемь золотыхъ», т. е. золотниковъ.

О тѣхъ архивныхъ документахъ, которые находятся въ Соловецкомъ монастырѣ и которые касаются личности Кальнишевскаго, г. Г. Б. также умалчиваетъ, хотя онъ и посѣтилъ лично Соловецкую обитель въ настоящемъ году.

Д. И. Зварницкій.

Будаковка, миргородскаго уѣзда.

Колядки. Предлагаемыя колядки, записанныя въ Подольщинѣ, принадлежатъ къ группѣ колядокъ самыхъ древнихъ, касающихся мотивовъ любовно-бытовыхъ, еще не связанныхъ даже съ полународною легендою рождественскою, а имѣющихъ, быть можетъ, древнемиѣологическую основу. Образцы колядокъ этого типа были помѣщены на страницахъ нашего журнала, но предлагаемые номера всё же представляютъ интересъ, какъ любопытные варианты. Особенно интересенъ конецъ 3-ей колядки; мотивъ обѣщанія соколомъ награды молодцу за пощадку жизни не новъ, (хотя все-же довольно рѣдокъ),—но намъ не приходилось встрѣчать его съ такими поэтическими метафорами, какъ упоминаемая въ этой подольской колядкѣ:—душистыя «гатки зеленой мяткы», звонъ «палей въ быти талары» и т. д...

Къ сожалѣнію, колядки записаны, какъ намъ кажется, не совсѣмъ точно, по отношенію къ размѣру стиховъ, едва-ли могущихъ въ такомъ видѣ, какъ они написаны, уложиться въ опредѣленный музыкальный мотивъ; вѣроятно, въ пѣніи эти строки получали одинаковую музыкальную стройность посредствомъ повторенія полустиха, или прибавки частицъ «ой», «та» и другихъ, обыкновенно употребляемыхъ въ этомъ случаѣ при самомъ пѣніи. (Поэтому такъ полезно бываетъ записанную, иногда со словъ, пѣсню— снова провѣрить по пѣнію,

чтобы сгладить невольную неточность записи, выправить её соответственно исполнению въ пѣніи).—Въ помѣщаемыхъ колядкахъ замѣчаются также искаженія самыхъ словъ (б. м. явившіяся и не по винѣ записывавшаго): такъ, наприм., слово *гришная* панна (въ 3-ей строкѣ 1-й колядки) стоитъ, вѣроятно, вмѣсто *гречная* панна,—старое слово, особенно присущее правобережному говору и представляющее довольно обычный эпитетъ старыхъ веснянокъ и колядокъ («гречная панна», «гречный молодець»). Такимъ же искаженіемъ кажется намъ и выраженіе «*терновый* винокъ» (въ концѣ 2-й колядки): обыкновенно употребляется въ старыхъ колядкахъ эпитетъ: «*перловый* винокъ», (или «*навовый* винокъ», но не терновый).

Во всякомъ случаѣ, всѣ три подольскія колядки представляютъ большой интересъ по своему содержанію—колядокъ древнихъ, записи которыхъ особенно желательны, какъ типовъ въ настоящее время уже рѣдкихъ, вытѣсняемыхъ колядками послѣдующихъ типовъ.—«божественными»...

Ред.

№ 1.

Ой въ чыстимъ ноли по край дороги
 Стоить коршомка мурованая,
 А въ тій коршомци гришная (*гречная*) панна,
 Шынкуе вона трома шынкамы:
 (*Що*) Першымъ шынкомъ—солодкымъ медкомъ,
 А другимъ шынкомъ—пывомъ, та выномъ.
 Прыйшли до неи тры товариши;
 Ой пылы, пылы та не платылы,
 А вона у ныхъ заставы взяла:
 (*Въ*) Першого взяла вороного коня,
 (*Въ*) У другого взяла ясну шабельку,
 (*Въ*) У третёго взяла золотый перстеныкъ;
 Вороного коня багеньку дала,
 Ясну шабельку братику дала,
 Золотый перстень сама сходыла.
 За цимъ-же словомъ бувай-же здорова...

№ 2.

А въ субботу та пораненьку
 Рано встала ¹⁾, косу чесала;

¹⁾ Должно быть имя дѣвушки (напр. „Ганнуся встала косу чесала“).

Прійшли до неѣ подругы іѣ:
 — Кыдай, (*Ганусю?*) косу чесаты
 Та иды зѣ намы колядуваты.
 — Подругы мои, нѣколы мени;
 Бо мѣй братикѣ (*братичокѣ*) зѣ войны прѣйихавѣ,
 Прывизѣ (*винѣ*) мени тры подарочки:
 Першый подарокѣ—золотый перстень,
 Другый подарокѣ—терновый (*перловый*) винокѣ,
 Третій подарокѣ зеленая шуба. !
 Золотый перстень на руци сѣе,
 Терновый винокѣ голову стеле,
 Зеленая шуба слидѣ замитае.

№ 3.

Надѣ дворомѣ, дворомѣ,
 Надѣ сынимѣ моремѣ,
 Стоить дерево тонке, высоке, (2?)
 Лыстомѣ шыроке.
 Лыстомѣ шыроке, верхомѣ кучеряве,
 А на тыхѣ кучерахѣ соколы сыдятѣ.
 Красный панычѣ нашѣ лукѣ направляе, (2?)
 Соколивѣ стриляе;
 А воны его хороше просятѣ:
 — Красный панычу, не стріляй-же насѣ,
 Не стріляй-же насѣ, не збавляй-же насѣ,—
 Мы-жѣ тоби станемѣ вѣ великій прыгоди:
 (*Ой*) Якѣ ты будешѣ молодой (*молодѣ*) женытѣся,
 Якѣ ты будешѣ зѣ своею панею йихатѣ,—
 Зазвенятѣ пали вѣ быти талѣри,
 Запахнутѣ гѣткы зеленоѣ мѣткы,
 Зацвигутѣ поля сынимѣ дженжуромѣ.

(Собралѣ А. Грѣпачевскій,—вѣ с. Мизѣяк. Хуторахѣ, винницкаѣго уѣзда).

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ дополненіе къ раньше при-
сланнымъ въ нашу редакцію 4852 р. 83 к. (см. № 12-й 1903 г.,
стр. 141—143) для поднесенія подарка Н. В. Лисенку въ деш
празднованія 35-тилѣтія его музыкальной дѣятельности, вновь по-
ступило: 1) Е. К. Тимченко—3 р.; 2) М. Н. Тимченко—3 р.;
3) Ю. Л. Крамаренко—5 р.; 4) З. И. Краковецкій—5 р.; 5) З.
и И. Мѣрные—5 р.; 6) П. Р. Тимошокъ—5 р.; 7) И. Ф. Винда—
5 р.; 8) А. П. Пучковскій—3 р.; 9) Х. В. Бѣлицкій—3 р.;
10) П. А. Стаховскій—3 р.; 11) И. Ф. Захарьевичъ—3 р.; 12)
З. Г. Краковецкая—2 р.; 13) П. Г. Петрушевскій—2 р.; 14) А.
Ө. Лащенко—2 р.; 15) Л. Ф. Жеребка—2 р.; 16) Н. И. Гля-
дѣй—2 р.; 17) П. Ө. Куринный—2 р.; 18) С. Я. Хотскій—2 р.;
19) В. И. Вишневскій—2 р.; 20) Г. П. Кушаковъ—2 р.; 21) Ф.
И. Колесницкій—2 р.; 22) В. К. Лисовскій—2 р.; 23) К. А. Ка-
линовскій—2 р.; 24) Я. С. Этингеръ—2 р.; 25) А. І. Фель-
манъ—1 р.; 26) Л. Т. Терлецкая—1 р.; 27) Ф. И. Савченко-
Боженко—1 р.; 28) А. И. Тарубаровъ—1 р.; 29) С. Р. Френ-
кель—1 р.; 30) И. Г. Дергунъ—1 р.; 31) В. А. Пашковскій—
1 р.; 32) С. Л. Логовинскій—1 р.; 33) Колпакчи—1 р.; 34) Л.
Ф. Пархоменко—1 р.; 35) Ф. А. Фаевъ—1 р.; 36) Н. Г. Бѣ-
лый—1 р.; 37) Г. И. Калиновскій—1 р.; 38) В. И. Попель—1 р.;
39) А. С. Гончаренко—1 р.; 40) Н. И. Кожемяка—1 р.; 41) А.
И. Назаревскій—50 к.; 42) Н. И. Пятковскій—50 к.; 43) Гнатъ
Яструбецькый—5 р.; 44) И. Римаревскій—2 р.; 45) К. М.—1 р.;
46) М. Н. Требинская—5 р.; 47) П. Скрипчинскій—1 р.; 48)
П. Д. С.—1 р.; 49) А. И. Штишевскій—3 р.; 50) А. Т. Уша-
новъ—1 р.; 51) Б. С. Познанскій—10 р.; 52) М. Н. Качура—
5 р.; 53) Изъ Лубенъ выручен. со спектакля—54 р.; 54) С. И.
Андрущукъ—5 р.; 55) Я. Г. Демченко—100 р.; 56) В. В. Тар-
новскій—100 р.; 57) С. В. Глишка—25 р.; 58) Я. О. Ботви-
новскій—1 р.; 59) С. А. Ширай—10 р.; 60) М. Цибульскій—
2 р.; 61) Н. В. Гвоздикъ—5 р.; 62) С. А. Д. (изъ Бѣлостока)—
5 р.; 63) Ж-къ, З-ць, М-въ, Кт-ій (изъ Симферополя)—3 р.;
64) Туробойскій—25 р.; 65) Александровичъ—25 р.; 66) Пан-
кевичъ—5 р.; 67) Витвицкій—5 р.; 68) Яциневичъ—5 р.; 69) Ка-
нивецкій—3 р.; 70) Селюкъ—2 р.; 71) Лиле 5 р.; 72) Тим-
ченко—2 р.; 73) Николаевъ—5 р.; 74) Липко—2 р.; 75) Се-
реда—6 р.; 76) Гоніондзскій—5 р.; 77) Листовничій—5 р.; 78)

И. П. Боллобашъ—75 р.; 79) А. С. Толочинъ—15 р.; 80) А. И. Гдѣшинскій—3 р.; 81) Г. И. Грушевскій—3 р.; 82) Ивановъ—1 р.; 83) В. П. Солуха—2 р.; 84) Павловъ—1 р.; 85) Б. С. Хаимовскій—3 р.; 86) С. Ф. Мизецкій—1 р.; 87) NN (изъ Златополя)—1 р.; 88) Г. Ф. Замедянскій—1 р.; 89) Новицкій—5 р.; 90) О. І. Мѣрный—2 р.; 91) Л. И. Воеводскій—1 р.; 92) Е. М. Брикманъ—3 р.; 93) Ксеп. Заіончковскій—2 р.; 94) Г. Е. Линчикъ—2 р.; 95) С. Г. Метъ—1 р.; 96) Н. П. Чернушевичъ—3 р.; 97) П. Г. Турчановичъ—1 р.; 98) С. Л. Гальперинъ—1 р.; 99) Бѣлевичъ—3 р.; 100) Мыслицкій—3 р.; 101) Н. И. Любистковъ—1 р.; 102) В. Скрипчинскій—1 р. 50 к.; 103) отъ почитателей изъ с. Богачки—4 р. 20 к.; 104) изъ товариства «Днистеръ»: урядныкы «Днистра 50 кор. 70 сот., укр-руськы товариства въ Перемышли 100 кор., укр.-руськы товариства въ Тернополи 100 кор., кружокъ украин. дивчаты у Львови, 30 кор., о. Н. Кумаповскій—10 кор., Иванъ Цурковскій 4 кор., В. Федоровичъ 2 кор., о. Иванъ Иванчукъ 2 кор., Петро Давидовскій 1 кор., И. Яремкевичъ 30 сот.,—всего 300 кор., т. е. 118 р. 60 к.; 105) М. К. Запковецкая—25 р.; 106) М. Л. Кропивницкій—25 р.; 107) Русыны мѣста Ярослава—19 р.; 108) Л. А. Ждановъ—10 р.; 109) В. В. Боржковскій—3 р.; 110) З. А. Линдфорсъ—10 р.; 111) Ив. и Вѣра Храпаль—2 р.; 112) М. Леоптовичъ—7 р.; 113) Ел. Клопотовскій—1 р.; 114) Тульчинци—4 р. 10 к.; 115) М. К. Васильевъ—50 р.; 116) Л. А. Бокій—10 р.; 117) Черезъ Наукове Товар. имени Шевченка: Тов. им. Шевченка 253 кор., М. Грушевскій 20 кор., д-ръ І. Франко—20 кор., Ол. Борковскій—3 кор., Ол. Барвинскій—10 кор., В. Биленькій—2 кор., Б. Барвинскій—2 кор., І. Чапельскій—3 кор., А. Хойнацкій—5 кор., Е. Харкевичъ—10 кор., Л. Цегельскій—2 кор., А. Дольныцкій—3 кор., С. Днистрянскій—4 кор., С. Федякъ—10 кор., С. Громшыцкій—4 кор., О. Ганинчакъ—2 кор., Т. Грушкевичъ—2 кор., Я Грушкевичъ—2 кор., В. Гнатюкъ—5 кор., І. Ясеницкій—5 кор., К. Ерми—5 кор., В. Коцовскій—3 кор., І. Кокорудъ—4 кор., О. Колесса—10 кор., Я. Кулачковскій—2 кор., Л. Коссакъ—5 кор., Г. Кысиль—2 кор., В. Левицкій—а кор., М. Лужныцкій—1 кор., І. Макухъ—5 кор., В. Нагирный—5 кор., П. Огоповскій—4 кор., Г. Огоповскій—4 кор., Е. Озаркевичъ—3 кор., К. Паньківскій—10 кор.

Ю Романчукъ—10 кор., С. Рудныцькій—4 кор., Т. Реваковичъ—10 кор., І. Рудовичъ—2 кор., Д. Савчукъ—3 кор., О. Стефановичъ—4 кор., Ш. Сельський—10 кор., М. Шухевичъ—3 кор., К. Студинський 11 кор., Ю. Сичинський—5 кор., В. Тиховський—4 кор.,—всего 500 кор., т. е. 197 руб.; 118) С. И. Эрастовъ—5 р.; 119) Н. В. Левитскій—5 р.; 120) Х. П. Олейниковъ—10 р.; 121) Ю. Ю. Цвѣтковскій—15 р.; 122) С. Исакова—5 р.; 123) Л. Кардиналовская—5 р.; 124) В. И. Бордычевская—1 р.; 125) А. Ш-ха—15 р.; 126) Н. А. Добротворскій—10 р.; 127) А. Л. Глѣбовъ—3 р.; 128) С. Е. Струменскій—2 р. 90 к.; 129) Н. Я. Константиновичъ—10 р.; 130) Бар. Ф. Р. Штейнгель—10 р.; 131) Япченко—10 р.; 132) М. О. Лободовскій—3 р.; 133) О. И. Л.—10 р.; 134) видъ Черкасцивъ—20 р., 135) докт. Г. Ф. Писемскій—15 р. 65 к.,—всего вмѣстѣ съ прежними 6159 р. 78 к. Изъ этихъ денегъ 286 р. присланы билетомъ Дворянскаго съ выигрышами займа, 1000 р. предназначена, согласно волѣ жертвователя, на изданіе произведеній Н. В. Лисенка, а остальная сумма въ размѣрѣ 4873 р. 78 к., къ которымъ будутъ присоединены всѣ дальнѣйшія присылки, будетъ употреблена на приобрѣтеніе для Н. В. Лисенка, по его выбору, дачной усадьбы вблизи Кіева, гдѣ-бы онъ могъ въ лѣтнее время найти для себя отдыхъ послѣ тяжелаго зимняго труда.

Сверхъ того, во время праздновація юбилея нѣкоторыми почитателями юбиляра было прислано въ нашу редакцію 207 р. 49 к., какъ основа капитала для созданія въ Кіевѣ музыкальной школы имени Н. В. Лисенка.

Текуція извѣстія.

Къ чествованію 35-лѣтняго юбилея Н. В. Лисенка. Кромѣ двухъ пунктовъ,—Львова и Кіева,—въ которыхъ состоялись очень торжественныя празднества въ честь 35-тилѣтія музыкальной дѣятельности нашего талантливаго композитора и собирателя народныхъ украинскихъ мотивовъ, Н. В. Лисенка, и о которыхъ мы дали отчетъ въ особой статьѣ (см. отд. 1-й),—болѣе скромныя празднества состоялись до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, и въ другихъ городахъ.—Такъ, у насъ въ рукахъ имѣется программа «хорового русско-малорус-

скаго концерта» подъ управленіемъ А. Кошица, въ г. Ставрополѣ; концертъ этотъ состоялся по поводу юбилея Н. В. Лисенка 15-го декабря. Въ составѣ номеровъ, исполненныхъ въ этотъ вечеръ, были: 1) «Иванъ Гусь», изъ поэмы Т. Шевченка, муз. Лисенка; 2) Гей по морю сынѣму», народная пѣсня, аранжиров. Лисенкомъ; 3) „Про Куперьяна», народная пѣсня, аранжир. Лисенкомъ; 4) «Ой що жъ бо то за воронъ», народн. пѣсня, аранжир. Лисенкомъ; 5) «Ой у поли тры крыныченькы», народная пѣсня, аранжиров. Лисенкомъ; 6) «Ой тысяча симсотъ девяносто першого року», народная пѣсня, аранжиров. А. Кошицемъ;—7) „Журавель“, народная пѣсня, аранжиров. Кошицемъ. — Въ г. Лубнахъ (полт. губ.) состоялся спектакль въ честь юбиляра; поставлена была піеса Л. А. Яновской «Лисова квитка» любительскими силами.

Кромѣ того, намъ извѣстно, что Кіевское Общество Грамотности постановило устроить народный концертъ въ честь юбиляра; концертъ этотъ, какъ предполагается, состоится 18-го февраля въ театрѣ Кіевского Общества Грамотности. Въ Петербургѣ, какъ мы слышали, состоится концертъ въ честь Н. В. Лисенка, на второй недѣлѣ великаго поста.

Неизданныя сочиненія В. Н. Каразина. Проф. Д. И. Багалъйи внесъ въ совѣтъ университета докладъ, въ которомъ предлагалъ ознаменовать открытіе памятника В. Н. Каразину, положившему основаніе харьковскаго университета, изданіемъ въ свѣтъ полного собранія его сочиненій и писемъ. Проф. Багалъйи указываетъ, что В. Н. Каразину принадлежит цѣлый рядъ трудовъ, имѣющихъ большой общественный и научно-литературный интересъ. Они касаются самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и тѣснымъ образомъ связаны съ его широкою общественною дѣятельностью. Не будучи ученымъ по профессіи, В. Н. Каразинъ въ то же время съ любовью занимался нѣкоторыми науками, имѣлъ химическую лабораторію и метеорологическую станцію въ своемъ селеніи Крючикѣ и сдѣлалъ нѣсколько работъ, которыя представляли и практическій интересъ. Въ области метеорологіи онъ въ Южной Россіи предварилъ нѣкоторыя позднѣйшія изысканія. Его прекрасные научные опыты, выразившіеся въ устройствѣ опытнаго поля, представляютъ значительный интересъ, также точно, какъ и вся его дѣятельность по основанному и руководимому имъ филотехническому обществу. Большой интересъ представляютъ и его записки полити-

ческаго характера. Заслуживаютъ изданія и его письма, въ которыхъ проявились его характеръ и кипучая натура. Между тѣмъ, до сихъ поръ все это богатое умственное наслѣдіе, можно сказать, оставалось подъ спудомъ, ибо частью вовсе не было издано, а частью было напечатано въ такихъ повременныхъ изданіяхъ, которыя имѣются только въ Императорской публичной библіотекѣ и представляютъ величайшую библіографическую рѣдкость. Собранія же его сочиненій, даже неполнаго, не было.

Проф. Багалъй, предлагая собрать и издать сочиненія В. Н. Каразина, полагалъ, что сумма, затраченная на это, будетъ выручена цѣликомъ отъ продажи сочиненія, и высказалъ желаніе, чтобы она предназначена была на какое-либо просвѣтительное дѣло, связанное съ именемъ В. Н. Каразина, напр., для учрежденія премии его имени для студентовъ за лучшія работы по исторіи и современному состоянію столь любимой имъ «Украины», подъ которою онъ разумѣлъ нынѣшнюю харьковскую губернію.

По обсужденіи этого предложенія, совѣтъ университета призналъ изданіе сочиненій и писемъ В. Н. Каразина желательнымъ и постановилъ: 1) присоединить къ числу намѣченныхъ совѣтомъ университета юбилейныхъ изданій—изданіе полного сборника сочиненій и писемъ В. Н. Каразина, 2) просить проф. Д. И. Багалъя принять на себя трудъ по собиранію сочиненій и писемъ В. Н. Каразина и по редактированію этого сборника, 3) внести въ смѣту спеціальныхъ средствъ университета 1,500 руб. на расходы по этому изданію и 4) сумму, какая имѣетъ быть выручена отъ продажи сборника сочиненій и писемъ В. Н. Каразина, обратить на какое-либо просвѣтительное дѣло, связанное съ именемъ Каразина, согласно предложенію проф. Д. И. Багалъя.

Крестьяне-артисты. По словамъ «Полт. Вѣст.» въ лохвицкомъ уѣздѣ, по инициативѣ самихъ крестьянъ, образовались три народныя труппы, прекрасно ставяція малороссійскіе спектакли. Въ составѣ этихъ труппъ нѣтъ ни единого дипломированнаго интеллигента, въ нихъ участвуетъ исключительно крестьянская молодежь, состоящая изъ бывшихъ и настоящихъ учениковъ земскихъ школъ.

М. Л. Кропивницкій взялъ на себя высшее руководство этими народными артистами, и талантливость, вдумчивое отношеніе къ дѣлу

и пониманіе изображаемыхъ типовъ невольно останавливаютъ вниманіе каждаго, кто видѣлъ игру лохвицкихъ актеровъ-крестьянъ.

Безплатный сельскій спектакль. Дѣлю народнаго украинскаго театра въ селахъ начинаетъ все сильнѣе развиваться. Такъ, у насъ въ рукахъ есть афиша о состоявшихся 6 и 7 декабря прошлаго года спектакляхъ въ с. Жеребцѣ, александровск. уѣзда. Поставлена была кружкомъ любителей драматическаго искусства извѣстная пьеса Карпенка-Карого «Бурлаки». Входъ на оба спектакля былъ безплатный. Представленія происходили въ домѣ сельскаго общества.

Украинскій театр въ Кіевѣ. Съ конца ноябрю въ Кіевѣ гоститъ малорусская труппа А. К. Саксаганскаго и Н. К. Садовскаго. Какъ по своему составу (г-жи: Борисоглѣбская, Войцеховская, Липницкая, Онищенко, Садовская, Сулова, Тобиловичъ и др.; г.г. Дзбановскій, Зайченко, Карпенко-Карый, Ласкавый, Панкивскій, Позняченко, Садовскій, Саксаганскій, Чечорскій и др.), такъ и по серіозности отношенія къ дѣлу, отмѣченной глубокимъ сознаниемъ возможности служенія родному искусству,—эта труппа удовлетворяетъ самымъ высокимъ требованіямъ, которыя могутъ предъявляться къ театру. Въ самомъ дѣлѣ, наличность крупныхъ, могущихъ сдѣлать честь любому европейскому театру талантовъ, рядъ молодыхъ многообѣщающихъ силъ, носящихъ слѣды серіозной школы, тщательность постановки пьесъ, вообще вполне художественный ансамбль,—ставитъ труппу такихъ опытныхъ и умѣлыхъ режиссеровъ, какъ г.г. Саксаганскій и Садовскій на первое мѣсто.—Что касается репертуара, то онъ, отличаясь, за нѣкоторыя незначительными исключеніями, строгимъ подборомъ прежнихъ пьесъ извѣстныхъ драматурговъ,—правда не вполне использованныхъ,—даетъ намъ и нѣсколько новинокъ, заслуживающихъ полнаго вниманія. Кіевляне уже имѣли возможность познакомиться и оцѣнить историческую драму г. Карпенка-Карого: «Гандзя», являющуюся немалымъ приобрѣтеніемъ для украинской сцены. На очереди стоитъ пьеса того-же автора: «Суета». Интересъ и жизненность сюжета—отношеніе отцовъ и дѣтей—возбуждаютъ всеобщее вниманіе къ новому произведенію этого, по выраженію г. Франка, «першого нині майстера на полі української драматичної літератури». Далѣе пойдетъ пьеса г. Франка—«Украдене щастя». Это первый опытъ познакомиться

украинскую публику съ творчествомъ галицкихъ авторовъ. Имя Франка, художественная постановка нашей труппы,—все это является залогомъ успѣха этого перваго важнаго шага. Ограничиваемся теперь краткимъ упоминаніемъ, такъ какъ въ одной изъ ближайшихъ книгъ мы намѣрены подробнѣе остановиться на новинкахъ украинскаго репертуара, которыми подарила насъ гостящая труппа.

Сердечно привѣтствуя дорогихъ гостей и принося искреннюю благодарность отъ лица украинской публики за высокое эстетическое удовольствіе, доставляемое ихъ талантливой игрой, мы отъ души желаемъ имъ силъ еще много и много лѣтъ съ прежней бодростью отдаваться самоотверженному служенію украинской сценѣ, являясь ея украшеніемъ, и смѣло идти на встрѣчу лучшему будущему родного искусства.

Полтавское общество взаимопомощи въ Петербургѣ. Какъ сообщаетъ «Полт. Вѣстн.» (№ 290), 1 декабря начало функционировать вновь организованное въ Петербургѣ Полтавское общество взаимопомощи, устроенное полтавцами—учащими въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы. Члены-учредители этого общества рѣшили включить въ составъ своего общества всѣхъ петербургскихъ студентовъ—уроженцевъ полтавской губерніи, а также и всѣхъ тѣхъ, кому пришлось учиться въ учебныхъ заведеніяхъ полтавской губерніи. Вслѣдствіе этого число членовъ общества значительно превысило цифру 120, каковая намѣчена была раньше. Увеличеніе-же числа участниковъ общества повлекло за собою уменьшеніе взноса ихъ. По окончательному рѣшенію участниковъ общества, каждый изъ нихъ вносить при своемъ вступленіи въ общество одновременно 50 копѣекъ. Кромѣ взносовъ участниковъ общества, суммы его пополняются частью доходовъ отъ устраиваемыхъ въ Полтавѣ студенческихъ вечеровъ,—что доставить рублей 300—400 въ годъ, а также пожертвованіями нѣкоторыхъ благотворителей, каковыя предвидятся уже. Капиталь общества раздѣляется на двѣ части—запасный и оборотный; запасный капиталъ составляютъ 25% всего капитала общества. Ссуды выдаются незначительныя—60 рублей—безсрочно, т. е. до окончанія учебнаго заведенія и поступленія на службу дѣлающаго заемъ. Кассиръ общества, его помощникъ и члены совѣта—уже избраны. На будущее время рѣшено, чтобы новые члены вступали въ общество не иначе, какъ по

рекомендаціи трехъ членовъ учредителей. Въ февралѣ 1904 г. будетъ образована ревизіонная коммиссія, которая и произведетъ ревизію суммъ общества къ 1 марта 1904 года.

Конкурсъ галицко-русскаго благотворительнаго общества въ Петербургѣ. Галицко-русское благотворительное общество объявило конкурсъ на премію въ 200 рублей за лучшее популярное сочиненіе о дѣятельности св. митрополита Петра въ дѣлѣ объединенія русской земли. Срокъ представленія сочиненій на конкурсъ—1 ноября 1904 г.

Засѣданіе предварительнаго комитета по устройству археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ. 11-го декабря въ квартирѣ губернскаго предводителя дворянства М. И. Миклашевскаго состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству археологическаго съѣзда. Секретарь комитета Я. Г. Гололобовъ доложилъ о томъ, что имъ были разосланы въ количествѣ 4 тысячъ экземпляровъ программы, какъ по собиранію древностей, такъ и по этнографіи; программы эти разосланы въ разныя мѣста губерніи. На многіе изъ нихъ получены отвѣты. Главнымъ образомъ отвѣты получены отъ учителей и завѣдующихъ земскими и церковно-приходскими школами, есть также отвѣты и отъ частныхъ лицъ. Послѣ этого профессоръ Д. И. Эварницкій прочелъ свой докладъ о произведенныхъ имъ въ новомосковскомъ и верхнеднѣпровскомъ уѣздахъ раскопкахъ, о его изслѣдованіяхъ запорожской старины въ нѣсколькихъ селеніяхъ и добытыхъ имъ предметахъ запорожской старины для музея. Чрезвычайно живо и интересно составленный докладъ былъ прослушанъ съ большимъ вниманіемъ и вызвалъ большой интересъ въ слушателяхъ.

О раскопкахъ и приобрѣтеніяхъ для областного музея въ Екатеринославѣ, сдѣланныхъ профессоромъ Д. И. Эварницкимъ. Профессоръ Д. И. Эварницкій возвратился изъ полтавской губерніи въ Екатеринославъ и привезъ съ собою цѣлый рядъ чрезвычайно цѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ, частью найденныхъ имъ при раскопкахъ, частью подаренныхъ ему разными лицами.

Чудной работы бюстъ Г. А. Шевченко, вытѣпленный изъ глины подь бронзу въ миргородской художественной, имени Гоголя, школѣ по указаніямъ академика Балавинскаго. Запорожская рушница (ружье) художественно отдѣланная слоновою и черной костью съ инкрустациями. Ружье это подарено профессору Д. И. Эварницкому М. Н. Стеблинъ-Каменскимъ; старинный XVIII вѣка графинъ, съ трехъ сторонъ орнаментированный, вполне сохранившійся; кофейникъ фарфоровый, двухцвѣтный съ густой позолотой; древній стеклянный графинчикъ съ кадуцеємъ и деревьями по бокамъ. Старинная запорожская *молька*, большое желѣзное копье съ изображеніемъ на немъ двуглаваго орла; двѣ мѣдныя рѣдкостныя запорожскія чернильницы; коллекція малоросійскихъ писанокъ. Голубокъ, вырѣзанный съ крыльями и перьями изъ одного куска дерева (чудо кустарнаго издѣлія). Нѣсколько бронзовыхъ трехгранныхъ стрѣлокъ изъ кургана въ имѣніи Бадаковка, миргородскаго уѣзда. Древній планъ Россійской имперіи съ обозначеніемъ на немъ шедшихъ черезъ Запорожье шляховъ, нынѣ вслѣдствіе проведенія желѣзной дороги затерянныхъ. Фотографіи коллекцій найденныхъ профессоромъ каменныхъ бабъ. Фотографическій снимокъ единственной въ мірѣ бронзовой вазы, найденной профессоромъ при раскопкахъ кургана въ херсонской губерніи (ваза отправлена профессоромъ въ Императорскій эрмитажъ). Каменный шлифованный молотокъ—совершенное произведеніе каменнаго вѣка. Отбойникъ кремневый палеолитическаго періода. 10 куренныхъ печатей; гербъ митрополита Петра Могилы; коллекція фотографическихъ снимковъ рѣзныхъ статуй апостоловъ, украшавшихъ запорожскую церковь XVIII столѣтія. Планъ города Кафы (Ѳеодосіи). Всѣ перечисленные предметы принесены профессоромъ въ даръ областному музею.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Постановленія „Народнаго зъязда“ во Львовѣ. 8 дек. нов. ст. состоялся во Львовѣ «Народный зъяздъ», который постановилъ: 1) «Народный зъяздъ» одобряетъ выходъ русинскихъ пословъ изъ сейма и сложеніе съ себя посольскихъ полномочій. 2) «Народный зъяздъ» приглашаетъ всѣ свои организаціи употребить всевозможныя усилія, чтобы вторично были выбраны тѣ-же самые послы. 3) «Народный зъяздъ» поручаетъ русинскимъ посламъ «рады державной» употре-

бить все самыя острыя парламентарныя средства противъ польскихъ главарей и австрійскаго правительства для указанія крайняго неудовлетворенія русинскаго народа своимъ политическимъ положеніемъ, ставя на видъ желаніе какъ можно далѣе простирающейся національной автономіи въ русинскихъ земляхъ Галичины.

Рѣчь посла Василька въ засѣданіи австрійской делегаціи.

Большое впечатлѣніе произвела рѣчь посла Василька 6 декабря въ засѣданіи австрійской делегаціи. Выдающіеся нѣмецкіе органы печати, напр. «Neue fr. Presse», «Fremdenblatt», помѣстили подробное содержаніе этой рѣчи, чѣмъ доказывается важность значенія ея. Сущность рѣчи посла Василька сводилась къ тому, что чешскій посоль д-ръ Крамаржъ, нападая на австрійскій централизмъ, стоялъ за автономію отдѣльныхъ краевъ, между тѣмъ какъ, по словамъ Василька, русины и въ Галичинѣ и въ Буковинѣ гораздо меньше терпятъ отъ остатковъ нѣмецкаго централизма, нежели отъ того централизма, который господствуетъ въ ихнемъ краѣ. Для доказательства своей мысли онъ сослался на то, что чешскій посоль жалуется на отсутствіе въ Моравіи чешскаго университета, а между тѣмъ Русины, одинъ изъ наиболѣе численныхъ народовъ въ Австріи, еще и до сихъ поръ должны вести упорную борьбу за право имѣть свои среднія школы съ преподаваніемъ въ нихъ на родномъ языкѣ. Ввиду всеѣхъ этихъ тяжестей «краевого централизма», Русины ни въ какомъ случаѣ не согласятся на переустройство Австріи въ федерацію автономныхъ краевъ, опирающихся на такъ называемыя историческія основы, т. е. тогда Галичина оказалась-бы вполне польскою державою. Но русины охотно пристанутъ къ идеѣ *автономіи народовъ*.

Къ созданію русинскаго театра во Львовѣ. Сознвая потребность въ созданіи самостоятельнаго русинскаго театра во Львовѣ, еще въ 1886 году въ товариствѣ «Просвита» начался сборъ пожертвованій для этой цѣли, которыя къ 1901 году достигли всего суммы 64 тыс. коронъ. Въ настоящее время комитетъ по постройкѣ театра рѣшается весною 1904 годъ приступить къ осуществленію заветной мечты. Мѣсто для театра уже приобрѣтено и разрабатывается теперь планъ зданія за 1000 мѣстъ. Стоимость постройки, вмѣстѣ со стоимостью мѣста, обойдется въ 1 миллионъ коронъ (400 тыс. рублей). Для

пополненія этой суммы предполагается получить: 300 тыс. коронъ изъ общественныхъ фондовъ, 300 тыс. коронъ—гипотечный кредитъ, и около 80 тыс. коронъ имѣющихся въ наличности. Недостающія 300 съ лишнимъ тысячъ коронъ должны быть собраны путемъ пожертвованій, для чего въ настоящее время комитетъ обратился съ воззваніемъ ко всѣмъ русинамъ: «най каждый, хто любить Украину-Русь, кыне свою лепту на народный театр».

Академичный Димъ у Львови. Въ газетѣ «Дило» (№ 287) напечатана подъ этимъ заглавіемъ статья проф. М. Грушевскаго, изъ которой узнаемъ, что дѣло созданія во Львовѣ дома, гдѣ могла-бы устроиться для житья Львовская академическая молодежь, преимущественно студенты-русины, подвигается впередъ. Молодежи этой приходится теперь очень часто жить во Львовѣ тяжелыми заработками, лишаящими ее возможности вести правильно свои научныя работы. Еще въ 1902 г., когда совершился извѣстный выходъ (сецессія) русинской молодежи изъ Львовскаго университета и когда для помощи ей стали собираться средства, проф. М. Грушевскій, по минованіи остроты положенія, предложилъ остатокъ фондовъ, предназначавшихся для студентовъ-сецессіонистовъ, употребить для основанія перваго русинскаго академичнаго дома во Львовѣ, гдѣ находились-бы квартиры для учащейся молодежи, читальня, столовая и студенческая зала для собраний. Остатокъ этого *сецессійнаго фонда* пошелъ на другія нужды, но мысль М. Грушевскаго была поддержана частными жертвователями. Въ настоящее время имѣется для этого дѣла 70 тыс. коронъ, такъ что въ 1904 году специально избранный комитетъ разсчитываетъ приступить къ постройкѣ дома, который, вмѣстѣ съ покупкой мѣста (36 т. коронъ) обойдется приблизительно отъ 120 до 130 тыс. коронъ.

Необходимое опроверженіе. Въ одномъ изъ № «Вѣстн. Юга» я, на основаніи сообщенныхъ мнѣ свѣдѣній, помѣстилъ замѣтку о болѣзни глазами извѣстнаго писателя Ив. Франка, которому предстоитъ якобы серьезная операція, и что онъ благодаря болѣзни находится безъ средствъ къ жизни, такъ какъ добывалъ ихъ исключительно литературнымъ трудомъ. Свѣдѣнія эти были доставлены мнѣ лицомъ, которому я не имѣлъ ни малѣйшаго основанія не вѣрить (это довольно

извѣстный украинскій писатель). Въ настоящее время я имѣю сообщеніе изъ Кіева отъ лица, бывшаго въ половинѣ ноября заграницей и посѣтившаго «больного». Это второе сообщеніе гласить, что «у Франка болятъ очи, але не такъ, якъ отсе по газетахъ пышуть; се хтось выдравъ стару звистку про той часъ, якъ винъ гоивъ очи и роблено йому операцію». Далѣе этотъ второй корреспондентъ сообщаетъ, что онъ совершилъ даже поѣздку совмѣстно съ Франкомъ изъ Львова въ Вѣну по своему дѣлу.

Такимъ образомъ сообщеніе о серьезной болѣзни Франка является простой мистификаціей, которую мы оставляемъ на совѣсти сообщившаго намъ эти свѣдѣнія и въ то же время выражаемъ удовольствіе, что эти свѣдѣнія не нашли себѣ подтвержденія въ дѣйствительности.

Гр. Сьогобочній.

Такъ какъ это-же извѣстіе о болѣзни д-ра Франка мы перепечатали со словъ Гр. Сьогобочного въ 12-й книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ, то теперь съ большимъ удовольствіемъ перепечатаваемъ его-же и опроверженіе.

Предполагаемая во Львовѣ лекція И. Франка по исторіи украинской литературы. Въ № 289 газ. «Дило» напечатана статья М. Павлика «Голосъ въ преважній справі». Въ этой статьѣ говорится о томъ, что «филологична секція Науков. Товар. имени Шевченка» постановила открыть во Львовѣ подъ фирмой «Товариства» систематическій научный курсъ исторіи украинской литературы и поручить чтеніе его д-ру Ивану Франку. Привѣтствуя такое рѣшеніе секціи, М. Павликъ считаетъ, что это будетъ имѣть громадное значеніе какъ для науки вообще, такъ и для дѣла развитія изъ этихъ частныхъ лекцій официальныхъ украинскихъ университетовъ. Но авторъ боится, что устроить такія чтенія д-ра Франка будетъ очень не легко, такъ какъ на это потребуются сравнительно большія средства, главнымъ образомъ необходимыя для того, чтобы самого лектора освободить отъ его теперешнихъ работъ и возмѣстить ему потерю заработка, платя за его новый трудъ. Впрочемъ, М. Павликъ надѣется, что для этой цѣли найдутся средства въ видѣ специальныхъ взносовъ разныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ.

Къ сожалѣнію, это нѣсколько поспѣшное опубликованіе еще несостоявшагося окончательнаго факта (рѣшеніе секціи еще не только не утверждено, но и не обсуждено въ общемъ «Выдили Товариства»)

вызвало въ № 291 «Дила» отвѣтъ д-ра И. Франка, который съ нѣкоторой нервностью заявляетъ, что онъ рѣшительно отказывается отъ метода оплаты его труда филантропическими средствами. Съ своей стороны, мы можемъ сказать по этому поводу, что здѣсь и рѣчи не можетъ быть ни о какой филантропій, а только и можно говорить объ оплатѣ даннаго труда, а источники для этого всегда найдутся. Что-же касается самого факта устройства такихъ лекцій д-ромъ Франкомъ, то спора быть не можетъ о желательности ихъ, такъ какъ имя такого талантливаго ученаго, какъ д-ръ Франко, служитъ полной гарантіей успѣха ихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Эмиграція изъ Австріи. Австрійская печать обратила серьезное вниманіе на усиленіе эмиграціи изъ Австріи, видя въ немъ новое доказательство упадка экономическаго благосостоянія населенія. За послѣдній годъ изъ Австріи и Венгріи выселилось въ одну только Сѣв. Америку до 200,000 чел.; только одна Италія превзошла въ этомъ случаѣ Австрію. Что касается народности эмигрантовъ, то впереди всѣхъ стоятъ поляки, которыхъ выселилось до 37,500 чел.; за ними идутъ словаки—34,000 чел., далѣе, хорваты и словенцы—32,000 чел., мадьяры—27,100 чел., нѣмцы—23,500 чел., евреи—18,700 чел., русины—9,800 чел., чехи—7,200 чел., румыны—4,200 чел. и, наконецъ, итальянцы—1,170 чел. Установлено, что одни только тѣ эмигранты, которые высадились въ Нью-Йоркѣ, вывезли съ собой около 15 милл. кр. Сѣверо-американская статистика отмѣчаетъ грамотность переселенцевъ: оказалось, что среди чеховъ было всего меньше неграмотныхъ: только 2 проц.; нѣмцевъ—4 проц.; на послѣднемъ мѣстѣ стоятъ русины, изъ которыхъ оказалось до 44 проц. неграмотныхъ.

Заявленіе львовскихъ студентовъ-русиновъ университетскому сенату. Русинскіе студенты львовскаго университета обратились по случаю записи (имматрикуляціи) на новый семестръ, къ университетскому сенату съ слѣдующимъ заявленіемъ:

«Такъ какъ рескриптъ министра народнаго просвѣщенія отъ 21 августа, не признающій за студентами львовскаго университета русинской національности права формулу студенческаго обѣщанія при записи читать на русинскомъ языкѣ, обжалованъ и потому не имѣетъ

еще обязательной силы, то нижеподписавшіеся студенты львовскаго университета, на основаніи офіціального отвѣта министра народнаго просвѣщенія д-ра Гартля, сообщеннаго осенней сессіи вѣнскаго парламента въ 1902 г., и на основаніи запроса депутата проф. Романчука о записяхъ во львовскомъ университетѣ, заявляютъ, что не примутъ участія въ офіціальной университетской имматрикуляціи, назначенной на 16, 17, 18 и 19 декабря 1903 г., и просятъ, чтобы сенатъ распорядился выдать нижеподписавшимся имматрикуляційныя свидѣтельства черезъ канцелярію».

Общество русинскихъ женщинъ въ Галиціи и Буковинѣ.
Состоявшійся во Львовѣ 12-го марта прошлаго года съѣздъ русинскихъ женщинъ изъ Галиціи и Буковины рѣшилъ принять всѣ средства къ тому, чтобы русинскія женщины Червонной Русн вошли въ народную жизнь, вникли въ ея нужды, сознали свои обязанности по отношенію къ народу, изыскали путь къ саморазвитію и самообразованію.

Ближайшее осуществленіе всѣхъ мѣръ для достиженія указанной цѣли было возложено на особый исполнительный комитетъ. На-дняхъ этотъ комитетъ сообщилъ въ печати о томъ, что онъ основалъ «общество русинскихъ женщинъ», какъ наиболее подходящую организацію для осуществленія намѣченныхъ идеаловъ. Уставъ «общества»: 1) поднять среди русинскихъ женщинъ Австріи образованность посредствомъ газетъ, журналовъ и книгъ для женщинъ и дѣтей, посредствомъ открытія учебныхъ заведеній, устройства публичныхъ лекцій, литературныхъ вечеровъ и т. п.; 2) поддержать женскій трудъ путемъ открытія женскихъ профессиональныхъ школъ; 3) оказывать поддержку нуждающимся женщинамъ и дѣвушкамъ, открывая для нихъ пріюты и дома трудолюбія, помогая въ пріисканіи занятій; 4) открывать дѣтскіе сады; 5) распространять среди русинскаго населенія грамотность путемъ частнаго обученія.

Народная организація Русиновъ въ Сѣв.-Америк. Соединен. Штатахъ. Въ Йонкерсѣ недавно состоялось русинское виче, гдѣ между прочимъ былъ прочитанъ Н. Пидгорецькимъ рефератъ о необходимости создать русинамъ въ Сѣв.-Америкѣ народную организацію. Русиновъ въ Америкѣ около 400 тысячъ, но они не имѣютъ до сихъ

поръ ни одного общаго учрежденія, ни одного народнаго зданія. Хотя и существуетъ много русинскихъ братствъ, организацій, нѣсколько церковныхъ школъ, но каждое такое учрежденіе думаетъ только о себѣ, а не объ общемъ народномъ дѣлѣ. Нужно намъ, говорить Н. Пидгорецький, имѣть своего епископа; нужно создать свой институтъ для высшаго образованія американской русинской молодежи; нужно намъ построить Русинскій Народный Домъ эмигрантовъ. Для всего этого необходимо установить сборы на одинъ народный фондъ, главнымъ образомъ при помощи русинско-американскихъ народныхъ марокъ, на которыхъ есть четыре буквы А. Р. Ф. Н. (Амер. Рус. Фондъ Нар.). Послѣ реферата Н. Пидгорецькаго виче выбрало главный народный комитетъ изъ семи членовъ, какъ органъ главной народной организаціи, и поручило ему добиваться всѣми способами осуществленія намѣченныхъ йонкерскимъ вичемъ желаній народа.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Отчетъ „Благотворительнаго Общества изданія общепольныхъ и дешевыхъ книгъ“. Спб. 1903.

Петербургское «Благотворительное Общество изданія общепольныхъ и дешевыхъ книгъ» переживаетъ пятый годъ отъ начала своего существованія. Какъ видно изъ отчета Общества, имъ издано въ 1902 г. 8 научно-популярныхъ брошюръ на украинскомъ языкѣ, изъ которыхъ двѣ представляютъ перепечатку вышедшихъ изъ продажи 1 и 2 №№ изданій Общества. Количество экземпляровъ изданныхъ книгъ равняется 85 тысячамъ на номинальную сумму въ 4440 рублей. Нижеслѣдующая таблица характеризуетъ движеніе суммъ «Благотворительнаго Общества» за два года.

Приходъ:	1901	1902
	руб. коп.	руб. коп.
Членскіе взносы	987 —	1045 —
Пожертвованія	1603 92	1311 85
Спеціальные взносы	— —	557 22
Выручка отъ изданій Общества	527 67	695 74
% по сберег. кассѣ и % бумаг.	8 21	62 10
Разныя поступленія	— —	1 50
Итого .	3126 80	3673 41
Расходъ:		
Издержки по изданіямъ . . .	3137 54	2193 4
„ администраціи . . .	402 13	520 40
Итого .	3539 67	2713 44
Остатокъ или дефицитъ—	412 87 +	959 97

Всего съ остаткомъ отъ 1901 года (414 р. 34 к.) въ кассѣ Общества находилось 4087 р. 75 к. Израсходовано 2713 р. 44 к. Въ остаткѣ къ 1903 г. 1374 р. 31 к. Сверхъ того въ 1903 году по день общаго собранія поступило 1239 р. 33 к.

Въ приведенной таблицѣ обращаетъ на себя вниманіе сокращеніе въ 1902 году, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, расходовъ на издательскую дѣятельность рядомъ съ увеличеніемъ административныхъ расходовъ. «Такое, неблагоприятное съ перваго взгляда,—говорится въ отчетѣ,—измѣненіе отношенія между операціонными расходами Общества и расходами по управленію объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что серія изданій отчетнаго года и по числу изданій, и по количеству, потребовала менѣе значительныхъ издержекъ, а съ другой—тѣмъ, что въ число административныхъ расходовъ вошли очень крупныя издержки по распространенію свѣдѣній объ Обществѣ».

Въ отчетномъ году засѣданій правленія было 7 и одно общее собраніе—годовое. На разсмотрѣніе правленія поступило 14 рукописей и печатныхъ брошюръ, присланныхъ для изданій на средства Общества, но изъ нихъ признаны отвѣчающими основнымъ принципамъ Общества лишь 4 (они изданы подъ №№ 17, 19, 20 и 21).

По объявленному въ 1900 г. Обществомъ конкурсу на составленіе популярныхъ брошюръ сельско-хозяйственнаго и медицинскаго содержанія, въ правленіе Общества поступило всего 8 рукописей (3 по сельск. хоз. и 5 по медиц. и гигиенѣ). Двѣ изъ нихъ, до разсмотрѣнія особой комиссіей, были представлены въ цензуру, но послѣдней не дозволены къ напечатанію. Изъ остальныхъ рукописей, переданныхъ на просмотръ двумъ комиссіямъ, составленнымъ изъ спеціалистовъ, заслуживающею преміи была признана рукопись г. Задѣры «Якъ годуваты малыхъ дитей». Представленная въ цензуру, эта рукопись также не была разрѣшена къ печати.

Въ истекшемъ году правленіемъ Общества предпринятъ цѣлый рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ болѣе широкой постановкѣ и развитію дѣятельности Общества. Такъ, правленіемъ было возбуждено предъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія ходатайство о допущеніи книгъ на украинскомъ языкѣ, какъ лучшаго средства популяризаціи знаній среди украинскаго населенія, въ школьныя и народныя библіотеки и читальни, на основаніяхъ, одинаковыхъ съ книгами на русскомъ литературномъ языкѣ. Ходатайство это Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія признано неподлежащимъ удовлетворенію.

Далѣ, правленіе обратилось въ Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ съ ходатайствомъ о пособіи на усиленіе издательской дѣятельности, направленной къ распространенію сельскохозяйственныхъ знаній. Въ отвѣтъ на это ходатайство, уже въ текущемъ году Министерствомъ Земледѣлія ассигновано въ пособіе Обществу 200 р.

Не имѣя достаточныхъ средствъ для открытія собственнаго книжнаго склада, правленіе, для лучшей организаціи сбыта изданій Общества, въ отчетномъ году заключило соглашеніе съ книгопродавцемъ Н. Г. Мартыновымъ, который взялъ на себя содержаніе центрального склада изданій Общества въ С.-Петербургѣ и главное комиссіонерство по сношенію съ другими книгопродавческими фирмами, на обычныхъ основаніяхъ комиссіонной скидки. Для распространенія свѣдѣній объ изданіяхъ Общества правленіе прибѣгло въ отчетномъ году къ широкой разсылкѣ публикацій съ перечнемъ и характеристикой вышедшихъ изъ печати изданій. Такія объявленія въ количествѣ 23,500 экз. были разосланы, между прочимъ, въ качествѣ приложеній при «Сельскомъ Вѣстникѣ» всѣмъ подписчикамъ этого журнала, проживающимъ въ южныхъ губерніяхъ Россіи.

Число членовъ Общества въ 1902 году увеличилось на 183; къ началу 1903 года общее число членовъ равнялось 732,—въ томъ числѣ почетныхъ членовъ 11, членовъ сотрудниковъ 25 и пожизненныхъ членовъ—20. Значительное число членовъ Общества далъ Петербургъ—20, 20% общаго числа членовъ. Это никого не должно удивлять, такъ какъ Общество находится въ Петербургѣ и тамъ естественно скорѣе всего могли распространиться о немъ свѣдѣнія. Херсонская губ. дала 16,71%, Кіевская—12,79%, Полтавская—11,33%, Харьковская—5,95%, Черниговская—4,94%, Екатеринославская—4,65%, Кубанская обл.—3,63%, Подольская—1,59%, Волынская—1,45% общаго числа членовъ.

Забываясь объ увеличеніи числа членовъ и о болѣе правильномъ поступленіи членскихъ взносов, правленіе Общества признало наиболѣе цѣлесообразнымъ расширить сѣть уполномоченныхъ Общества въ провинціальныхъ городахъ. Въ настоящее время такія уполномоченныя отъ общества лица находятся не только въ губернскихъ городахъ Малороссіи, но и въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ, какъ, напр.: въ Умани, въ Лубнахъ, въ Ананьевѣ и пр. Эти лица служатъ посредниками между Обществомъ и его членами, завѣдывая сборомъ членскихъ

взносовъ и, по возможности, заботясь объ увеличеніи числа членовъ Общества.

Мы исчерпали, въ существенныхъ чертахъ, почти все содержаніе «Отчета», характеризующаго съ разныхъ сторонъ дѣятельность «Общества» за 1902 годъ. Скромны, очень скромны цифры этого отчета (8 брошюръ на болѣе чѣмъ 20-милліонную массу населенія!) Но если мы обратимъ вниманіе на тѣ обстоятельства, при которыхъ происходитъ дѣятельность Общества, то эти, на первый взглядъ, незначительныя цифры возрастуть въ нашихъ глазахъ до размѣровъ весьма краснорѣчивыхъ фактовъ, говорящихъ непредубѣжденному читателю о многомъ. Помимо «независящихъ» обстоятельствъ, обратимъ вниманіе хотя бы на то, съ какимъ трудомъ удается получить въ настоящее время цензурное разрѣшеніе на напечатаніе самой безвредной, повидимому, научно-популярной брошюры на украинскомъ языкѣ. И безъ того ощущаемый недостатокъ въ пригодныхъ къ печати научно-популярныхъ брошюрахъ на украинскомъ языкѣ усиливается вслѣдствіе указанной нами причины и почти парализуетъ издательскія начинанія Общества, дѣятельность котораго, съ самаго его возникновенія, сосредоточивается преимущественно на популяризаціи полезныхъ знаній... Чтобы поставить дѣятельность Общества въ этомъ направленіи въ возможно меньшую зависимость отъ всякихъ случайностей, правленіе въ концѣ истекшаго года рѣшило составить особую комиссію, которая выяснила бы, какіе недочеты ощущаются въ настоящее время въ популярной литературѣ. Когда это будетъ сдѣлано, правленіе будетъ имѣть возможность дѣйствовать по опредѣленному плану, заказывая извѣстнымъ популяризаторамъ обработку темъ, наиболѣе отвѣчающихъ настоятельнымъ нуждамъ читающей массы.

Тѣ, безспорно, высокія цѣли, какія поставило себѣ Петербургское Общество, заставляють сочувствовать его дѣятельности людей самыхъ различныхъ убѣжденій. Число членовъ Общества постепенно увеличивается, по мѣрѣ распространенія о немъ свѣдѣній. Но оттого ли, что вообще всякія полезныя свѣдѣнія у насъ медленно и съ большимъ трудомъ проникають въ широкіе слои общества, или же по причинѣ инертности и косности этихъ слоевъ,—во всякомъ случаѣ настоящее число членовъ Общества далеко не отвѣчаетъ размѣрамъ того по-истинѣ колоссальнаго труда, какой предстоитъ ему исполнить для достиженія поставленныхъ цѣлей. Будемъ надѣяться, что со временемъ, когда каждый, кому дорого благо родного народа, узнаеть о дѣятельности

Петербургскаго Общества и отзовется на его добрый починъ, не будетъ имѣть мѣста себѣ то странное явленіе, что цѣлыя губерніи съ населеніемъ въ нѣсколько милліоновъ даютъ Обществу лишь 10—11 членовъ (волинская и подольская г.г.).

В. Поточный.

Підеша. Восток і Запад. Повість. Коломия, 1903, ст. 1—155, in. 8°.

«Востокъ и Западъ»—прочли мы въ числѣ вновь вышедшихъ книгъ широковъщательное заглавіе недавно появившейся въ Коломыѣ повѣсти. Затѣмъ, спустя нѣкоторое время, встрѣчаемъ цѣлыхъ двѣ фельетонныхъ статьи въ одной и той же газетѣ («Діло», №№ 169 и 239—240), рекомендующихъ новую повѣсть вниманію публики,—основанія вполнѣ достаточныя для того, чтобы не отказать удовлетворить своему любопытству. Оно удовлетворено,—и объ этомъ мы ничуть не скорбимъ: повѣсть, дѣйствительно, заслуживаетъ по многимъ причинамъ того, чтобы читатели обратили на нее вниманіе.

Въ сущности та мѣрка, которую мы обычно прилагаемъ къ повѣсти, въ данномъ случаѣ непримѣнима: это и не повѣсть, и не романъ, и не новела,—авторъ не придавалъ, очевидно, особаго значенія порядку въ эпизодахъ, не старался развивать интригу и придавать искусственными способами интересъ своему произведенію,—оно и безъ этихъ украшеній представляетъ большой интересъ, свидѣтельствуя о художественномъ талантѣ автора и о его высокихъ интеллектуальныхъ качествахъ, которые весьма выгодно отразились въ этомъ его, надо думать, первомъ литературномъ опытѣ.

Повѣсть состоитъ изъ двухъ почти самостоятельныхъ частей: съ одной стороны—исторія любви двухъ молодыхъ людей, богато одаренныхъ натуръ, съ другой—публицистика: разсужденія на тему о счастливомъ Западѣ (въ частности Швейцаріи, гдѣ и происходитъ дѣйствіе) въ сравненіи съ отсталымъ во всѣхъ почти отношеніяхъ Востокомъ (разумѣется—европейскимъ, куда имъ зачисляется и Галичина). Въ этой части повѣсти—собственно и центръ ея: здѣсь именно дается очеркъ швейцарской культуры, правъ, обычаевъ, характера страны—и все это ставится въ параллель съ соответствующими славянскими. Это, безспорно, одно изъ наилучшихъ мѣстъ въ книгѣ. Правда, со многими взглядами автора можно не согласиться, но они

оригинальны, теоретически обоснованы, и при томъ затрагиваютъ вопросы, которые касаются почти всѣхъ главнѣйшихъ стремленій и чувствъ человѣка...

Очевидно, цѣль автора была—обратить вниманіе на широкіе общечеловѣческіе вопросы, приподнять людей отъ мелкихъ дрызгъ и ссоръ на извѣстную высоту,—а такой цѣли нельзя не признать достойной уваженія.

Другая часть повѣсти—повѣсть въ собственномъ смыслѣ, содержаниемъ своимъ имѣетъ исторію любви молодой дѣвушки Лины Верони, кіевлянки, которая, по окончаніи института въ Москвѣ, отправилась въ Цюрихъ для осуществленія своего идеала жизни, и студента Степана Бѣлоцерковскаго, галичанина, пріѣхавшаго въ Цюрихъ изъ Вѣны, выдающагося, развитого человѣка. Любовь ихъ—въ высшей степени поэтична, красива, гармонична,—но оканчивается печально: Лина, не вынеся нервнаго потрясенія послѣ временнаго недоразумѣнія (Бѣлоцерковскій временно бросилъ ее), умираетъ отъ воспаленія мозга на рукахъ Степана и пріѣхавшей изъ Россіи матери. Эта часть повѣсти написана художественно, увлекательно, и если нѣкоторые поступки героя могутъ показаться мало обоснованными (хотя бы, напр., бѣгство отъ любимой женщины), то надо имѣть при этомъ въ виду исключительность натуры героя, котораго и умственные силы, и сила чувства не подходятъ подъ среднюю мѣрку средняго человѣка.

Написана повѣсть оригинальнымъ языкомъ: съ одной стороны, видны несомнѣнные слѣды языка, свойственнаго лишь русскимъ украинцамъ, но съ другой—масса несомнѣнныхъ галицизмовъ. Но кто бы онъ ни былъ, повѣсть его оставитъ замѣтный слѣдъ въ нашей литературѣ, весьма не богатой еще произведеніями, выходящими за предѣлы обычной буденной литературы. Остается лишь пожелать, чтобы авторъ не ограничивался этимъ своимъ первымъ опытомъ и подарилъ нашей литературѣ еще не однo произведеніе, такъ же талантливо написанное, какъ и повѣсть «Восток і Запад».

Что касается внѣшности изданія—то оно оставляетъ желать много лучшаго; корректура крайне небрежна и вызываетъ досаду у читателя.

Григорій Цеглинський. Кара совісті. Народня драма въ V діяхъ. Перемишль, 1903, ст. 1—57, in. 8°.

Олекса Вобикевич. „Настоящі“. Комедия в одній діі. У Львові, 1903, ст. 1—55, in 16°.

Малорусскій театр въ Галицкой Руси находится въ несравненно худшемъ положеніи, чѣмъ у насъ. Если у насъ приходится нерѣдко слышать сѣтованія на далекую еще отъ идеала постановку театральнаго дѣла, то подъ этимъ обычно подразумѣвается сръвнительная малочисленность хорошихъ, идейныхъ, содержательныхъ пьесъ, которыя бы шли на встрѣчу требованіямъ общества и удовлетворяли его запросамъ; на недостаю же украинскихъ труппъ и крупныхъ драматическихъ силъ мы, къ счастью, не можемъ пожаловаться. Совсѣмъ не то въ Галичинѣ: тамъ нѣтъ ни своего драматическаго репертуара, ни своихъ постоянныхъ драматическихъ труппъ, и до послѣдняго времени украинскій театръ заявлялъ о своемъ существованіи лишь sporadически, благодаря частной инициативѣ, и выражался въ многочисленныхъ любительскихъ спектакляхъ, дававшихся во всѣхъ уголкахъ Галичины. Въ самое послѣднее время (второй годъ) въ Галичинѣ имѣется уже солидная постоянная труппа подъ управленіемъ г. Губчака, посѣщающая болѣе крупные центры своей родины и дававшая однажды съ большимъ успѣхомъ представленія и у насъ (въ г. Каменць-Подольскомъ¹⁾). Выдвинутый въ послѣдніе годы вопросъ о необходимости имѣть во Львовѣ собственное театральное зданіе находится, повидимому, на пути къ осуществленію, — комитетъ по постройкѣ театра собралъ уже довольно солидную сумму для этой цѣли и приобрѣлъ мѣсто для зданія. Такимъ образомъ, и наша родная сестра-Галичина, обогнавшая насъ на иныхъ поприщахъ культурнаго развитія, старается не отстать и въ этомъ случаѣ, что, надѣемся, въ недалекомъ будущемъ будетъ ею съ успѣхомъ достигнуто. Вопросъ же съ репертуаромъ остается для нея попрежнему больнымъ мѣстомъ: нѣтъ талантливыхъ драматурговъ, нѣтъ и выдающихся драматическихъ произведеній, и въ этомъ случаѣ ей приходится одолжаться у насъ.

Однимъ изъ продуктивныхъ драматическихъ писателей по ту сторону Збруча является Григорій Цеглинскій, имя котораго, какъ

¹⁾ См. текущ. извѣст. за 1902 г., кн. 11, стр. 109.

автора драматическія пьесы, встрѣчаемъ уже давно. Къ сожалѣнію, намъ не приходило читать ни одного изъ его прежнихъ произведеній, поэтому мы и не можемъ составить должнаго понятія о писательской, въ частности какъ драматурга, фізіономіи г. Цеглинскаго. Но послѣдняя его драма, заглавіе которой мы привели выше, ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признана даже удовлетворительной. Авторъ, повидимому, не лишень знакомства съ народной жизнью и бытомъ, но то ихъ изображеніе, которое онъ предлагаетъ читателю и зрителю въ только что изданной имъ книжкѣ, нельзя назвать правдивымъ и реальнымъ. Всѣ дѣйствующія лица предвѣренно подраздѣлены на двѣ категоріи: людей добродѣтельныхъ и порочныхъ, но и эти послѣдніе, какъ оказывается впоследствии, заблуждались лишь временно, подъ вліяніемъ злыхъ чувствъ. Понятно, это ничуть не противорѣчило бы дѣйствительности, если бы поступки героевъ и не героевъ пьесы вытекали изъ ихъ природнаго характера, но этого-то мы и не находимъ, а все происходитъ лишь потому, что автору хотѣлось непременно поступить такъ для подкрѣпленія извѣстной тенденціи, для болѣе нагляднаго выраженія вытекающей, молъ, отсюда морали... Эта мораль, лѣзущая изо-всѣхъ щелей пьесы, не мало способствуетъ умаленію ея цѣнности, хотя бы посредственной. Сюжетъ пьесы въ сущности довольно благодарный, но использованъ авторомъ неумѣло.

Два брата (Прокипъ и Семень), получивъ отъ старика отца (Васыля) въ наслѣдство землю и хату, условились на томъ, что меньшій сынъ Прокипъ, будетъ содержать отца до смерти. Но подъ вліяніемъ жены (слабо впрочемъ мотивированнымъ въ пьесѣ), онъ предлагаетъ отцу перейти еще на жительство къ другому сыну, такъ какъ онъ выдаетъ замужъ дочь, и всѣмъ имъ помѣститься въ одной хатѣ нѣтъ возможности. Другой сынъ (Семень), конечно, отца не принимаетъ, и старикъ, воплощеніе смиренія и незлобности, рѣшаетъ лучше уйти совсѣмъ отъ грѣха, изъ своего села, чѣмъ служить яблокомъ раздора между дѣтьми. И онъ уходитъ въ городъ. Пробуетъ поступить на службу—но силы ему уже не служатъ, и ему всюду отказываютъ, пока онъ не очутился въ тюрьмѣ какъ безпаспортный; не желая подвергаться позорной высылкѣ на родину по этапу, онъ бѣжитъ изъ заключенія, направляясь въ родное село (кстати—онъ въ душѣ уже простилъ все сыновьямъ, и опять стремится къ нимъ, хотя, надо думать знаетъ, что ему не очень будутъ рады). Но дорогѣ его застигла метель, и онъ замерзъ. До сихъ поръ ходъ пьесы не оста-

вляеть желать ничего лучшаго. Но дальше начинается часть фантастическая—очевидно, созданная авторомъ мозговымъ способомъ,—должно быть, для большей эффектности и картинности. Младшій сынъ старика Прокипъ вдругъ постигаетъ весь ужасъ совершеннаго имъ (хотя вина его изъ пьесы слабо вытекаетъ) поступка—удаленія отца. Безъ сомнѣнія, это натура необычайно чувствительная, впечатлительная, какую надо со свѣчей поискать. Онъ совершенно забылъ обо всемъ, и теперь его мечта—вернуть назадъ старика: Онъ сталъ самъ не свой, не ѣсть, не пьеть, и услышавъ, что поблизу села замерзъ какой-то человѣкъ, мчится туда въ полной увѣренности, что это его отецъ, но никого не находитъ, а лишь приобрѣтаетъ простуду и заболѣваетъ. Старикъ тѣмъ временемъ очутился чудеснымъ образомъ среди рабочихъ на кирпичномъ заводѣ, которые въ то время были въ лѣсу и услышали крикъ жандарма. Пока жандармъ ѣздилъ въ село (NB. оставивъ замерзать, быть можетъ, живого человѣка!), рабочіе взяли старика съ собой (удивительно отважные люди!), привели въ чувство и приютили у себя. Когда хозяинъ завода еврей прогоняетъ старика за неспособность къ труду, рабочіе (которые, кстати сказать, только теперь, послѣ двухмѣсячнаго пребыванія Васыля въ ихъ средѣ, заинтересовались узнать, кто онъ и откуда) подговариваютъ его пойти домой и въ отместку сыну поджечь его. Старикъ ни за что не соглашается сначала, но потомъ, ни съ того ни съ сего, идетъ осуществлять этотъ планъ. Между тѣмъ тамъ, въ селѣ, Прокипъ уже при смерти—его преслѣдуютъ галлюцинація, во время которыхъ къ нему неоднократно является отецъ... И когда послѣдній дѣйствительно приходитъ—Прокипъ, считая это за предвѣстникъ смерти, кричитъ: «Я йду, йду!» и падаетъ мертвымъ. Васылъ (старикъ) считаетъ тѣмъ не менѣе своимъ долгомъ сказать обличительно-проповѣдническую рѣчь о томъ, что онъ «з карою прийшовъ такою, що й сонце може було б. відвернулось від неї, та бачу, що єї вже не треба. Хтось иньший, більший і дужчий, покарав єї переді мною», а когда всѣ съ ужасомъ убѣждаются, что Прокипъ уже мертвъ, онъ все же продолжаетъ рѣчь, которую и заключаетъ характерными словами: «А на сім місци виросте нове покоління, у котрого ачей буде більше віри і більше любови!»,—словами, не менѣе характерными и для самого автора.

Мы глубоко сомнѣваемся, чтобы такого рода пьеса была дѣльнымъ вкладомъ въ нашу драматическую литературу и имѣла болѣе или менѣе прочный успѣхъ на сценѣ.

Совершенно въ иномъ родѣ комедія г. Бобыкевича «Настоящі». Написана она покойнымъ авторомъ, почтеннымъ галицкимъ дѣвателемъ и писателемъ (ум. въ декабрѣ 1902), довольно давно и до сихъ поръ находилась въ рукописи въ частныхъ рукахъ. Сюжетъ ея, довольно незамысловатый, рисуетъ картинку галицкой общественно-политической жизни, изображая въ смѣшномъ видѣ тѣхъ галичанъ, которые по какимъ-либо соображеніямъ перестаютъ вдругъ быть самими собой и надѣваютъ маску «общерусскости», стараются быть «настоящими русскими», что имъ, конечно, не удастся. Въ данной комедіи выведенъ богатый хуторянинъ Боровичъ, благополучно много лѣтъ предававшійся хозяйскимъ интересамъ, равно какъ и жена его Магдалина, а въ свободное время удовлетворявшій духовнымъ запросамъ чтеніемъ газеты «Діло», которую онъ выписывалъ вмѣстѣ съ сосѣдомъ Ковтомъ (NB: у Ковта есть дочь невѣста, а у Боровича—сынъ, агрономъ, обучающійся въ Россіи). Но послѣ неприятнаго инцидента, вызваннаго Ковтовыми свиньями, которыхъ Боровичъ въ азартѣ подстрѣлилъ, дружба между сосѣдями кончилась: они судились, Боровичъ проигралъ, пробовалъ было свою обиду предать гласности въ «Ділі», но письма его не напечатали... Обозленный на «украинофильское» «Діло», Боровичъ выписываетъ «Галицкую Русь», рѣшаетъ быть «настоящимъ», дѣлаетъ политику—т. е. старается что-либо понять изъ статей «Галицкой Руси», но это ему не удается; а между тѣмъ хозяйственные интересы сильно страдаютъ, потому что Боровичъ всецѣло погрузился въ «политику»... Въ этотъ критическій для Боровичей, въ особенности его жены, моментъ появляется ихъ сынъ, не бывший на родинѣ 3 года. Узнавъ о положеніи дѣлъ въ домѣ, онъ берется все исправить, и дѣйствительно исправляетъ самымъ простымъ образомъ: говорить съ отцомъ все время на литературномъ русскомъ языкѣ. Отецъ въ первый моментъ даже доволенъ, но затѣмъ оказывается, что онъ не понимаетъ сына и находится въ сильномъ затрудненіи и смущеніи, такъ что въ концѣ концовъ обращается къ сыну съ просьбой говорить «по нашему по руски, бо я, бач, ще всего не розумію». Но сынъ съ удивленіемъ возражаетъ: «какъ же, батюшка? Я говорю по руски... говорю, какъ умѣю, не ради политики, лишь только по убѣжденію», и считаетъ себя обиженнымъ, что отецъ требуетъ говорить съ нимъ «по ихнему». Боровичъ искренно возмущенъ, что сынъ отрекается отъ него, отъ материнскаго языка и съ прискорбіемъ убѣждается, что сынъ для него чужой человѣкъ: «пропавъ!». Затѣмъ все выясняется; сынъ, оказы-

вается, лишь притворялся, отецъ съ позоромъ отрекается отъ стремленія быть «настоящимъ», даетъ даже согласіе на бракъ съ дочерью Ковта—и все оканчивается ко взаимному удовольствію.

Пьеса написана въ общемъ живо и правдиво (въ особенности хороши типы Боровича и его жены), хотя въ деталяхъ (напр.—въ роли парубка-лакея Леська) есть немало шаржа.

Въ концѣ брошюры помѣщена тепло написанная біографія покойнаго, свидѣтельствующая о томъ, какой свѣтлой личностью былъ покойный авторъ.

В. А.

Алексій Львовичъ Суходольскій. „Помста, або Загублена Доля“ драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. „Хмара“ драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Обѣ пьесы въ одномъ томѣ, съ портретомъ автора. Изданіе автора. Ростовъ на Дону, 1902, стр. 1—103, in 8°. Ц. 1 р. 50 коп.

Г. Суходольскій—частый гость Кіева; въ послѣдніе годы каждое лѣто подвизается онъ со своей труппой въ лѣтнемъ театрѣ купеческаго сада, угощая публику пьесами собственными и чужими. До сихъ поръ намъ не приходилось быть знакомымъ съ его пьесами; но съ появленіемъ въ печати упомянутыхъ двухъ драмъ пробѣлъ нашъ въ настоящее время съ успѣхомъ восполняется. При этомъ, послѣ знакомства съ пьесами, невольно рождается вопросъ: много ли мы потеряли, пребывая въ невѣдѣніи относительно пьесъ г. Суходольскаго и окупается ли наше, или чье бы то ни было, любопытство, оплачиваемое достаточно солидною для двухъ обыкновенныхъ 4—5 актныхъ пьесъ суммою въ 1 р. 50 коп.? По поводу этого мы и намѣреваемся въ нижеслѣдующихъ строкахъ высказать свои размышленія и сомнѣнія.

Пьесы Алексія Львовича Суходольскаго, какъ онъ неукоснительно рекомендуется на обложкѣ и вкладномъ листѣ, не что иное, какъ старая погудка на новый ладъ: съ одной стороны—,она его любила, но онъ ее кинулъ“, и въ результатѣ „страшная мѣсть“: смерть жены „его“ по настоянію „ея“ и самоубійство „его“—вслѣдствіе сознанія своего преступленія; съ другой—сельскій Донъ-Жуанъ, и чуть-чуть не катастрофа: мужа „ея“, подозрѣваемаго въ убійствѣ тещи, уже ведутъ закованнаго на каторгу, но внезапно правда торжествуетъ, а порокъ пораженъ: одна изъ жертвъ Донъ-Жуана изблѣ-

часть истиннаго преступника. Несомнѣнно, что такая вѣчно старая исторія, какъ любовь, и вытекающія изъ нея дѣйствія и состоянія человѣческія, можетъ быть вѣчно свѣжею и вѣчно юною подъ перомъ талантливаго, близко знающаго душу людскую и народную жизнь писателя. Но у г. Алексѣя Львовича Суходольскаго—перо—увы! не первосортное, и драмы его изъ сельскаго быта такъ же разнствуютъ отъ современныхъ хорошихъ драмъ, какъ издѣлія горшечника отъ художественныхъ произведеній хорошаго писателя. Типы, изображаемые имъ, избитые, шаблонные, каррикатурные—всякіе знахари, старые писаря и прочіе смертные, толкущіе воду въ ступѣ и на протяженіи всѣхъ 4 или 5 актовъ наводящіе одно лишь уныніе на читателя (да, несомнѣнно, и на зрителя). Оригинальныя сценки или разговоры—оазисы въ пустынѣ, и то слишкомъ ничтожныя. Въ тенденціозности какой либо или идейности автора нельзя заподозрить,—на этотъ счетъ онъ безукоризненъ,—лишь изрѣдка, и то совершенно безуспѣшно, пытается впадать въ уста дѣйствующимъ лицамъ моралистическія сентенціи, которыя единственно лишь свидѣлствуютъ о благомыслии автора, но ничуть не вытекаютъ изъ характера героевъ пьесы. Кого, напр., растрогаютъ чувствительныя слова знахаря: „вси повинни службыты Богу й Государю“; „треба такъ дитей учыты, щобъ булы и людямъ мылы, и Богу вгодны“ (стр. 17),—или убѣдятъ слова современнаго парубка (а не идилическаго пастуха!): не вже жъ вы не розумієте, що серце бажає не багатства, а тилькы (NB!) щырого коханья? и т. п.

Чтобы читатель имѣлъ представленіе о реальности изображенія душевныхъ состояній героевъ пьесъ г. Суходольскаго, иначе—о способѣ писанія имъ драматическихъ пьесъ, мы приводимъ отрывокъ изъ заключительной сцены „Помсты“, або „Загубленои доли“ (стр. 47—48).

Я ва 16-я.

Степанъ и Галя.

Галя (выбигає зъ кимнаты зъ крыкомъ) рятуйте! (бижыть до дверей). Степане, за що ты мене...

Степанъ (догнавъ (!) ии коло дверей, схопывъ за волосся, тягне на передь). *Нема часу розказувать* ¹⁾.

¹⁾ Курсивъ нашъ.

Галя (упала на коліна, піднімає руки у гору). Дай Богу помолытысь!

Степанъ (ударыть (!) іи ножемъ у груди). На!

Галя. А-ай!!!

Степанъ. Молысь!! (Галя повалылась на землю и корчытця у мукахъ).

Степанъ. *Свое дило я зробывъ...* Теперь (опускаемъ 2 строки).

Галя (ледве промовляе). Охъ... не мучъ... дѣбый мене... Повирь... люблю... безъ выны пропадаю! Прощай... (*Хотила его поцилувать, але померла*) и т. п.

Параллельно со способомъ писанія стоитъ и языкъ автора, исполненный непростительныхъ руссизмовъ, въ родѣ: «дывытыся на іи тинь видъ *луны*», (эха?) а въ слѣдующей же строкѣ „якъ мисяць высоко піднявся“..., „облакотывшысь“, „дрижащимъ голосомъ“ „сверкнула очыма“, „пры піднятіи зависы“, „шукать защиты“; а знаменитый „заповіть“ Шевченка, который поють парубки на улицѣ, выгладитъ между прочимъ такъ:

„Щобъ ланы *широке поле* .

И Днипро и кручи,

Було бь видно, було бь чути,

Якъ реве *ревуче!*

Вообще къ вставкѣ въ пьесу пѣсень авторъ имѣеть огромную склонность, причемъ, желая явить себя міру не только на поприщѣ прозы, но и поэзіи, предлагаетъ ихъ отъ собственного измышленія, въ родѣ, напр. слѣдующей пѣсни (стр. 16) (Галя поеть):

«На що жъ мою душу

Ты рвешъ на шматкы?

Чы вынна жъ я въ чымъ,—

Скажи мени ты!

Иды жъ, мыйый, швыдче,

Бо я пропадаю!

Безъ тебе я серця

Свого не здолаю:

Невже жъ ты не чуешъ?

Невже жъ ты не прыйдешъ?

Ой ты жъ мене бидну

На вики убьешъ!

Чѣмъ не поэзія! Пожалуй въ XVIII в. какой либо бакалявръ позавидовалъ бы...

Корректурa въ книгѣ также въ своемъ родѣ чудо природы: можно подумать, что спеціально кто-то старался, чтобы ни одно почти слово не было напечатано такъ, какъ ему надлежало бы... Очевидно, наборщики были не имѣвшіе понятія объ украинскомъ языкѣ, а издатель (онъ же и авторъ) не потрудился прочесть ни одной корректуры-

Въ общемъ же сожалѣемъ отъ души и о тѣхъ неосвѣдомлен-ныхъ любителяхъ украинской драматической музыки, которые погубять и уже погубили понапрасну 1 р. 50 коп. Отчего бы автору сразу не поставить было цѣну 30 коп., по каковой стоимости продавалась его книга въ театрѣ купеческаго собранія минувшимъ лѣтомъ въ день бенефиса автора?

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 12; 2) Историч. Вѣстн., № 12; 3) Все-мірн. Вѣстн. № 10 и 11; 4) Журн. Мпн. Нар. Просв. № 12; 5) Вѣстникъ Европы, № 12; 6) Русская Мысль, № 12; 7) Русскій Вѣстникъ, № 12; 8) Русское Богатство, № 11 и 12; 9) Міръ Божій, № 12; 10) Труды Кіев. Духовн. Акад., № 7—11; 11) Земскій Сборн. Черниг. губ., № 10—11; 12) Учен. Записки Импер. Казан. Унив., № 12; 13) Книжки Восхода, № 11; 14) Южныя Записки, 1904 г., № 1—4; 15) Лит.-Науков. Вистп. 1904 г., № 1.

Историческій Вѣстникъ, № 12.

Д. В. Оедоровъ. «Подложный указъ» (стр. 907—925).

Хотя не указано точно мѣсто описаннаго въ этой статьѣ происшествія, но по всѣмъ признакамъ видно, что дѣло происходило въ Малороссіи. Дѣло-же это состояло во томъ, что лѣтъ 15 назаоъ въ с. Михайловкѣ произошло недоразумѣніе съ полученнымъ сенатскимъ указомъ, предписывавшимъ крестьянамъ этого села отвести изъ своей надѣльной земли 700 десятинъ для солдатскихъ дѣтей. Среди крестьянъ пошелъ слухъ, что указъ под-

ложный, и даже когда появился въ концѣ концовъ для увѣщаній самъ губернаторъ, то и его посчитали подставнымъ. Дѣло окончилось сравнительно благополучно, хотя не безъ нѣкоторой экзекуціи.

Въ отдѣлѣ «Критика и библиографія» помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) Альбомъ выставки XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Подъ ред. и съ объяснит. текстомъ проф. Е. Рѣдина (стр. 1075—1077); 2) Костомаровъ Н. И. Собраніе сочиненій. Т. I—III. Издан. Общества для пособія пуждающимся литераторамъ и ученымъ (стр. 1087); 3) Д. Бантынь-Каменскій. Исторія Малой Россіи. Въ 3-хъ частяхъ. 4-ое изданіе (стр. 1088—1090).

Русская Мысль, № 12.

С. Русова «Старое и молодое въ современной малорусской литературѣ» (стр. 191—201). Статья эта, проводящая ту мысль что современная малорусская литература освѣщаетъ уже не только формы прежней жизни націи, но и новыя явленія въ ней, для иллюстраціи останавливается, главнымъ образомъ, на четырехъ, авторахъ: Мирный, Карпенко-Карый, Коцюбинскій и Стефаникъ.

Въ отдѣлѣ «Внутреннее Обозрѣніе» помѣщена маленькая замѣтка объ украинскомъ композиторѣ Н. В. Лисенкѣ по поводу 35-тилѣтія его музыкальной дѣятельности (стр. 247).

Въ «Библиографич. отдѣлѣ» напечатана маленькая рецензія о книгѣ М. Комарова «Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ» (стр. 420).

Русское Богатство, № 11 и 12.

Въ № 11 напечатано «Письмо въ редакцію» редактора и сотрудниковъ VII-тома «Россіи» (изд. А. Ф. Девриена). Письмо это вызвано рецензіей на указанный томъ, посвященный описанію Малороссіи. Рецензія была напечатана въ іюльской книжкѣ Русск. Богатства и отмѣтила цѣлый рядъ промаховъ составителей

этого тома. Въ письмѣ даются разъясненія и возраженія рецензенту (стр. 230—237).

Труды Кіевской Духов. Акад., № 7—11.

Д. Вишневскій. Кіевская Академія въ первой половинѣ 18-го вѣка. (№ 7, 8 и 9; окончаніе). Начиная съ 3-ей главы (первыя главы напечатаны въ № 5 и 6), авторъ разсматриваетъ задачу академическаго образованія и средства ея выполненія; науки, преподававшіяся въ Академіи, общее направленіе ихъ: внѣклассныя занятія учителей. Общее состояніе нравственно-воспитательнаго дѣла въ Академіи первой половины 18-го в. (№ 7, стр. 353—410; № 8, стр. 586—632; № 9, стр. 49—67 и приложенія: стр. 68—100).

А. Н. Войтковъ. Іовъ Базилевичъ, епископъ Переяславскій, и участіе его въ церковно-политич. жизни Польской. Украины 1771—1776 г.). Начиная съ 3-ей главы (первыя главы напечатаны въ № 5 и 6), посвященной преосв. Іову, какъ епископу Украины, авторъ передаетъ факты изъ жизни преосвящ. съ момента прибытія его въ Переяславъ въ 1771 г. Въ первые два года въ краѣ замѣчается торжество православія и русской народности, хотя украинское духовенство далеко не отличалось нравственными качествами, съ чѣмъ преосв. Іову пришлось вести упорную борьбу, особенно-же съ пьянствомъ. (№ 7, стр. 429—500). Въ главѣ 4-ой, и послѣдней, указывается на поворотъ къ худшему въ жизни православной церкви, такъ какъ съ 1773 года начинается въ краѣ превосходство польско-уніатской партіи. (№ 8, стр. 633—715).

В. Дурдуковскій. Историч. записка о соединенныхъ Кіево-Подольскомъ и Богуславскомъ духовныхъ училищахъ (№ 9, стр. 118—142). Это есть актовая рѣчь, въ которой кратко указана исторія кіево-подольскаго духовнаго училища, ведущаго свое начало отъ старой бурсы, возникшей около половины 18-го вѣка.

Ө. Т. Къ вопросу о значеніи Кіевской Академіи для православія и русской народности въ XVII—XVIII в.в. (№ 11, стр. 375—407; окончаніе слѣдуетъ). Это есть рефератъ, читанный

въ Церковно-историческомъ и Археологическомъ Обществѣ при Кіевской Духовной Академіи. Вызванъ былъ этотъ рефератъ статей г. Яблоновскаго подъ заглавіемъ «W sprawie «Akademii Kijowsko-Mohilanskiej», wydanej w 1900 r. «ad honorem quingentesimi anniversarii almae matris Iagellonicae». Дѣло въ томъ, что по поводу обширнаго сочиненія г. Яблоновскаго о «Кіево-Могилянской Академіи», О. Т. напечаталъ обширный разборъ въ Трудахъ Кіевск. Дух. Академіи, чѣмъ вызвалъ отвѣтную статью г. Яблоновскаго въ «Kwartalnik'ѣ historyczn'омъ» съ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Сущность реферата О. Т.—доказать, что Кіевская Академія исполняла свою самобытную роль и не была только посредницей между западною и восточною культурою, что она не можетъ быть по своему образовательному и воспитательному вліянію на юношество приравниваема къ Краковскому Ягеллоновскому університету, какъ это утверждаетъ г. Яблоновскій.

Земскій Сборникъ Черниг. губ., № 10—11

Въ отдѣлѣ «Земскія Извѣстія» напечатаны краткія извѣстія о проектѣ Лохвицкаго земства издавать учебники для народной школы, приравливая ихъ къ особенностямъ мѣстнаго языка. Указаны мнѣнія комиссіи, избранной Полтавск. губ. земствомъ для разсмотрѣнія этого вопроса, и медленность ея работъ. А между тѣмъ, говорится въ «обзорѣ», нужда въ учебникахъ; вполнѣ понятныхъ по языку для дѣтей малорусскихъ школь, весьма настоятельная (стр. 32—36).

Гр. Коваленко. Дѣятельность и значеніе И. П. Котляревскаго въ исторіи украинскаго общества (стр. 152—163).

Учен. Записки Имп. Казанск. Унив., № 12.

К. Михальчукъ. «Къ вопросу объ отвердѣнннхъ слогахъ въ малорусскомъ яз.» (стр. 24—30). Эта маленькая статейка есть извлеченіе изъ письма автора къ проф. Казан. унив. В. А. Богородицкому, написаннаго по поводу его сочиненія «Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку». Мысль автора письма, что южно-

русскіе говоры, по отношенію къ мягкости согласныхъ и небныхъ гласныхъ звуковъ, всегда занимали, какъ и теперь занимають, средину между группами сѣверо-славянскихъ говоровъ—съ одной стороны, и южно-славянскихъ—съ другой.

Южныя Записки, № 1—4.

Съ 14 декабря прошлаго года началъ издаваться въ Одессѣ еженедѣльный журналъ «Южныя Записки», посвященный, какъ видно изъ вступительной статьи «Отъ редакціи», всесторонней разработкѣ вопросовъ жизни южныхъ губерній. Привѣтствуя появленіе органа, въ которомъ давно уже чувствуется настоятельная нужда, мы вносимъ его въ число обозрѣваемыхъ нами журналовъ, отмѣчая въ немъ заглавія всѣхъ тѣхъ статей, которыя касаются жизни Южной Руси, кромѣ отчетовъ о разныхъ засѣданіяхъ и собраніяхъ городскихъ думъ и земствъ.

Кондратенко. Къ юбилею Н. В. Лисенка (№ 1, стр. 49—57).

Р-ръ. Рецензія о книгѣ М. Комарова «Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ». Библиографическій указатель. (№ 2, стр. 33).

Литературно-Науков. Вистныкъ, 1904 г. № 1.

- 1) «Соловейко» (Зъ нагоды 35 лить юбилею М. В. Лисенка), напысала *Ганна Барвинокъ*.
- 2) «Мыколи Лисенкови на спомынѣ дня 7-го грудня 1903 року». *Войдана Ленкою* (стихъ, выголошенный авторомъ иидь часть музыкальной Академіи на честь М. Лисенка).
- 3) «Кантата на честь и славу М. Лисенку».
- 4) «Артысть» *Якова Жарка*.
- 5) Герой по неволи» *Ивана Франка* (перша половина повистки на тли подій зъ 1848 року у Львови).
- 6) «Мыпуле» (оновидання батюшки), *Лысака Тамаренка*.
- 7) «На стрпчу сонцю золотому», початокъ повисти *Марии Колушнякъ*.

- 8) Изъ недрукованыхъ поэзій *Юрія Федьковича*.
- 6) «Рай чы пекло?» *Марка Твайна*, перекл. М. Лозинскій.
- 10) «250 лить» *Михайла Грушевського* (зъ нагоды 250-ої річниси договору Хмельницького зъ Москвою).
- 11) «Нови погляды на діяльність св. Кирила и Методія», початокъ науковой полемики д-ра *Володимира Коцовського* зъ берлинскимъ профессоромъ д-ромъ *А. Брикнеромъ*.
- 12) «Платоничный панславизмъ», видчытъ *И. Бодуэна де Куртене*.
- 13) «Лисенкове свято въ Австріи» *Ивана Франка*.
- 14) Хроника и библиографія.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Святе пысьмо Старого Завѣту мовою русько-украинською. Перекладъ Кулиша, Левицького и д-ра Полюя. Выданія Британскаго и заграничнаго библійного товариства въ Лондонѣ. Покойный Кулишъ послѣдніе годы своей жизни, какъ извѣстно, работаль главнымъ образомъ надъ переводомъ св. Писанія на украинскій языкъ. Не успѣль онъ окончить своей работы, такъ-что послѣ его смерти осталась почти четвертая часть Старого Завѣта непереуведенной, и заканчиваль эту работу извѣстный нашъ писатель И. С. Нечуй-Левицкій. Когда-же въ 1902 году право изданія этого перевода перешло въ собственность Лондонскаго Библейскаго Общества, то оказалось, что и Псалмы еще не переведены. За этотъ послѣдній трудъ взялся проф. Полюй въ Прагѣ, который, кромѣ того, приняль на себя редакцію всего труда. Какъ сообщаетъ «Дило». Старый Завѣтъ уже отпечатанъ, и первые экземпляры его посланы С.-Петербургской Академіи Наукъ, Науковому Товариству имени Шевченка во Львовѣ и Товариству «Просвита» во Львовѣ.

Новыя русинскія газеты. Въ декабрь мѣсяць начали выходить въ Галиціи и Буковинѣ три новыя газеты: 1) въ Тернополѣ «Подольскій Голосъ», органъ Тернопольской народной организаціи: выходитъ 2 раза въ мѣсяць и стоить 3 кор. въ годъ; 2) въ Станиславовѣ «Нова Сичъ», еженедѣльная газета, цѣна 4 кор. въ годъ; 3) въ Ванквнцяхъ

(на Буковини) «Проминь», органъ русинскаго учительства; выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ и стоитъ 6 кор. въ годъ.

Въ городѣ Одессѣ данъ въ цензуру объемистый украинскій альманахъ «Багаття», составленный подъ редакціей І. Л. Липы. Въ настоящее время тамъ же готовится подъ редакціей Сергія Павленка изданіе альманаха «Проминь». Для этого изданія редакція, въ числѣ другихъ произведеній на украинскомъ языкѣ, уже имѣетъ въ своемъ портфель прекрасную повѣсть нашего талантливаго украинскаго писателя Ивана Левицького — «На гастроляхъ въ Мыкытянахъ», только что оконченную авторомъ.

Редакція «Проминя» проситъ авторовъ оказать изданію содѣйствіе присылкой своихъ произведеній на украинскомъ языкѣ для напечатанія въ альманахѣ, по адресу: въ городъ Одессу, Херсонская, домъ № 52, доктору медицины Ивану Митрофановичу Луценку.

Въ Кіевѣ приступаютъ къ печатанію украинскаго альманаха «Назгадку про Ив. Котляревського». Къ сожалѣнію весь матеріалъ, предназначенный для этого солиднаго изданія не попадетъ, по независящимъ отъ издателей обстоятельствамъ. Такъ напримѣръ, не будутъ помѣщены научныя и критическія статьи, написанныя на украинскомъ языкѣ и кое-что изъ беллетристики; тѣмъ не менѣе изданіе это представляетъ значительный интересъ, такъ какъ въ немъ принимаютъ участіе всѣ выдающіяся силы украинской литературы обѣихъ частей Украины—россійской и австрійской.

Въ Кіевѣ же составляется другой альманахъ въ честь маститаго украинскаго писателя И. С. Левицкаго по случаю его 35-тилѣтней литературной дѣятельности.

Изъ Кіева же посланъ на разрѣшеніе петербургской цензуры сборникъ стихотвореній извѣстнаго украинскаго поэта—сатирика Самійленка (псевд. Сывенькій).

Въ «Вѣстн. Юга» (№ 640) *Гр. Сьолобоchnый* помѣстилъ довольно большую рецензію о книгѣ *Б. Гринченка* «Пысанья». Томъ І. У Къиви 1903 р.

Въ «Полтав. Вѣстн.» (№ 292) напечатана статья по поводу предстоящаго празднованія столѣтія Полтавской епархіи; тутъ дается крат-

кая историческая справка о всемъ времени существованія этой епархіи, именовавшейся первоначально Переяславскою (въ XI в.). Въ №№ 302—304 той-же газеты помѣщено описаніе праздника столѣтія Полтавской епархіи, происходившаго въ Полтавѣ, въ покояхъ преосв. Иларіона; большая часть этого описанія посвящена изложенію прочитанной въ засѣданіи В. Терлецкимъ исторической записки «о прошломъ Полтавской епархіи и ея архинастыряхъ».

Въ газ. «Волинь» (№ 252 и 254) помѣщена статья *д-ра Антонія И.* въ переводѣ съ польск. яз. «Городъ Каменецъ-Подольскъ. Историческій очеркъ». — Въ томъ-же № 254 начата печатаніемъ и другая статья подъ заглавіемъ «Послѣдніе дни господства турокъ въ Каменцѣ и передача города Польшѣ» (Историч. справка по Ролле).

Въ газ. «Вѣстникъ Юга» (№ 625) помѣщена статья *Гр. Сього-бочною* подъ заглавіемъ «Нѣсколько мыслей вслухъ, о „педагогическихъ бесѣдахъ“ г. Лубенца». Содержаніемъ статьи служатъ мысли автора по вопросу о малорусскомъ языкѣ въ школахъ, о чемъ г. Лубенецъ въ своихъ бесѣдахъ высказалъ мнѣнія, слишкомъ неглубоко заглядывающія въ сущность вопроса

Въ газ. «Вѣстн. Юга» (№ 617) напечатана поминка о покойномъ украинскомъ беллетристѣ и публицистѣ А. Я. Конисскомъ по поводу третьей годовщины его смерти.

Во львовской газетѣ «Дило» на дняхъ помѣщена статья, подъ заглавіемъ «Въ справѣ потребности заснованія Музыкальнаго Института у Львови», въ которой приводятся интересныя свѣдѣнія объ украинской музыкѣ и представителяхъ ея въ прежнее время, преимущественно въ началѣ XVII вѣка.

Появился въ продажѣ «Збирникъ исторично-философичной секціи Наукового товариства имени Шевченка». (Томы VI и VII).

Появился въ продажѣ сборникъ разсказовъ Ивана Франка, подъ заглавіемъ «Малый Мыринь и инши оповиданя».

Профессоръ львовскаго университета М. Грушевскій недавно подписалъ контрактъ съ извѣстной книгоиздательской фирмой Тайбнера въ Лейпцигѣ объ изданіи на нѣмецкомъ языкѣ его труда «Исторія Украины--Руси». Право продажи этого изданія дается на 15 лѣтъ. Переводъ будетъ сдѣланъ со 2-го украинскаго изданія, первый томъ котораго появится въ продажѣ въ началѣ 1904 года.

Вышелъ во Львовѣ *первый русинскій иллюстрированный календарь музыкальный на 1904-й годъ*, съ литературнымъ приложеніемъ. Въ этомъ календарѣ, между прочимъ, есть большая статья Домета о Н. В. Лисенкѣ.

Библиографическій указатель музыкальной и литературной дѣятельности Н. В. Лисенка.

(1868—1903 г.).

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Предлагаемый указатель извлеченъ изъ предпринятаго мною, но пока незаконченнаго, труда по малорусской библиографіи. Не считывая поэтому на совершенную полноту настоящаго указателя, думаю однакожь, что все выдающееся въ дѣятельности Н. В. Лисенка вошло въ мой указатель и пропуски могутъ быть незначительныя. Заглавія произведеній Н. В. Лисенка вошли въ мой указатель непосредственно изъ подлинниковъ и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ заимствованы изъ каталоговъ или иныхъ подобныхъ источниковъ. Весь собранный матеріалъ размѣщенъ въ двухъ отдѣлахъ: въ первомъ приведены заглавія произведеній Н. В. съ указаніемъ извѣстныхъ мнѣ рецензій и другихъ библиографическихъ свѣдѣній подъ тѣми произведеніями, къ которымъ онѣ относятся, а во второмъ—помѣщена литература о Н. В. Лисенкѣ, т. е. библиографическія замѣтки и очерки и статьи общаго содержанія о его дѣятельности, какъ композитора и этнографа. Въ обоихъ отдѣлахъ собранный матеріалъ изложенъ въ хронологическомъ порядкѣ, при чемъ въ первомъ отдѣлѣ иногда приходилось считаться съ затрудненіемъ относительно времени выхода въ свѣтъ тѣхъ или иныхъ музыкальныхъ произведеній, такъ какъ годъ изданія на такихъ произведеніяхъ обыкновенно почему то не обозначается. Большая часть указаній заносилась въ мои записи не-

посредственно послѣ выхода въ свѣтъ того или иного произведенія Н. В., и такія указанія безошибочны: но не всегда я имѣлъ къ этому возможность, и въ такихъ случаяхъ приходилось опредѣлять годъ изданія на основаніи цензурной даты съ принятіемъ въ соображеніе закона, по которому цензурное разрѣшеніе имѣетъ силу въ теченіе года, такъ что въ подобныхъ случаяхъ ошибка во времени, конечно, можетъ быть, но лишь въ предѣлахъ одного года. Заглавія всѣхъ произведеній Н. В. и оглавленія содержанія ихъ вносились въ указатель съ точнымъ соблюденіемъ правописанія, какимъ онѣ напечатаны, тѣмъ и объясняется разнообразіе въ малорусскихъ заглавіяхъ и оглавленіяхъ, приведенныхъ въ указателѣ. Въ концѣ указателя мною приложено краткое оглавленіе перваго отдѣла, съ распредѣленіемъ при разысканіи по родамъ творчества, могущее служить къ облегченію произведеній того или иного произведенія и вмѣстѣ съ тѣмъ дающее возможность наглядно видѣть разнообразіе творческой дѣятельности Николая Витальевича Лисенка.

М К.

I.

Творчество Н. В. Лисенко.

1868 г.

I. Збирныкъ украинськихъ писень. Зібравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко*. Выпускъ I-й. 95 ст. 4^о. Ц. 2 р. 50 к. Кіивъ -- Мѣискій у Редера (40 пѣсень съ нотами для пѣнія и фортепіано: 1. Ой зійшла зоря вечирова. 2. Оженився козакъ. 3 и 4. Ой пыла та Лемерыха. 5. Охъ и ты Гетьмане. 6. Ой пуцу я кониченька въ саду. 7. Ой ще не свить. 8. Ой у поли та у Барышполи. 9. Та не журь мене, моя маты. 10. Охъ и горе, нещаслива доле. 11. Ой у лузи та и при берези. 12. Максимъ козакъ Зализнякъ. 13. Гей не дывуйте. 14. Ой косить хазинь. 15. Ой не стелся, хрещатый барвинку. 16. Ой у поли крыпыченька. 17. Ой тлыбокый колодязю. 18. Ой поплывы вутко. 19. Ой и зрада, кари очи, зрада. 20. Ой маты. 21—23. Ой гаю, мій гаю. 24. Чы ты мыый прыпавъ пыломъ. 25. Зеленая лицынонько. 26. Ой на гору козакъ воду посить. 27. Ой повій, буйный витре. 28—29. Та бодай тая стеновая могила. 30. Лугомъ иду, кони веду. 31. Дощкы

капае дрибненько. 32. Ой не шумы луже. 33. Ой учора горавъ 34. Ой ишовъ я вулицею разъ. 35—36. Джыгунъ. 37. Чумарочка рябесенька. 38. Чорна гречка, били крупы. 39. Колы бь мени Господы. 40. Король).

Кіевлянинъ, 1868 г. № 139. Музыкальная повесть.

1869 г.

2. Збирникъ украинськихъ писень. Зибравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко*. Выпускъ II-й, 81 ст., 4^о. Ц. 2 р. 50 коп. Кіевъ-Львівське. Дозволено цензурою. Спб. 27 мая. 1858 г. (40 пісень съ погами для пінія и фортепіано: 1) Про Палія та Мазепу, 2) Про Швачку, 3) Про Саву Чалого, 4) Про руйновання Спчи, 5) Про Харька, 6) Ой не гараздъ запорожци, 7) Гоминь, гоминь по дїброви, 8) Ой не пугай пугаченьку, 9) Ой крыкнула лебедонька, 10) Ой изъ-за гори та зъ-за кручы, 11) Ой чумаче, чумаче, 12) Ой по гори сирі воли ходылы, 13) Ой щожь бо то тай за воронь, 14) Та не спавъ я ничку, 15) Та забілилы снigy, 16) Та по-за садомъ, 17) Ой по горахъ снigy біліють, 18) У Кывви на рыночку, 19) Та туманъ яромъ, 20) Та жыла собі та удивонька, 21) Казавъ мени батько. 22) Ой ты місяцю, зоре, 23) Щось у ліси зашумило, 24) Ой ходыла дивчына березкомъ. 25) Ой у поли озерце, 26) Ой запывъ козакъ, 27) Ой важу я, важу, 28) Выйду я на гірочку, 29) Ой ненько, зацвило серденько, 30) Туманъ по долини, 31) Розвивайся ты дубочку, 32) Ой я въ батька одыныця, 33) Ой вийду я за воритечка, 34) Ой зійды місяцю, 35) Ой по горахъ, по долинахъ, 36) Ой иду жь я лісомъ, 37) Не хылься сосно, 38) Ой не свиты місяченьку, 39) Горе мени на чужыни, 40) Ой, Гандзю млыстыва).

1871 г.

3. Музыка до Кобзаря Т. Шевченка. Спорудывъ *М. Лисенко*. Стихотворенія Т. Шевченка, на музыку переложенныя Н. В. Лисенкомъ. Спб. Изданіе второе. (О первомъ изданіи свѣдѣній не имѣю). Кіевъ. У Б. Корейво. 1871 г.). (Дозволено цензурою. Спб. 9 іюня 1870 г.) 54 ст., 4^о. Ц. 1 р. 25 к. (10 пісень для пінія съ аккомпаниментомъ фортепіано: 1) Ой одна я, одна, якъ былинька въ поли (для сопрано), 2) Туманъ, туманъ долиною (сопр.), 3) На городи коло броду (сопр.), 4) Садокъ вишневыи коло хаты (сопр.), 5) Ой чого ты почорнило (барит.). 6) На що мени чорни бровы (сопр.), 7) Ой люди,

люли (сопр.), 8) Якъ бы мени, мамо, намысто (сопр.), 9) Надъ Днипровою сагою (контръ-альто), 10) Сонце заходить (тріо).

1873 г.

4. Збирныкъ украинськихъ писень. Зібравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко*. Выпускъ I. Друге выдання. 81 сот., 4^о. Ц. 2 р. 50 к. Лыпське-Кыивъ. (Содержаніе см. за 1868 г. № 1).

5. Збирныкъ украинськихъ писень. Зібравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко*. Выпускъ II. Друге выдання. Лыпськый-Кыивъ. Ц. 2 карбованця. (Содержаніе см. за 1869 г. № 2).

Ларошъ. Голосъ, 1873 г. № 252.

1874 г.

6. Плачь Ярославны. Частына зъ поэмы «Слово о полку Игоря» по перекладу *М. Максимовича*. Музыку зложывъ *М. Лисенко*. Кыивъ, 13 ст. 8^о. Ц. 50 к. Нотопечатня Бесселя въ С-Петербургѣ.

7. Чумацкія народныя пѣсни. Собралъ *И. Рудченко*. К. 1874 г., 257 ст. 8^о. Ц. 1 р. 30 к. Въ сборникѣ этомъ 72 пѣсни со многими вариантами, изъ которыхъ 13 положены на ноты *М. Лисенкомъ*.

8. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край, снаряженной Императорскимъ Географическимъ Обществомъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя д. ч. Общества *П. Чубинскимъ*. Т. IV, Спб., 718 ст. 8^о. Обряды: родины, крестины, свадьба съ соответствующими пѣснями подъ редакціей *Н. Костомарова*. Въ этомъ томѣ напечатано болѣе 2000 пѣсень, изъ которыхъ 138 положены на ноты *Н. Лисенкомъ*.

9. Характеристика музыкальныхъ особенностей малорусскихъ думъ и пѣсень, исполняемыхъ кобзаремъ Остапомъ Вересаемъ. Рефератъ *Н. Лисенка*. Записки юго-западнаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества. Т. 1-й за 1873 г. К., 1874 г. ст. 339—366. Тамъ же: *Ноты къ думамъ и пѣснямъ, исполняемымъ О. Вересаемъ, всѣхъ 9+7 номеровъ, стр. 1—28.* Все это вмѣстѣ со статьей А. Русова: «*Останъ Вересай, одинъ изъ послѣднихъ кобзарей*» издано также въ 1874 г. отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: „*Кобзарь Останъ Вересай, его музыка и исполняемыя имъ народныя пѣсни*“.

10. Риздвяна ничь. Оперета по Гоголю въ 4 діяхъ. Текстъ М. Старыцького. Музыка *М. Лисенка*. К. Ц. 35 к.—Тоже 2 изд. Южнорусскаго книжнаго магазина, К., 1876 р., 82 ст. 8°. Ц. 35 к.—Тоже 3-е изд. Л. Ильницкаго подъ заглавіемъ **Риздвяна ничь**, музыкальна комедія въ 4 діяхъ. Текстъ и вирши М. Старыцького, музыка *М. Лисенка*. К., 1882 г., 109 ст. 12°. Ц. 50 к. Во всѣ эти изданія вошелъ лишь текстъ оперетты безъ музыки. О самой опереттѣ и музыкѣ къ ней, а также о постановкѣ оперетты на сценѣ см.

1. *Кіевлянинъ*, 1873, № 26 и 1874, № 15 и 18.
2. *И. Ив-ко*, Кіевскій Телеграфъ, 1874, № 3.
3. *С.-Петербургскія Вѣдомости*, 1874, № 91 и 179.
4. *Кіевскій телеграфъ*, 1875, № 30.

1875 г.

Молодоци. Збирныкъ танкивъ та веснянокъ. Гры, спивы весняни, дятячи, дивочи, жиночи, мишани. *М. Лисенка*. К., 60 ст. 4°. Ц. 1 р. 20 к. (Всѣхъ пѣсень съ нотами для пѣнія 37. *Гры*: 1) Огирочки, 2) У калача, 3) Горобойко, 4) Макъ, 5) Макъ пшый, 6) Ще макъ, 7) Дзѣбка, 8) Лѣнь, 9) Перенилка, 10) Галка, 11) Шумъ, 12) Воротарь, 13) Король, 14) Дибровонька або дощечка, 15—17) Крывый танецъ, 18) Плету плетеняцю. Танокъ, 19) Нелюбъ, 20) Горобейко, 21) Щитка, 22) Зайко, 23) Кизлыкъ, 24) Чоловикъ та жинка *Веснякы*: 1) Ой не росты, кроне, 2—3) Ой весно весняночко, 4) Ой вже весна красна, 5) Ой ты сывая та зозуленько, 6) Ходыть сорока коло болота, 7) Ой тамъ на гори, 8) Перелеты соколоньку, 9) Выйды. Грыцю, на вулицю, 10) Коло Дунаечку, коло бережечку, 11) Та вилынь селезню, 12) Просылася галочка, 13) Ой тамъ на морижку).

1876 г.

12. Збирныкъ украинськихъ пѣсень. Зибравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко*. Выпускъ III, Кивь, 83 ст., 4°. Ц. 2 р. 50 к. Всѣхъ пѣсень съ нотами для пѣнія и фортепіано 40: 1) Про Кальнышевського, 2) Про Печая, 3) Про Байду, 4) Тече вода зъ-пидъ каменю, 5) Пцо въ Кивни на рыночку, 6) Ой летивъ пугачъ, 7) Ой горе тій чайци, 8—9) Вылиталы орлы, 10) Ой ты багачу, 11) Ой оре Семень, 12) Пцо молода жинка зъ старымъ мудрвала, 13) Ой хмелю мій, хмелю, 14) Тяжко важко ой хто кого любить, 15) Ой у

поли былынонька колыхається, 16) Охъ и бачытся лисокъ не высокъ. 17) Не спивайте пивни, 18) Ой чыи то волю по гори ходылы. 19) Та и за тучаы громовымы, 20) Ой жаль мени вечиронька, 21) Ой сама жъ я, сама, якъ былынонька въ поли, 22) Ой сама жъ я пше-ныченьку жала, 23) Ой щось мени не легко, 24) Чы я вилыла, чы я вбрела, 25) Ой жаль мени, 26) Тыхо Дунай воду несе, 27) Та колы бь мени доля, 28) Ой не стукай, 29) Ой у лузи волюкы въ плузи. 30) Ой у поли крыныченька, 31) Та болять ручки-нижки, 32) Ой ишовъ козакъ зь косовыци, 33) Ой перепилочка, 34) Що слава въ свити мала, 35) Безъ тебе Олесю, 36) Колы бь маты не была, 37) Та куды йдешь, Явтуше, 38) Якъ пойхавъ мій мыленькый, 39) Чомъ, чомъ чорнобровъ, 40) Про Куперьяна).

13. Писни М. Лисенка. Слова *Т. Шевченка*. Слб., у Бесселя. (Дозволено цензурою, Слб., 2 мая 1875 г.). Три піесы: 1) Полюбылася я (для мецо-сопрано або альты), 2) Утоптала стежечку, 3) Закувала зозуленька. Ц. за 1 и 2 по 20 к., за 3—30 к.

14. Op. 2. Сюита in g зь украинськихъ писень. Для фортепіано уложывъ *М. Лисенко*. К. Ц. 1 р. 80 к. Всьхъ 6 номеровъ: 1) Preluda (Хлопче молодче), 2) Couranta (Помалу-малу, братику, грай), 3) Toccata (Пшла маты на село), 4) Sarabanda (Соце нзыенько) 5) Gavotte (Ой, чыя ты, дивчыно), 6) Scherzo (Та казала мени Со-лоха прыйды). Цѣна каждой въ отдельности отъ 30 до 60 коп.

15. Op. 8. Rhapsodie sur des thèmes de l'Ukraine: Grand morceau de concert pour le Piano par *Nicolas Lissenko*. (Дозвол. цензурою, К., 14 мая 1875 г.). 21 ст. 4°. Ц. 1 р. 50 к. Посвящается à Madame Sophie Roussow. Лейпцигъ. Типогр. Гройхена и Рила. Кіевъ. у Б. Корейво.

16. Op. 15. Barcarolle. Compositions pour le Piano *Nicolas Lissenko*. (Дозволено цензурѣю 14 мая 1875 г.). Лейпцигъ. Типографія Гройхена и Рила. Kieff, chez V. Korejwo. Ц. 75 к.

17. Op. 18. Думка-шумка. 2-me Rhapsodie de l'Ukraine pour le piano composée par *N. Lissenko*. (Дозволено цензурою. Кіевъ. 14 мая 1875 г.). 11, ст. 4°. Prix 90 cop.

1877 г.

18. Op. 6. Valse brillante. Pour le Piano. *N. Lissenko*. К. Ц. 1 р. 20 к.

19. Op. 7. **Polonaise de Concert en g** Pour le Piano. *N. Lissenko*. К. Ц. 1 р. 50 к.

20. Op. 10. **Deux chants sans paroles**. Pour le Piano. *N. Lissenko*. К. 75 к.

21. Op. 12. **Le Rêve**. „На солодкимъ меду“. Мрія. *N. Lissenko*. К. Ц. 90 к. (для фортепіано).

22. Op. 17. **Valse mélancolique**. Pour le Piano. *N. Lissenko*. К. Ц. 75 к.

23. Op. 22. **Ходыть гарбузь по городу**. Pour le Piano. *N. Lissenko*. К. Ц. 75 к.

1878 г.

24. **Чорноморци**. Оперетта по Кухаренку въ 3 дѣяхъ *М. Старыцького*. К. 74 ст., 8°. Ц. 25 к. Къ ней музыка *М. Лисенка* для скрипки и фортепіано. К. Ц. 75 к.

1881 г.

25. **Автобіографія М. Лисенка**. Свѣтъ (Львовская газ. подъ ред. И. Франка) 1881 г. № 5.

1882 г.

26. **Гамлетъ, принцъ Данськый**. Трагедія І. Шекспира. Пер. *М. Старыцькый*. Зъ прилогою музыки *М. Лисенка*. К., 202 ст. 12°. Ц. 1. Въ концѣ приложены ноты: *Спѣвъ Офеліи*, музыка *М. Лисенка*, № 1—9 стр. 1—12.

1883 г.

27. **Чорноморци**. Оперетта у 3 дѣяхъ. За-для скрипки зъ про-водомъ фортепьяно або-жь за-для спивъ зъ фортепьяно. Текстъ по Ку-харенку склавъ *М. Старыцькый*. Музыка *М. Лисенка*. К. 60 ст. 8°. Цѣна для скрипки съ аккомпаниментомъ фортепіано 1 р., съ прибав-леніемъ текста для пѣнія въ отдѣльной партіѣ 1 р. 20 коп. Ноты 30 стр. 4°. Всѣхъ № 32. Кіевъ, у Б. Корейво. Типографія К. Милевскаго. (Дозв. цензурою, К. 1883 г. 21 января). Рецензія на эту оперетку, главнымъ образомъ по поводу постановки ея на сценѣ, см.

1) *Одесскій Вѣстникъ*, 1884, № 2.

2) *Сусидъ*, *Одесскій Вѣстникъ*, 1884, № 10 (о музыкѣ).

3) *Другой рецензентъ*, *Одесскій Вѣстникъ*, 1884, № 17.

- 4) *Бекаръ*. Одесскій Вѣстникъ, 1884, № 21. Письмо въ редакцію.
- 5) *Дѣло*. (Львовская газ.) 1885, № 125. Театръ.
- 6) *Новости*. (Петерб. газ.) 1886, № 321.
- 7) *Коцовскій В.* Зоря (Галиц.) 1888, № 20. Театръ.

28. Риздвяна ничъ. Опера въ 4 дѣяхъ и 5 картинахъ. Либрето по Гоголю зложывъ *М. Старыцькый*. Музыка *М. Лисенка*. К. Коштомъ *А. Ильицкаго*. 128 ст. 12°. Ц. 50 к. Въ этомъ изданіи помѣщенъ только текстъ оперы, съ изложеніемъ содержанія каждой сцены по-русски. Объ этомъ изданіи см.:

1. *Заря* (Кіев. газ.) 1883 № 17. Искусство и литература.
2. *Кіев. Старина* 1883 кн. 6. Малорус. изданія.

1884 г.

29. Риздвяна ничъ. Комико-лирична опера *М. Лисенка*. Текстъ по Гоголю *М. Старыцькою*. К. 350 ст. 8°. Ц. 10 р. (Поставлена впервые въ г. Харьковѣ въ 1883 г. Теперь ц. 8 р.).

1. *Б—цкій*. Музыкальный міръ 1883 № 8.
2. *Заря*. (Кіев. Газ.) 1883 № 68. „Два мѣтнія о малорусской оперѣ Риздвяна ничъ“.
3. *Зоря*. (Галиц. газ.) 1883 № 4. Нова малоруська опера.
4. *Статистическій листокъ*. (Харьков. газ.) 1883 № 1.
5. *Южный край*. 1883 № 728 отъ 2 февраля.
6. *Journal de St. Peterburg*. 1884 № 239.
7. *Заря*. (Кіев.) 1884 № 275. Отзывъ *П. Сокальскаго* объ оперѣ „Риздвяна ничъ“:
8. *Ма(твѣ)въ А.* Къ исторіи южно-русской музыки. (Опера „Риздвяна ничъ“—*М. Лисенка*) Одесса, 1884 г. 32 стр. 16°. Оттисекъ изъ газ. Одесскій Вѣстникъ 1884 № 236.
9. *Сокальскій П.* Одесскій Листокъ 1884 № 257 и 258.
10. *Матюкъ В.* Зоря (Галиц.) 1885 № 7—13. Музык. оцѣнка.
11. *Московскія Вѣдомости* 1887 № 334. (По поводу постановки въ Москвѣ).
12. *Кіевское Слово* 1887 № 258. „Риздвяна ничъ“ на московской сценѣ.
13. *Дѣло* (Галиц.) 1889 № 289. „Риздвяна ничъ“ на сценѣ въ Галичинѣ.

30. Materiały etnograficzne z okolic Pliskowa w powiecie Lipowickiem zebrane przez Pannę *Z. D.* Opracował *C. Nejman*. W Krakowie. Osobne odbicie ze Zbioru Wiadomości do Antropologii krajowej. Т. VIII. 134 ст. 8°. Въ этомъ изданіи 137 малорусскихъ пѣсень, изъ которыхъ 20 положены на ноты для пѣнія *М. Лисенко*.

31. Тетрадь безъ заглавія. На обложкѣ виньетка съ изображеніемъ бандуриста и группы крестьянъ. Внизу подпись: Дозволено цензурою. Кіевъ. 12 декабрія 1883 г. 14 стр. 8°. Ц. 30 к. Всѣхъ номеровъ 7: 1) Ой на гори ласылечки. Раскладка *Н. Лисенка* (народня пісня); 2) На бережку у ставка. Народня. Розложивъ для хора *Н. Лисенко*; 3) Дивка въ синяхъ стояла. Народня пісня. Розложивъ для хора *Н. Лисенко*; 4) Ой падину черевыки. Изъ оперетты «Черноморци». Муз. *Лисенка*; 5) Ой тамъ на рынку. Народня. *Н. Лисенко*; 6) Сонце низенько, вечіръ близьенько. Народня. Для хора положивъ *Н. Лисенко*; 7) Ой любивъ та кохавъ. (Изданіе литографірованное).

1885 г.

32. Утоплена (Майська нічъ). Оперета по Гоголю въ 3-хъ дѣяхъ *М. Старыцького*. Музыка *Н. Лисенка*. Одесса. 86 стр. 8°. Ц. 25 к. Изъ сборника «Ныва», вышедшаго въ томъ же году въ Одессѣ. Издавъ только текстъ.

1. *Заря*. (Кіев.) 1884 № 248. По поводу постановки оперетты въ г. Харьковѣ.

2. *Общ. Вѣстникъ* 1889 № 333.

3. *Крымскій Вѣстникъ* 1890 № 15 и 85. Представленія малороссовъ.

4. *Южанинъ* 1890 г. № 32.

33. Черноморци. Оперета по Кухаренку въ 3 дѣяхъ *М. Старыцького*. Муз. *М. Лисенка*. 2 выданія коштомъ Б. Корейво. К. Ц. 25 к. Только текстъ, къ которому музыка *Лисенка* издана въ Кіевѣ въ 1883 г.

34. Молытва. Гімнъ на жіночій голосъ зъ акомпаниментомъ фортепяно. Слова *О. Кописького*. Музыка *Н. Лисенко*. Львовъ. Музыкальная бібліотека. В. III-й. Ц. 15 гр.

35. Вѣнецъ. Збирничокъ найліпшихъ квартетовъ польськихъ и руськихъ. Коштомъ товариства «Лютня». Львівъ. 42 ст. Ц. 45 гр. Въ этомъ збірникѣ между прочимъ помѣщена музыка *М. Лисенка* къ стихотворенію *М. Старицького*: «На про!».

1886 г.

36. Збирничекъ народнихъ украинськихъ пісень. Зібрави и для хору уложивъ *М. Лисенко*. Першій десятокъ. (Дозв. цензурою К. 16 сентябрія 1885 г.) К. 14 ст. 8°. Ц. 50 к.: 1) Про Байду; 2) Ой на гори та женци жнуть; 3) Охъ и горе, нещаслива доле; 4) Та

щука рыба въ мори; 5) Ой не стелыся хрещатый барвинку; 6) Гулявъ чумаць на рыночку; 7) Ой тамъ за Дунаемъ; 8) Ой пзъ за горы буйный витерь віе; 9) На що було старому женитися; 10) Та тумавъ яромъ котыться).

37. Музыка до Кобзаря Т. Шевченка—М. Лисенко. Спивы про жиночи та чоловічи голосы, по-одыноки, якъ такъ и гуртови (дуэты, тріо, квартеты, хоры). Серія 1-я. К. Изд. Б. Корейво. Повтореніе изданія 1871 г. съ присоединеніемъ 3-хъ піесъ, изданныхъ въ 1876 г. (см. № 3 и 13-й), а всего 13 піесъ. Ц. въ одной тетради 1 р. 80 к. и отдѣльно каждая піеса 30—60 к.

Заря (Кіев.) 1886 № 9.

38. Музыка до Кобзаря Т. Шевченка—М. Лисенко. Спивы про жоночи и чоловічи голосы, якъ поодыноки, такъ и гуртови (дуэты, тріо, квартеты, хоры). Серія II. К. У Б. Корейво. (Дозв. цензурою. К. 9 марта 1885). Въ эту серію также входятъ 13 піесъ: 14) И бѣгата я и вредыва я; 15) Мынають дни (для баритона); 16) Огни горять, музыка грае (теноръ); 17) Тежъ (барит.); 18) Ой Днипре, мій Днипре! Спивъ Яремы зъ «Гайдамакивъ» (басъ); 19) Гетьманы, гетьманы! Свято въ Чыгырыни. Зъ «Гайдамакивъ» (барит.); 20) Не женыся на багатій (барит.); 21) Зацвила въ долини (дуэтъ сопрано и тенора); 22) Не тополю високою (сопр.); 23) За сонцемъ хмаронька плыве. (Квартетъ сопрано, альты и баса); 24) Ой на гори ромень цвите (тен.); 25) Якъ бы мени черевыкы (сопр.); 26) Бьють пороги, місяць сходитъ. Кантата про одыноки голосы чоловічц, дуэты, тріо и мпшаний гуртъ зъ проводомъ оркестра: фортепяновый укладъ (Klavierauszug) автора. Ц. № 14—26 въ одномъ зшитку 2 р. 50 к., а варіанно видъ 20—50 к., а кантата 1 р. 20 к.

39. До Хортыци. Слова *Я. Щоголева* (Стуговать Днипро по скеляхъ). Музыка *М. Лисенка*. До дня 25-хъ роковинъ смерти Тараса Шевченка. Коштомъ Б. Корейво. К. Ц. 60 к.

1887 г.

40. Збирныкъ народнихъ украинськихъ піесень. Зибравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко*. Выпускъ IV-й. К. 80 стр. 4^о. Ц. 3 р. Дозв. цензурою. К. 7 августа, 18 ноября и 17 декабря 1886 г.). Всѣхъ піесень съ нотами для пінія и фортепяно 40: 1) Про Нечая; 2) Про Харка; 3) Про татарський полювъ; 4) Про Мыхайла; 5) Про

Довбуша; 6) Про Голоту; 7) Ой въ городи на ростоци; 8) Та на биду козакъ уродывся; 9) Ой пылы козаченькы; 10) Ой на гори огонь горить; 11) Гей шпорынгъ по дорози; 12) Ой у Кыиви та на городици; 13) Гей у стену крыныченька; 14) Та запывъ чумакъ; 15) Иде чумакъ у дорогу; 16) Охъ и я съ горя; 17) Вульця гуде; 18) Ревуть воды; 19) Ой изъ за горы зъ за крутои; 20) Побратався сокиль зъ сызокрылымъ орломъ; 21) Ой изъ за горы та буйный витерь вие; 22) Та колыбъ маты знала; 23) Ой добрая годинокъ; 24) Ой чы воленька чы неволя; 25) Ромень зилля та й у кучеры вьется; 26) Ой тамъ за горою; 27) Та нема гиригъ никому, якъ тій сиротыни; 28) Що сьогонди я тута; 29) Иду жъ бо я, коня понасаю; 30) Ой ты мисяцюзоре; 31) Щасливому по грибы ходыгы; 32) Ой мала я дна садочки; 33) Гиля, сири гуси; 34) Пльве качурь; 35) Жали мои; 36) Бескыде, зеленый; 37) Маріе, Маріе, чого ходышь-нудышь; 38) Задумавъ дидочокъ; 39) Чомъ не прыйшовъ; 40) Ой мій мыный умеръ.

41. Збирныкъ народнихъ украинськыхъ писень. Зібравъ и для хору уложынь *М. Лисенко*. Другый десятокъ. (Дозв. цензурою. К. 18 ноября 1886 г.) 18 ст. 8^о. Ц. 50 к. (1. Ой Сичъ маты; 2. Ой Морозе, Морозенку; 3. Ой пуцу я коныченька; 4. Ой у поли два яноры; 5. Ой гаю мій, гаю; 6. Гей по слыѣму морю; 7. Ой пье козакъ; 8. Ой любывъ та кохавъ; 9. Ой та спывся козакъ; 10. Ой по-слала мене маты).

42. Quodlibet зъ народнихъ писень. Хоръ *М. Лисенка*. Львовъ. Музыкальная библиотека, выпускъ VIII. Ц. 30 кр.

1888 г.

43. Дума о Богданѣ Хмельницкомъ и Варабашѣ. Записаль изъ Кобзаря П. Братыци *Н. Лисенко*. Съ потами. Кіевская Старина, кн. 7, приложение 17.

44. Иванъ Гусъ. Гурговый спивъ зъ супроводомъ фортепяно до словъ *Т. Шевченка*. Спысавъ до дня 20 роковинъ смерти Т. Шевченка *М. Лисенко*. Львовъ. 7 ст. 4^о. Ц. 50 кр. Выдавъ К. Пашкивській.

1889 г.

45. Збирныкъ народнихъ украинськыхъ писень. Зібравъ и для хору уложывъ *М. Лисенко*. Третій десятокъ. (Дозв. цензурою. К. 16 января 1889 г.) К. 22 ст. 8^о. Ц. 50 к. (1) Гей гукъ, маты.

гукъ: 2) Розлылися круто бережки; 3) Та забилили снigy; 4) Що по горахъ снigy лежать; 5) Охъ и закувала сыва зозуленька; 6) Туманъ яромъ; 7) Ой на гори васылечкы сходить; 8) Та нема тиригъ никому; 9) Ой знаты хто кого любе; 10) Часъ до дому, часъ).

46. Мылованка и Вечерь. Дви пiсни тенорови зъ супроводомъ фортепяно Слова *М. Старицкаю*. Музыка *М. Лисенка*. Львовъ. Библиотека музыкальна в. XIII, 6 ст. 8^о. Ц. 20 кр.

47. Матушка царица, солнце наше красно. Юбилейный хоръ къ празднованію 50-лѣтія Кіевскаго Института благородныхъ дѣвиць. Слова *Е. Полянскою*. Музыка *Н. Лисенко*. К. 15 ст. 4^о. У Б. Корейво. Ц. 1 р 20 к. (Дозв. цензурою. К. 29 марта 1889 г.).

48. Торжественный маршъ ко дню празднованія 50-лѣтняго юбилея Кіевскаго Института благородныхъ дѣвиць. Для фортепяно въ 8 рукъ *Н. Лисенко*. К. Ц. 1 р. 50 к.

1890 г.

49. Збирныкъ украинськихъ писень. Збравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко*. Першый выпускъ. Власнiсть выдавци на вси роки. К. 95 ст. 4^о. Ц. 2 1/2 карбованця. Складъ у *А. Идзиковскаго* въ Кіевѣ. (3 издание, содержаніе см. за 1868 г. № 1).

50. Наталка-Полтавка. Перша украинська оперета у 3-хъ дїяхъ *И. Котляревскаго*. Музыку впорядкувавъ *М. Лисенко*. (Дозв. цензурою. К. 24 юли 1889 г.) К. У Б. Корейво. 16 ст. 4^о. Ц. 1 р. 50 коп. 1500 экз. Литографія Редера въ Лейпцигѣ. (Текстъ оперетты, увертюра и 22 № дїи пїнія съ акомпаниментомъ фортепяно).

1. *Дикъ*. Одесскій Вѣстникъ 1890 № 158.

2. *Комаръ М.* Зоря (Галиц.) 1890 № 17 и 23.

51. Коза-дереза. Дытяча комична оперета въ 1 дїи. *Рус. Граб. Лино*. Музыку впорядкувавъ *М. Лисенко*. Дзвинокъ (Галиц. журналъ) № 23. (Текстъ съ музыкой).

52. Риздвяна ничъ. Комико-лирична опера въ IV дїяхъ, V карвахъ. Либрето зложивъ *М. Старицькый*. Музыка *М. Лисенка*. Наглядомъ товариства «Руска бесида» у Львови. 64 ст. 16^о. Ц. 30 кр. (Текстъ безъ музыки).

53. Образкы зъ колышнього. Картинкы изъ прошлаго. *Révêrie, par Nicolas Lissenko*. Оп. 13. Посвящается *Л. М. Д.* Для фортепяно въ 2 руки. Спб. Музыкальныя приложенія журнала «Баянъ» 1890 г. Апрель.

1890—1893 г.

54. Музыка до Кобзаря Т. Шевченка.—*М. Лисенко.* Спивы про жиночи та чоловічи голосы, якъ поодыноки, такъ и гуртови. (дуэты, тріо, квартеты, хоры). Серія III. (Дозв. цензурою. К. 16 января 1889—19 іюня 1893 г.) Кіевъ. У Б. Корейво. Москва. Печатны В. Гроссе. (Въ эту серію вошли также 13 піесъ: № 27. Реве та стогне Днипръ широкий (басъ); № 28. И широкую долину: 30. У неділю вранци рано; 31. Мы заспывали, розійшлись (дуэть—басъ и сопр.); 32. Ой умеръ старый батько (К.-альто); 32-б. Тежъ (сопр.); 33. Та не дай, Господы, нікому (баритонъ або басъ); 34. Материнъ жалъ; Ой сяду я підъ хатою (М.-сопр.); 35) У тієї Катерины хата на помості (басъ); 36) По діброви витеръ віе (сопр. або теноръ); 37) Тече вода зъ підъ явора. Дуэть (два сопр.); 39-а) Буває иноди старый (бар.); 39-б) Тежъ (тен.). Ц. каждой піесы отъ 20—60 к.

1891 г.

55. Збирныкъ народнихъ украинськихъ пісень. Зібравъ и для хору уложивъ *М. Лисенко.* Четвертый десятокъ. (Дозв. ценз. К. 16 октября 1890 г.) 25 ст. 8°. Ц. 50 к. [1) Наступила та чорна хмара; 2) Ой чы се жъ той бурлацюга; 3) Ой бре море; 4) Ой по горахъ снігы біліють; 5) Ой підъ горою, підъ перевозомъ; 6) Ой гыля гусонькы на ставъ; 7) Не топыла, не варыла; 8) Коло млына, коло броду; 9) Спать мени не хочеться; 10) Охъ, та не любы двохъ).

56. А. Головатый. Запорожський депутатъ и кобзарь. Написавъ *М. Уманецъ.* Львовъ. 28 ст. 8°. Оттискъ изъ журнала «Правда» за тотъ же годъ. Въ концѣ приложена: «*Пісня А. Головатого*» (Ой Боже нашъ мылостывый). Записавъ зъ голоса видъ профессора харьк. университета А. Потебни *М. Лисенко.*

1892 г.

57. Збирныкъ украинськихъ пісень. Зібравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко.* Выпускъ V-й (Дозв. ценз. К. 25 февраля 1892 г.). К. 84 ст. 4°. У Б. Корейво. Ц. 3 карбованця. (Всѣхъ пісень съ нотами для пѣнія и фортепіано 40: 1) Про Перебийноса; 2) Про Супруна; 3) У городи у Тамани; 4) Ой підъ лисомъ та підъ Лебедьномъ; 5) У суботу рано; 6) Ой у неділеньку рано; 7) Ой зивьяла червона калына; 8) Ой у Гали свекруха лыхая; 9) Ой изъ за горы

дощыкъ; 10) Голиванька моя бідная; 11) Ой-давно я въ батька була; 12) Чорна хмара наступае; 13) Выйду за ворота; 14) Калынонька та малынонька; 15) Ой гай маты; 16) Ой кряче та чорненый воронь; 17) Ишовъ козакъ дорогою; 18) Ой здорова черноброва; 19) Теперь моя головонька въ гори; 20) Куды витерь віе; 21) Шыве шука зъ Кременчука; 22) Чомъ дубъ не зеленый; 23) То зеленая горишына; 24) Ой видсиль гора; 25) Копавъ же я та крыныченку; 26) Ой бувай здоровъ; 27) Ой прыбуди, хочъ коня добуди; 28) Ой ты горо кремьянал; 29) Ой у лиси клень дерево; 30) Беру воду та зъ переброду; 31) Ой ты дубе кучерявый; 33) То малюсеньке соловьятко; 34) Пиль горою деркачь дере; 35) На вгороди калына; 36) Стояли на колодци; 37) Ой умерь та козаченько; 38) Про Петруня; 39) Про чечитку; 40) Ой куме, куме, добра горилка).

58. Збирныкъ народнихъ украинськихъ писень. Зибравъ и *оли сору* уложывъ *М. Лисенко*. Пятый десятокъ (Дозв. цензурою 25 февраля 1892 г.). К. 19 ст. 8°. Ц. 50 к. [1) Тече вода зъ пидъ города; 2) Ой та витерь повивае; 3) Ой на гори вивчарь вивци ганяе; 4) Кому воля, а кому неволя; 5) Сыдыть дидъ на печи; 6) Ой тамъ за яромъ брала дивка лень; 7) Куды витерь віе; 8) Выйду я на гиرونьку; 9) Ой чый же це двирь; 10) Гарбузь бильый качается).

59. О торбанѣ и музыкѣ пісень Видорта. (Съ приложеніемъ музыки трехъ піесъ: Спивъ Ревухы, Подорожъ В. Ржевуского и Видортова писня: Не журыся мій хазяинь) *Н. Лисенко*. Киевская Старина. Кн. 3 стр. 380—387.

60. Увертюра изъ оперы „Риздвяна ничь“—М. Лисенка. Ouverture „La nuit de Noel“, opera lirique—*N. Lissenko*. К. ц. 1 р. 50 к.

61. Op. 4. Украинскій козакъ—Шумка.—Н. Лисенка. Danse nationale de l'Ukraine. Scherzo pour le grand Orchestre, arrangé pour le piano à 4 mains par l'Auteur, 1 p. 65 к.

1894 г.

62 Музыка до Кобзаря Т. Шевченка.—М. Лисенка. Спивы про жиночи та чоловічи голоса, якъ пободонокъ, такъ и гуртови (дуэты, тріо, квартеты, хоры). Серія 4. (Дозв. цензурою. К. 13 июля 1894 г.). К. У автора и по всихъ книгарняхъ. М. Печатня В. Гроссе. (Въ эту серію входятъ слѣдующія піесы: № 40) Доля. Ты не лукавила зо мною (тен.); № 40-б, Тежъ (барит.); № 40-в, Тежъ (басъ)

№ 41. Рослы у купочця. Дуэть. (сопр. и тен.); 42) Не вернувся изъ походу гусарынъ москаль; 43) По надъ полемъ иде; 44) Хустывочка; 45) Учитесь, браты мои. (Дальнѣйшіе номера этой серіи напечатаны въ 1903 г.

63. Народни музыкални струменты на Украини. Написавъ *Боянъ*. Зоря (галицкій журналъ) 1894 г. № 1, 2 и 5—10. Содержаніе: 1) *Кобза*. 2) *Бандура* (зъ двома малюнками бандуры). 3) *Торбанъ* (зъ малюнкомъ). Репертуаръ торбаньсты Видгорта. 4) *Лири*. Лирныцькый репертуаръ. 5) *Гусли*. 6) *Цимбалы*. (Зъ малюнкомъ).

1895 г.

64. Збирникъ народнихъ украинськихъ писень. Зібравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко*. Выпускъ VI-й. (Дозв. цензурою. К. 24 июля 1895 г.). К. 83 стр. 4°. Ц. 2¹/₂ карбованця. М. Печатня В. Гроссе. (Всѣхъ пѣсень съ нотами для пѣнія и фортепіано 40: 1) Ой поихавъ панъ Лебеденко; 2) Ой колысь була въ степу доля; 3) А що изъ за горы вылитавъ сокиль; 4) Ой 1791 року; 5) Жыла вдова на Подоли; 6) Ой умру-жь я, мій мыленькый; 7) Чоловиче мій; 8) Журба за журбою; 9) Пиды, хлопче, введы конька вороного; 10) Въ темниѣмъ лиси; 11) У недилю по за силлю; 12) У недилю рано пораненьку; 13) Ой колыбѣ я знала; 14) Ой жыла удивонька; 15) Ой тры сестрыци жалибныци; 16) Чорна хмара наступае; 17) Про Коваленка; 18) Ой выорю нывку; 19) Чого мыла губы дмешъ; 20) Не идна годына одъ Бога настала; 21) Ой журавлю; 22) Ой хмарыться дощъ буде; 23) Ой занывъ козакъ; 24) Ой пиду я по надъ море; 25) Журба мене сушыть; 26) Калыно, малыно; 27) Ой жаль, маты, вечирочка; 28) Пожецу я на яръ товаръ; 29) Ой пидъ горою; 30) Плыве човентъ воды повентъ; 31) Козакъ выйиздкае, дивчынонька плаче; 32) Ой Боже що те кохання зможе; 33) Коло броду брала дивка воду; 34) Ой зійды зиронько; 35) Идутъ коровы та изъ дибровы; 36) Молода дивчына шынкувала; 37) Ой на горѣ санчата; 38) Чы ты мени, серденько, мыла; 39) Соломыяни бычкы мавъ; 40) Дивчыно ты-жь моя).

65. Письни и спивы. Музыка *М. Лисенка*. (Дозв. цензурою. К. 14 апрѣля 1894 г.). М. Литографія Гроссе. № 1. Колы наставъ чудовый май. Слова *Г. (Сине)*. Переспивъ *Л. У.*—№ 2. Чого такъ поблиды троянды? Слова *Г.* Переспивъ *Л. У.*—№ 3. Зъ мого тяжкого суму. Слова *Г.* Переспивъ *М. С.*—№ 4. Всѣ люди, кохана, дурни. Слова *Г.* Переспивъ *М. С.*—№ 5. Па лыченьку у тебе. Слова *Г.* Не-

респивъ *М. С.*—№ 6. У мене бувъ коханий ридный край (теноръ). Слова Г. Переспивъ *М. С.*—№ 6-б. Тежъ (барит.)—№ 7. Тебе, моя любко, едина. Слова Г. Переспивъ *Л. У.*—№ 8. Колы розлучаються двое. Дуэтъ (сопр. и альтъ або теноръ и басъ). Слова Г. Переспивъ *М. С.*

1896 г.

66 Коза-дерева. Дытяча комична оперка въ одной дн. *Граб.* Рус. Лиод. Либрето уложила *Днипрова чайка*. Музыку впорядкувавъ *М. Лисенко*. (Дозв. цензурою. К. 7 августа 1895 г.). К. 39 стр. 8°. Ц. 1 р. 25 к. У. Б. Корейво. М. Литографія В. Гроссе.

67. Моя могила. Вирши *В. Александрова*. Спивъ *М. Лисенка* (Дозв. цензурою. Спб. 9 января 1895 г.) Харьковъ. Типографія А. Доре. 8 стр. 8°. Это стихотвореніе съ музыкой Лисенка приложено тоже къ вышедшему въ г. Харьковъ въ 1896 году альманаху *Складка*. На Спомынъ *В. Александрова*. Стр. 265—271.

1897 г.

68. Збирянкъ народнихъ украинськихъ писень. Зібравъ и для хору уложивъ *М. Лисенко*. Шостый десятокъ. (Дозв. цензурою. К. 17 мая 1896 г.). К. 19 ст. 8°. Ц. 50 к. Нотопечатня В. Гроссе въ Москвѣ. [1) У Кыви на рынку; 2) У мистечку Богуслави; 3) Паситесь сирн волы; 4) Котылася та зоря зъ неба; 5) По той бигъ гора; 6) Та по надъ берегами; 7) Кднавъ же я та крышыченьку; 8) Ой гай, маты, зелененький; 9) Ой що-жъ то за шумъ учинився; 10) По опеньки ходыла).

69. Украинськи обрядови письни. У чотырѣхъ збиркахъ. Уложивъ за-для мшаного хору *М. Лисенко*. (Дозв. цензурою 17 мая и 16 сентября 1896 г.) К. Нотопечатня В. Гроссе въ Москвѣ. I. *Веснянки*. 1-й винокъ, 23 ст. 8°. II. *Веснянки*. 2 винокъ. 23 ст. 8°. III. *Кунальська справа*. 10 ст. 8°. IV. *Колядки, щедривки*. 23 ст. 8°. Ц. I, II и IV выпуска по 50 к., а III выпускъ—20 к.

70. Украинськи обрядови письни. Веснянки. Другый винокъ. На хоръ мшанный уложивъ *М. Лисенко*. Льввѣ, Пидручне видавництво Льввѣського Бояна. Ц. 50 кр.

1898 г.

71. Збирныкъ народныхъ украинськихъ пѣсень. Зібравъ и для хору уложывъ *М. Лисенко*. Сѣмый десятокъ. (Дозв. цензурою. К., 18 іюня и 11 октября 1897 г.). Кіевъ, 25 стр. 8°. Ц. 50 к. (1. Ой у поли тры крыныченькы, 2) Ой жыла вдова на край села, 3) Козакъ одйизкає, 4. Пожурылысь молоди хлопци, 5. Ой ляще. 6. Ой по морю сынѣму, 7. Плыве човенъ воды повенъ, 8. Козаченьку, куды йдешь, 9. Ой летила горляця, 10. Верховыно).

72. Збирныкъ народныхъ украинськихъ пѣсень. Зібравъ и для хору уложывъ *М. Лисенко*. Восьмый десятокъ. (Дозв. цензурою. К. 11 октября 1897 г.) 29 ст. 8°. Ц. 50 к. Складъ у Л. Идзиковскаго въ т. Кіевѣ (1. Ой зйду я на могылу, 2. Шумыть, гуде дибровонька, 3. Ой мижь вашою та громадою, 4. Пишла Оляна до броду, 5. Ой утерявъ соловейко голосъ, 6. Ой зъ-за горы орель воду носыть, 7. Та туманъ яромъ, 8. Ой що жь то та за воронъ, 9. На вгорѣди калынонька, 10. Про Куперьяна).

73. Народни украинськи пѣснни. Уложывъ для фортепіано *М. Лисенко*. Chants populaires de L'Ukraine, transcrits pour Piano par. N. Lissenko. № 1. *Безъ тебе, Олесю*. Народня пѣсня зъ Волинського Полісся. Муз. М. Лисенка. К. Ц. 30 к.

Квартеты на мужеськый хоръ. «На прю!» Слова *М. Старицького*, музыка *М. Лисенко*. Выдавництво «Торбанъ». Выпускъ III. Львивъ. Ц. 20 кр.

1899 г.

76. Зивьяли лысты. Композиціи до поезіи *Ивана Франка*, выдани въ 25-ты-литній юбилей ёго лигературной діяльности. Юбилейне выдання (1874—1898 р.) Л. 1899 р. Литографія А. Андрейчука. 30 стр. 4°. Ц. 1 зр. 20 кр. Въ этомъ изданіи помѣщены слѣдующія композиціи *М. Лисенка* къ стихотвореніямъ И. Франка: I. Не забудь юныхъ днивъ (соло), II. Мисяцю князю (тежъ), III. Розвійтеся зъ вѣтромъ лысточкы зивьяли, IV. Безмежнеє поле въ снижному завою.

1900 г.

76. Збирныкъ народныхъ украинськихъ пѣсень. Зібравъ и для хору уложывъ *М. Лисенко*. Девятыи десятокъ. (Дозволено цен-

зурою, К. 30 октября 1899 г.). К., 21 ст. 8°. Ц. 50 к. Литографія Редера въ Лейпцигѣ. (1. Ой, не гараздъ запорожци, 2) Ой сивъ пугачъ на могыли, 3. Максимъ козакъ Зализнякъ, 4. Тече ричка бережкамы, 5. Червона калына тай у лузи стояла, 6. Посію я конопелькы, 7. Гей знатся, догадатся, 8. Ой у поли озеречко, 9. Чомъ, чомъ не прыйшовъ, 10. Полубыла коваля).

77. Збирныкъ народнихъ украинськыхъ писень. Зибравъ и для хору уложывъ *М. Лисенко*. Девятыи десятокъ. (Дозв. цензурою 30 октября 1899 г.). К., 25 ст. 8°. Ц. 50 к. Литографія Редера въ Лейпцигѣ. Складъ у Л. Идзиковскаго въ Кіевѣ. (1. За Сыбыромъ сонце сходить, 2. Ой наварылы ляхы пыва, 3. Гей, послушайте, гей повидайте, 4. Ой зъ-за горы, зъ-за крутой, 5. Червоная калынонька на яръ подалася, 6. Ой ты зиронько та вечирняя, 7. Ой ковалю, молодой ковалю, 8. Ой тыхая вулыченька, 9. Кучерява Катерына, 10. Ой поихавъ мій мыленькый до млына).

78. Утоплена. (Майська ничъ). Лырычно-фантастычна опера у 3 дїяхъ и 4 админахъ. Текстъ по Гоголю склавъ *М. Старыцькый*. Музыка *М. Лисенка*. Власнисть автора. Кыивъ, 208 стр. 8°. Ц. 4 карбованця.

79. Ой що въ поли за дымове. Хоръ мишаный зъ акомпаниментомъ фортепяно або оркестра *М. Лисенка* до сливъ *Ивана Франка*. Библиотека Львивського Бояна. Львивъ, 1900 р.

О. Людкевичъ. Литературно-Науковый Вистникъ, 1900 ин. 4 ст. 62.

80. Chant sans paroles. *N. Lissenko*. Иллюстрированный сборникъ Кіевскаго Литературно-артистическаго Общества. К. 1900 г. Ноты ст. 9—12. Тамъ же въ 1-й части сборника, на стр. 81, портретъ *Н. В. Лисенка*, какъ участника въ музыкальныхъ собраніяхъ Общества.

81. Пятьдесятъ украинскихъ пѣсень, избранныхъ изъ 1 и 2 сборниковъ *Н. В. Лисенка* для пѣнія и передѣланныхъ для фортепяно въ легкомъ переложеніи *В. Зентарскимъ*. К. Изданіе Л. Идзиковскаго. Ц. 2 р.

82. Моя мыловаяка, яеъ часомъ жартовлыво. Мазурка для пѣнія *Н. Лисенка*. Слова *М. Старыцкаго*. К. Изданіе Л. Идзиковскаго. Ц. 50 к.

1903 г.

83. Збирныкъ народнихъ украинськыхъ писень. Зибравъ и для хору уложывъ *М. Лисенко*. Одынадцатый десятокъ. (Дозв. цензу-

вою, К., 11 февраля 1903 г.). К., ст. 8°. Ц. 50 к. Власність автора. Нотопечатня И. Чоколова въ Кіевѣ. (1. Про Мазуренка, 2. Ой 1791 року, 3. Прыверталы вильни чумаченькы, 4. Ой, зъ-за горы та выли-талы орлы, 5. Ой чого селезень та смутный, 6. Охъ и закладався сы-зый орель, 7. Ой у поли круты горы, 8. Витерь коло хаты, 9. Та казала мени Солоха: прыйды! 10. Гей волошынъ сино косыть).

84. Збирныкъ народнихъ украинськихъ писень. Зібравъ и *для хору* уложивъ *М. Лисенко*. Дванадцятий десятокъ. К. 1903 г. 27 ст., 8°. Ц. 50 к. Нотопечатня И. Чоколова въ Кіевѣ. (1. Ой горе не садацьке жыття, 2. Тумаиъ туманамы, 3. Ой чыи жъ то волы, 4. По горахъ по долинахъ, 5. Ой у поли былыночка колыхається, 6. Чогось мени трудно-нудно, 7. Плыве човень воды повень, 8. Ой не цвнты буйнымъ цвитомъ, зеленый катране, 9. Дивчынонька вирнесенька, 10. Чы я не хазайка, чы не господиня).

85. Музыка до Кобзара Т. Шевченка. *М. Лисенка*. Спивы про жиночи та чоловічи голосы, якъ ноодыноки, такъ и гуртови, съ проводомъ фортепіано (дуэты, тріо, квартеты, хоры). Серія VI. (Продолженіе. см. за 1894 г. № 52) К. У автора и по всихъ книгарняхъ. Нотопечатня Редера въ Лейпцигѣ (№ 46. Чого мени тяжко? Думка (сопр.). 47. Есть на свити доля (барит.). 48. Ой стричечка до стричечки мережаю тры ниченькы (сопр.). 49. Якъ бы зустрілися мы знову (мец. сопр.). 50. Чы мы ще зійдемося знову? (тен. съ аккомп. віолончеля). 51. У гаю, гаю витру немає. Серенада зъ «Гайдамакивъ» (барит.). 52. Гомонила Украина—въ «Гайдамакивъ» (тен.). Ц. за каждую піесу отъ 20—30 к. Серія V. № 53. Княжна. Зоре моя вечирняя. мец.-сопр.). Ц. 50 к.

86. На вичну пам'ять Котляревському. Слова *Т. Шевченка*. Кантата про сольови голосы, хоры и оркестръ. До дня видкрытты пам'ятныка въ Полтави 30 серпня 1903 року. Першому зачынате-леви сучасной украинской литературы Иванови Котляревському; му-зыку зложивъ *М. Лисенко*. У Кывиві. Власність автора. 20 стр., 8°. Ц. 1^р р. 65 к. (Дозв. цензурою, Спб., 20 августа 1903 г.).

87. У досвита вставъ я. Вирши *П. Кулиша*. Спивъ *М. Ли-сенка*. (Про тенора). Дубове лыстя. Альманахъ на згадку про П. О. Кулиша. К., 1903 р. ст. 17—21.

88. У досвита вставъ я. Сольо тенорове въ супроводи фор-тепьино «Слова *П. Кулиша*, музыка *М. Лисенка*. Видання Станисла-вовського Бояна». Львивъ, 1903 р. Ц. 80 сот.

89. Зима й весна. (Снигова краля). Дытяча оперка у двоохъ одминахъ. Фантастычни образкы зъ народнихъ подань. К. Ц. 2 р.

90. Попури зъ першою украинською оперы «Наталка-Полтавка» И. П. Котляревського. Для спиву зъ проводомъ фортепіано упорядкувавъ *М. Лисенко*, уложывъ для фортепіано на дви руки *А. Н. Артемовський*. К. Нотопечатня И. Чоколова въ Кіевѣ. Ц. 90 к. Собственность Э. Островскаго въ Одессѣ.

91. «Жалибный маршъ» до дня 27 роковинъ смерти Т. Шевченко (25 лютого 1888 року). Для фортепіано въ 2 руки. Транскрипція *М. Лисенко*. К. У Л. Идзиковскаго. Нотопечатня И. Чоколова, 7 стр. 4^о. Ц. 60 к.

93. Народни украинськи пѣсни. Уложывъ для фортепіано *М. Лисенко*. Chants populaires de L'Ukraine, transcrits pour piano par N. Lissenko. № 2. *Плыве човенъ воды повенъ.* (Barcarole). К. У Л. Идзиковскаго. Нотопечатня И. Чоколова, 5 ст., 4^о. Ц. 60 к.

№ 3. **Ой зрада, кари очи зрада.** Тема зъ варіаціями. Ц. 50 к. (№ 1; Безъ тебе Олесю—см. за 1898 г. № 73).

94. Serenade F-molle. Op. 28. Для фортеп. въ 2 руки *N. Lissenko*. К. Нотопечатня И. Чоколова. Ц. 45 к.

95. Shant sans paroles. Op. 31. Для фортепіано въ 2 руки. *N. Lissenko*. (Піеса эта премирована Кіевскимъ Литературно-артистическимъ Обществомъ на конкурсѣ 1898 г., напечатана впервые въ Сборникѣ того Общества, см. за 1900 г. № 80). К. Нотопечатня И. Чоколова. Ц. 75 к.

96. Capriccio elegico. Op. 32. Для скрипки съ аккомпаниментомъ оркестра или фортепіано. *Н. Лисенко*. К. Нотопечатня И. Чоколова. Ц. 1 р. 50 к.

97. Valse. D-moll. Op. 35 Pour piano *N. Lissenko*. Ц. 35.

98. Fantasia sur 2 thèmes populaires de l'Ukraine pour la Flûte (ou Violon) avec accomp. de piano. Op. 21. *N. Lissenko*. К. Нотопечатня И. Чоколова.

99. На добн. 3 pièces pour le piano. Album d'été 1900. Op. 37. *N. Lissenko*. 1. Aveu. 2. Chant d'amour 3. Serenade К. Нотопечатня И. Чоколова. Ц. 25+35+40 к.

100. Impromptu (style Chopin). pour le piano. Op. 38. *N. Lissenko*. К. Ц. 10 к.

101. Trois pièces pour le piano D'album de'été 1901. Op. 39. *N. Lissenko*. 1. Valse «La Séparation». 2. Marche solennelle. 3. Elégie

«La tristesse». Ц. 60 к. +50+50 к. Отдѣльно транскрипція авторская послѣдней нѣсы для виолончели съ аккомпаниментомъ фортепьяно.

102. D'Album privé: Moment de désespoir (transcript pour piano et Violon par l'auteur). 2. Moment d'enchantement. Op. 40. *N. Lissenko*.

103 D'album d'été 1902: 1. La langueur. 2. Impression d'un jour heureux. 3. Elegie. *N. Lissenko*. К. Нотопечатня И. Чоколова.

104. Deux chant sans paroles: 1. E-mol. Dedieé à M-me Olga Lissenko. 2. B-mol. Славному нашему письменникови Ивану Нечуеву.—Op. 10. *N. Lissenko*. К. Ц. по 75 к. Нотопечатня И. Чоколова въ Кіевѣ.

П е ч а т а ю т с я :

105. Украинські обрядови писни. V. Весилля. Весильни писни, упоряджени за ритуальнымъ ходомъ людового весилля. Соло, хоры парубочи, дивочи, мшани зъ проводомъ фортепьяно. Уложывъ *М. Лисенко*.

106. Панъ Коцьбий. Комична дятяча оперка у 4-хъ одинахъ *М. Лисенко*.

II.

Литература о Н. В. Лисенкѣ и его произведеніяхъ

(кромѣ рецензій, указанныхъ въ I отдѣлѣ).

1. *Кіевлянинъ*, 1872, № 49 и 50. Н. В. Лисенко, какъ концертантъ и композиторъ.

2. *Світъ* (галиц. газ.). 1881, № 5. Автобіографія.

3. *Бажанскій П.* Колька увагъ на кантату М. Лисенка: «Бьютъ пороги». *Дѣло* (галиц. газ.), 1882, № 19.

4. *Красковскій А.* Концерты Н. В. Лисенка. Трудъ (Кіев. газ.). 1882, № 28.

5. *Заря* (Кіев. газ.). 1883, № 78. Концертъ Н. В. Лисенка. Письмо въ редакцію.

6. *Кіевлянинъ*, 1883, № 77. Концертъ Н. В. Лисенка.

7. *Иллюстрированный календаръ товариства «Просвита» на 1884. рікъ.* Львѣвъ, 1883 року, стр. 48. Зъ житя Русынивъ. (Биографія съ портр.).

8. *Рубецъ А.* Біографическій словарь русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей. Спб., 1885 г. (Біографія Н. В. Лисенка).

9. *Athenium.*, 1885 кн. 7 стр. 355.—*Zagusy ruchu literackiego wsielów.*

12. *И. Нечуй.* Въ концертѣ. (Впечатлѣнія концерта Н. В. Лисенка) Зоря (галиц.) 1887, № 11—12.

11. *Кіевское Слово*, 1887, № 66. Концерты Н. В. Лисенка.

12. *Корнишкій Н.* Минскій листокъ 1888, № 68. Біографія и обзоръ дѣятельности.

13. *Иллюстрированный календарь товариства «Просвита» на рікъ 1899.* Львिवъ, 1889 р., ст. 78—85. Біографія съ портретомъ.

14. *Библиотека для молодежи*, 1889, № 7. Славни Русины. Житенись М. Лисенка (съ портр.).

15. *Дзвінокъ* (галиц. газ.), 1891, № 13. Біографія съ портр. Н. В. Лисенка.

16. *В. Шухевичъ.* Мыкола Лисенко. Дзвінокъ, 1892, № 6.

17. *Днипрова Чайка.* Славному Кобзареву М. Лисенкови. (Стихотвореніе) Зоря (галиц.). 1893, № 6. Тамъ же, рисунокъ грамоты Львовскаго Бояна, поднесенной Н. В. Лисенку по случаю 25-лѣтняго юбилея его дѣятельности.

18. *Діло* (галиц.), 1893, № 15. Прывиты М. Лисенкови на юбилей.

19. *Зоря* (галиц.) 1898, № 1 и 2. Мыкола Лисенко. Біографическій очеркъ и обзоръ трудовъ по поводу 25-лѣтняго юбилея. Кромѣ того въ 1 № помѣщены портретъ Н. В. Лисенка и «грамота» отъ Львовскаго музыкальнаго общества «Боянъ», присланная Лисенку по поводу избранія его почетнымъ членомъ общества, а въ № 2—три стихотворенія, посвященныя Н. В. Лисенку, присланныя изъ Полтавы, Харькова и Чернигова.

20. *Зоря* 1893, № 4. Концерты М. Лисенка. Два письма *І. С.* и *Значковенка* о концертахъ въ Полтавѣ.

21. *Крымскій А.* проф., Н. Лисенко. По случаю 25-лѣтняго юбилея. Этнографическое Обзорѣніе, 1893 и 1894 г., т. XIX № 4 ст. 145—146.

22. *Одесскій Листокъ*, 1893, № 4. Н. Лисенко. Фельетонъ *М. К.*—№ 6. Концерты капеллы Н. Лисенка въ Одессѣ и корреспонденція изъ Полтавы о его концертахъ.—№ 9. По поводу концертовъ Н. В. Лисенка. *А-ръ.*

23. *Брокгаузъ*. Энциклопедическій словарь. Спб. 1896 г., кн. 34 стр. 736; *Биографія. Н. С.*

24. *Дяло* (галиц.), 1898, № 125. Про концертъ М. Лисенка 8 марта 1898 року.

25. *Левичкый И.* Въ концерти. (Впечатлѣнія концерта Н. В. Лисенка). Повѣсти и оповидання. Спб., 1899. Томъ I, стр. 389—408.

26. *Русская музыкальная газета*, 1900, № 12. Н. В. Лисенко, какъ художникъ-этнографъ. *К. Н.* Объ этой статьѣ см. Киевская Старина, 1900, кн. 5. Библиографія, стр. 111.

27. *Корифеи украинской сцены*. К., 1901 г., стр. 96—125. Биографіи и обзоръ дѣятельности, съ портретомъ.

28. *Съверъ*, 1901, № 47. Портретъ Н. В. Лисенка по фотографіи Завадскаго.

29. *Бичъ-Лубенскій*. Н. В. Гоголь въ музыкѣ. Харьковскія Губернскія Вѣдомости, 1902, № 50 (Объ операхъ Н. В. Лисенка на сюжеты изъ соч. Гоголя).

30. *Эмель*. Н. В. Гоголь въ музыкѣ. Русскія Вѣдомости, 1902, № 76 (То же).

31. *В Василенко*. Къ юбилейному чествованію Н. В. Лисенка. Полтавскій Вѣстникъ, 1903, № 75.

32. *М. П.* Къ юбилейному чествованію Н. В. Лисенка. Полтавскій Вѣстникъ, 1903, № 237, отъ 10 октября.

33. *Мировець В.* Къ предстоящему юбилею Н. В. Лисенка. Киевская Старина, 1903, кн. 3. Текуція извѣстія, стр. 148—152 и Волянъ, 1903 г., № 71.

34. *По поводу предстоящаго юбилея Н. В. Лисенко*, см. также статьи и замѣтки за 1903 г., Биржевыя Вѣдомости, № 175. Киевская Газета, № 83, Киевская Старина, кн. 6. Документы, ст. 184, Полтавскій Вѣстникъ, № 94.

35. *С. Русова*. Н. В. Лисенко. (Къ 35-лѣтію композиторской дѣятельности). Журналь для всѣхъ, 1903, 11 стр., 1367—1372. (Съ портретомъ).

36. *Страшкевичъ В.* По поводу предстоящаго юбилея Н. В. Лисенка. Кубанскія Областныя Вѣдомости, 1903, № 67.

37. *С. Р.* Малорусскій композиторъ Н. В. Лисенко. Образование. 1903 г., кн. XI, стр. 178—180.

Краткое оглавление I-го отдѣла указателя.

I.

Народныя украинскія пѣсни.

1. *Сборники пѣсень*: В. 1-й № 1, 4, 49.—В. 2 № 2, 5.—В. 3-й № 12.—В. 4-й № 40.—В. 5-й № 57.—В. 6 № 64.

2. *Сборники пѣсень для хора*: Десятовокъ 1-й № 36.—Д. 2-й № 41.—Д. 3-й № 45.—Д. 4-й № 55.—Г. 5-й № 58.—Д. 6-й № 68.—Д. 7-й № 71.—Д. 8-й № 72.—Д. 9-й № 76.—Д. 10-й № 77.—Д. 11-й № 83. Д. 12-й № 84.

3. *Собрания обрядовыхъ пѣсень* № 11, 69, 70, 105.

4. *Народныя пѣсни, положенныя на ноты, въ разныхъ изда-
ніяхъ*: № 7, 8, 9, 30, 31, 43, 81.

II.

Оперетты и оперки:

1. *Різдвяна нічъ*. № 10, 28.
2. *Чорноморци*. № 24, 27, 33.
3. *Утоплена*. № 32.
4. *Наталка-Полтавка*. № 50, 90.
5. *Коза-дереза*. № 51, 66.
6. *Зима и весна*. № 89.
7. *Нажъ Коцькій*. № 106.

III.

О п е р ы.

Різдвяна нічъ. № 29, 52, 60.

Утоплена. № 78.

IV.

Музыка до Кобзаря Т. Г. Шевченка:

№ 3, 13, 37, 38, 44, 54, 62, 85, 86, 91, 92.

V.

Музыка къ произведеніямъ другихъ писателей:

- В. Александрова.* № 67.
Г. Гейне. № 65.
А. Головатого. 56.
А. Кошисскаго. № 34.
П. Кулиша. № 87, 88.
М. Максимовича. № 6,
Е. Полянскоя. № 47.
М. Старицкаго. № 26, 35, 46, 74, 82.
И. Франка. № 75, 79.
Я. Щоголева. № 39.

VI.

Музыкальные произведенія на мотивы украинскихъ пѣсень:

- № 14, 15, 17, 21 23, 42, 61, 73, 93, 98.

VII.

Разныя музыкальные произведенія:

- № 16, 18, 19, 20, 22, 43, 53, 80, 94, 95, 96, 97, 99, 100—
 104.

VIII.

Статьи о малорусской музыкѣ:

- № 9, 25, 59, 63.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

НА 1904 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнѣю коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнѣю преподаванія, распрежденіе лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнаруженные.

Ученыя Записки: выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ А. Александровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ

(XXII годъ изданія)

на ежедневную политическую, экономическую и литературную газету

ЮЖНАЯ РОССИЯ.

Являясь выразительницей интересовъ южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избраннаго ею района.

Въ виду исключительныхъ условій, въ которыхъ находится сельское хозяйство на югѣ Россіи, газета отводитъ особое мѣсто статьямъ, освѣщающимъ различныя детали этой отрасли отечественной промышленности.

Редакція газеты направляетъ всѣ свои средства къ современному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событіяхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра.

„Южная Россія“ издается въ форматъ и по программѣ большихъ провинціальныхъ газетъ.

Условія подписки на газету „ЮЖНАЯ РОССИЯ“: съ доставкой на домъ въ городѣ и пересылкой иногороднимъ на годъ—8 р., на полгода—4 р. 50 к., на 3 мѣсяца—2 р. 75 к., на 1 мѣс.—1 р. 20 к.; безъ доставки и пересылки на годъ—7 р., на полгода—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р.

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 60 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15-го чиселъ мѣсяца и не можетъ переходить черезъ январь 1903 года.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разстрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: въ два срока: съ доставкой: къ 1-му января—4 р. 50 к. и къ 1-му мая—3 р. 50 к., безъ доставки къ 1-му января—4 р. и къ 1-му мая—3 р.; въ 3 срока: съ доставкой: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюня—2 р.; безъ доставки: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—2 р. и къ 1-му іюня—2 р.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. Николаевѣ—(Херс. губ.) въ главной конторѣ „Южной Россіи“. Въ отдѣленіяхъ главной конторы: въ г. Кременчугѣ:—у А. М. Михалевича, въ г. Одессѣ—у И. И. Ленденфельдта, Ланжероновская, № 13/а, Вознесенскѣ—(Херс. г.) у Д. Г. Кавуновскаго, въ г. Херсонѣ—въ книжн. магаз. Абрамова, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—въ конторахъ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о.

Въ Херсонѣ, Кременчугѣ «Южная Россія» получается въ день выхода,

Редакторъ-издатель С. П. Юрицынъ.

При каждомъ № „НИВЫ“, независимо отъ другихъ приложений, подписчики получаютъ по одной книгѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904-й годъ

(35-й годъ изданія)

НА

еженедѣльный иллюстрированный

ЖУРНАЛЪ

со многими приложениями.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1904 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года до 2000 столбцовъ текста и 1100 гравюръ, рисунковъ и художеств. снимковъ.

40 книгъ „Сборника Нивы“ (каждая книга отъ 10—15 листовъ, въ общемъ около 9000 стран.), отпечатан. четк. шрифтомъ на хорошо-глазир. бумагѣ и содержащихъ:

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ПЕРВЫЯ 20 КНИГЪ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА

(Цѣна въ отдѣльной продажѣ съ пересылкою 27 руб.).

Подъ редакціей и со вступительною статью А. М. Скабичевскаго

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ

16 КНИГАХЪ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ

(Цѣна въ отдѣльной продажѣ съ перес. 15 руб.).

Подъ редакціей и съ биографическимъ очеркомъ П. И. Вейнберга. Переводъ этого изданія удостоенъ въ текущемъ году академіею наукъ пушкинской преміи.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ

4 КНИГАХЪ И. Ф. ГОРБУНОВА

(Цѣна въ отдѣльной продажѣ съ перес. 4 р. 50 и.).

Подъ редакціей и съ обширнымъ вступительнымъ очеркомъ А. Ф. Коню и некрологомъ Т. И. Филиппова.

12 книгъ популярно-научныхъ, литературныхъ и „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отдѣлы библиографіи, музыки, смѣси, шахматовъ и шашекъ, спорта, забавъ и разныхъ игръ. До 2000 столбцовъ текста съ иллюстраціями.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящ. ежемѣсячно. До 200 столбц текста и 300 модн. гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразныя вопросы подписчиковъ.

12 ЛИСТОВЪ рисунковъ (около 300 для рукодѣльныхъ и вышивлн. работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выроектъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

1 СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1904 г., отпечатанный въ 9 красокъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе со всѣми приложениями: безъ доставки: 1) въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 к., 2) въ Москвѣ въ конт. Н. Н.

Печковской (Петровск. линіи)—7 р. 25 к., 3) въ Одессѣ въ кн. магазинѣ „Образованіе“ (Ришельевск., № 12)—7 р. 50 к. Съ доставкой въ С.-Петербургъ—7 р. 50 к. Съ пересылкою во все города и мѣстности Россіи 8 р. За границу 12 рублей.

— Допускается разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока. —

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается **бесплатно**.

Требованія просятъ адресовать: въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала „НІВА“ (А. Ф. Марксу), улица Гоголя (бывш. М. Морская), д. № 22.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ.

на ежедневную общественную политическую газету

„ВѢСТНИКЪ ЮГА“.

выходить въ Екатеринославѣ по программѣ большихъ столичн. газетъ

въ газетѣ примутъ участіе:

А. В. Амфит—овъ (И. Л. Иксъ). Н. П. Ашешовъ, Н. Азевъ, С. П. Балабуха, В. Я. Богучарскій (Яковлевъ), Н. В. Быковъ, С. И. Гальперинъ, І. В. Гессель, В. Н. Головкинъ, Э. А. Головкина, Г. С. Гришневъ, (Новополинъ), Діонео, С. И. Д'Иль, И. Г. Доронинъ. Л. Г. Ефимовичъ, Д. А. Капланъ, С. М. Крамаревъ, Лео, А. Н. Лисовскій, Я. Л. Пейсаховичъ, А. Б. Петрицевъ, Н. А. Рубакинъ, М. В. Сабининъ, М. А. Синайскій, Е. В. Тарле, О. О. Трозинеръ (Мечтатель), А. І. Цеткинъ, Г. И. Шрейдеръ, А. А. Черевкова, А. А. Яблоновскій.

Удѣляя особенное вниманіе интересамъ юга, газета имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ помимо городовъ въ крупнѣйшихъ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ Екатеринославской и сосѣднихъ губерній.

Видное мѣсто газета отведетъ общественной жизни Харькова.

Постоянные корреспонденты въ *Петербургъ, Москву* и въ центрахъ Западной Европы (*Лондонъ, Парижъ, Берлинъ, Вѣна, Дрезденъ, Мюнхенъ, Львовъ, Цюрихъ* и др.).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Городскимъ на годъ—7 р., на полгода—4 р., на 3 мѣсяца—2 р., на 1 мѣс.—75 к.; иногороднимъ на годъ—9 р., на полгода—5 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р.; за границу на годъ—14 р., на полгода—8 р., на 3 мѣс.—5 руб., на 1 мѣс.—1 р. 50 коп.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа по соглашенію съ конторой, отъ 1 руб. въ мѣсяць.

Редакція и главная контора помѣщаются на Екатерининск. проспектѣ, въ д. Ильева, (противъ Город. сада).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ

IV годъ изданія

на еженедѣльную общественную, политическую и литературную газету

„ОБЛАСТНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

и

ВѢСТНИКЪ КАЗАЧЬИХЪ ВОЙСКЪ“.

Защита интересовъ и выясненіе нуждъ населенія окраинныхъ областей,—главная цѣль изданія. Быстрое опубликованіе всѣхъ новыхъ законоположеній, распоряженій и мѣропріятій правительства, затрачивающихъ интересы помянутыхъ окраинъ, съ оцѣнкой ихъ роли и значенія—одна изъ главныхъ практическихъ задачъ центрального областного изданія. Газета въ 1904 г. будетъ выходить въ расширенномъ видѣ (отъ 2-хъ до 3-хъ печатныхъ листовъ) и будетъ обслуживать, кромѣ казачьихъ областей, всѣ губерніи и области Кавказа, Туркестана, Сибири и юго-западныхъ окраины.

При ближайшемъ участіи: Н. А. Бородина, А. А. Карасева, Я. Я. Полферова—по областнымъ и казачьимъ вопросамъ, проф. В. Д. Кузьмина—Караваева, Л. В. Македонова, Ф. А. Щербины—по земскимъ вопросамъ, Б. А. Витмера, В. П. Кранихфельда—по общимъ дѣламъ, Ф. В. Петрова—по юридическимъ вопросамъ, М. А. Славинскаго и Д. И. Эварницкаго—по вопросамъ юго-западныхъ окраинъ,—въ газетѣ сотрудничаютъ: Д. Т. Волковъ, П. Р. Гордѣевъ, А. М. Грековъ, (псевд. Казакъ, Таганрогъ), С. И. Гусевъ-Оренбургскій, И. И. Дмитренко, И. Н. Ефремовъ, А. А. Кауфманъ, П. П. Короленко, И. Ф. Косиновъ, Л. М. Мельниковъ, Ст. Павловъ, (псевд.) Н. Г. Путинцевъ, Е. П. Рясницскій, А. Серафимовичъ, С. Н. Севастьяновъ, А. В. Тавастшерна и мн. др.

Спеціальные корреспонденты во всѣхъ казачьихъ войскахъ и на окраинахъ.

Въ особомъ отдѣлѣ „РЫБНОЕ ХОЗЯЙСТВО“ редакція будетъ давать за недѣлю регулярные «Обзоры» всѣхъ крупныхъ правительственныхъ распоряженій и событій въ русскомъ рыбномъ промыслѣ, который сосредоточивается какъ разъ на окраинахъ и въ жизни этихъ послѣднихъ играетъ очень крупную роль.

Подписная плата съ пересылкой и доставкой: на годъ 7 р., на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на 1 мѣсяць 75 к. Отдѣльный № 15 коп.

Допускается разсрочка: въ два срока—при подпискѣ 4 руб. и 1 июня 3 р.: въ 3 срока при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля 2 р. и 1 авгу-

ста 2 руб. Лица, служащія въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, при подпискѣ на газету черезъ казначеевъ и экзекуторовъ пользуются льготою въ уплатѣ подписныхъ денегъ по 1 руб. въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ и другими льготными условіями, по соглашенію. — Народные учителя, учащіяся, учебныя заведенія и бібліотеки могутъ получать газету на особо льготныхъ условіяхъ, по соглашенію съ редакціей.

Подписку по почтѣ адресовать исключительно въ редакцію газеты: „Областное Обозрѣніе и Вѣстникъ Казачьихъ Войскъ“. С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 13-я линия, д. № 22.

Пробный № по требованію высылается бесплатно.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ

на ежемѣсячный литературный общественный, политическій и историческій журналъ

ВСЕМІРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Направленіе журнала общественно-прогрессивное. Редакція будетъ слѣдить за ходомъ литературы, науки и культурной жизни за границей и, по мѣрѣ появленія выдающихся трудовъ въ этой области, а также событій, будетъ знакомить съ ними своихъ читателей. Въ ближайшихъ нумерахъ журнала будутъ помѣщены труды: К. И. Арабажина, кн. В. В. Барятинскаго, В. П. Батуринскаго, Н. Н. Болтина, Б. П. Бурдесъ, пр.-доц. В. В. Святловскаго, В. А. Мазуркевича, Н. А. Гастфрейнда, Е. А. Герцыкъ, Д. Г. Глоба, С. Ф. Годлевскаго, Е. В. Давыдова, Е. Дубельтъ (Зеландъ), И. И. Забрежнева, И. М. Иванова, П. П. Исаевича, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. П. И. Ковалевскаго, Е. Н. Лебедевой, Г. О. Львовича, В. Н. Никитина, В. П. Папаева, проф. В. Н. Перетца, А. П. Плетнева, Н. А. Попова, проф. М. А. Рейснера, Н. А. Россовскаго, Скитальца (О. Яковлева), Л. Ухтомской, Ф. Н. Фальковскаго, Н. А. Фалъева, Н. Б. Хвостова, В. Е. Чепихина и мн. др.

Съ первой же (январской) книжки начнется печатаніемъ:

- 1) Неизданныя въ Россіи стихотворенія декабристовъ.
- 2) Посмертные труды А. М. Бобрещева-Пушкина.
- 3) Воспоминанія Ф. П. Фонтана (статья эта будетъ печататься съ вышедшаго за границей (Лейпцигъ, 1862 г.) изданія.

4) Воспоминанія Н. И. Панаева о холерномъ бунтѣ въ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 г.

5) В. П. Батуринаго: «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые»—матеріалы для общественнаго движенія къ Россіи въ XIX столѣтіи.

6) I. Мадачь: «Трагедія челоѡвка», пер. съ венгерскаго В. А. Мазуркевича.

7) Функъ-Бретано: «Бастилія, ея архивъ и легенды»,—историческая многографія.

8) Новый трудъ проф. И. И. Мечникова.

Въ журналѣ постоянные отдѣлы: обзоръ иностранной жизни, журналовъ, театра, лѣтопись, библиографія и смѣсь. Въ каждой книжкѣ не менѣе двухъ приложеній съ отдѣльной нумераціей страницъ. Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками, около 15 листовъ въ каждой, съ иллюстраціями.

Подписная цѣна съ доставкой и пересыкой на 1 годъ—6 р., 1/2 года—3 р., 1 мѣс.—50 коп.

Рзастрочка по 50 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакция и контора помѣщается въ С.-Петербурѣ, Невскій проспектъ, д. № 90.

Редакторъ-Издатель С. Сухонинъ.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ.

ХУТОРЯНИНЪ

IX годъ изданія.

цѣна 2 руб. въ годъ, на полгода 1 руб.,

еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли,

органъ Полтавскаго общества сельскаго хозяйства.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2) Дѣятельность мѣстныхъ сельскохозяйствен. обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Сати по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ экономическія и техническія. 4) Хроника, сельскохозяй-

ственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозяйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учреждений. 6) Библиографія и обзоръ сельскохозяйствен. и экономической литературы. 7) Сел.-хоз. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговые извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія.

Задачи газеты: 1) Распространять въ общедоступной формѣ сел.-хоз. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и сельскохозяйств. обществъ. 3) Доставлять населенію современные свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и сел.-хоз. обществъ въ области народнаго хозяйства. Главными условіями для достиженія этихъ задачъ поставлены: общедоступность изложенія и дешевизна изданія.

Кромѣ еженедѣльныхъ номеровъ въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ, при „Хуторянинъ“ подписчикамъ даются бесплатныя приложенія; такъ, за послѣдніе четыре года были приложены: 5 книгъ Чикаленко „Розмова про сельске хозяйство“, „Біографія Н. В. Гоголя“, „Хуторянинъ и его читатели“, 12 книжекъ „Экономическая и сельскохозяйств. дѣятельность Полтавскаго губ. земства“, различныя огородныя и полевыя сѣмена и друг.

Въ 1904 году всѣмъ годовымъ подписчикамъ будутъ разосланы составленныя завѣдующимъ фито-патологической станціей при И. Боническомъ Садѣ въ С.-Петербургѣ, А. А. Ячевскимъ и изданныя Департаментомъ Земледѣлія три раскрашенныя

„Таблицы главнѣйшихъ паразитныхъ грибовъ и насѣкомыхъ плодовыхъ деревьевъ и огородныхъ растений“,

заключающія изображеніе въ краскахъ разнообразныхъ вредителей растений и указываніе на мѣры борьбы съ ними.

Подписавшимся до 1-го января 1904 г. годовымъ подписчикамъ, кромѣ того, будутъ разосланы сѣмена кормовыхъ растений, мноюльтныхъ травъ, огородныя и полевыя.

„Хуторянинъ“ допущенъ въ бесплатныя бібліотеки-читальни и въ бібліотеки сельско-хозяйствен. учеб. завед. и М. З. и Г. И.

Плата за объявленія: за одну строку петита въ концѣ текста 8 коп., впереди вдвойнѣ.

Подписка принимается въ г. Полтавѣ—въ конторѣ редакціи „Хуторянина“, при Полтавскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ

на посвященныя еврейской жизни, исторіи и литературѣ периодическія изданія:

газету „ВОСХОДЪ“

и ежемѣсячный журналъ „КНИЖКИ ВОСХОДА“

Содержаніе газеты: руководящія статьи по всѣмъ текущимъ вопросамъ еврейской жизни въ Россіи и за границей; хроника всѣхъ новѣйшихъ извѣстій, корресп. изъ провинціи и заграницы, сенатская и судебная практика по еврейскимъ дѣламъ (сен. указы), юридич. бесплатная консультация (отвѣты на юридическіе вопросы подписчиковъ въ собственномъ отдѣлѣ), обзоры еврейской, русской и польской печати, фельетонъ (разказы и проч.), провинціальный отдѣлъ, критика и библиографія.

Подписная цѣна на „ВОСХОДЪ“ съ книжками 10 руб. въ годъ (допускается разсрочка при подпискѣ 4 руб., къ 1 марту 3 р. и къ 1 іюля—3 р.); на газету (безъ „книжекъ“) 7 р. въ разсрочку: при подпискѣ 3 р., къ 1 марта 2 р. и къ 1 іюля 2 руб).

Книжки Восхода—выходятъ ежемѣсячно въ размѣрѣ до 10 печатныхъ листовъ. Повѣсти и разказы пзъ еврейской жизни, стихотв. и популярныя статьи по исторіи, литературѣ, религіи, философіи, критикѣ, вопросы общественной жизни. Книжки Восхода—единственный журналъ, посвященный еврейской литературѣ и наукѣ на русскомъ языкѣ. Желая способствовать его широкому распространенію, редакція установила послѣднюю подписку за крайне доступную цѣну 12 книгъ за 3 р. (съ пересылкой).

Подписавшіеся на газету съ «Книжками» получаютъ при «Книжкахъ Восхода».

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

С. М. ДУБНОВЪ Всеобщая исторія (періодъ талмудическій и сефардскій: 73—1492 г.).

Книга С. М. Дубнова явится первымъ оригинальнымъ трудомъ на русскомъ языкѣ по всеобщей исторіи евреевъ, основаннымъ не самостоятельныхъ изслѣдованій автора, съ подробнымъ изложеніемъ исторіи евреевъ въ Россіи.

Новые подписчики на оба изданія, внесшіе до 1 января всю плату 10 р. за 1904 годъ, получаютъ газету со дня поступленія денегъ въ контору **БЕЗПЛАТНО**.

Главная контора „Восхода“ помѣщается въ С.-Петербургѣ, Морская 29.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ

(VII-ый годъ изданій)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ теченіе 1903 года въ «Русской школѣ» напечатаны были между прочимъ слѣдующія статьи: 1) Записки учителя гимназій. *И. Бьлозерскаго*; 2) Изъ личныхъ воспоминаній объ А. И. Гольденбергѣ. *К. Мазина*; 3) Основатель педагогій Стэнли Холль и его научная дѣятельность *А. Нечаева*; 4) Начальное и среднее образованіе въ Швеціи. *П. Мижуева*; 5) Эпоха преобразованій Петра В. и русская школа новаго времени. *С. Рождественскаго*; 6) Учрежденія для дѣтей до-школьнаго возраста. *М. Страховой*; 7) Разсадники здороваго воспитанія. *Е. Гаршиной*; 8) Къ вопросу о физическомъ воспитаніи мальчиковъ. *М. Волковой*; 9) О вліяніи физическаго труда на усѣбность умственныхъ развитій. *Е. Янжуль*; 10) О воспитаніи и нравственности Проф. *Пр. Скворцова*; 11) О дѣти. *П. Каптерева*; 12) Къ вопросу о реформѣ средней школы. *Р—а*; 13) Къ вопросу о реформѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ кадетскихъ корпусахъ. *П. Роклова*; 14) Нѣсколько словъ о нашихъ духовныхъ училищахъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи. *В. Подстепянскаго*; 15) Преобразование еврейскихъ хедеровъ. *А. Тарновскаго*; 16) Условія объединенія духовнаго учебнаго вѣдомства въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія. *Д. Р.*; 17) О министерской седмицѣ и объ экскурсіяхъ. *К. Иванова*; 18) Умственные запросы народнаго учителя и ихъ удовлетвореніе. *Э. Вахтеровой*; 19) О подготовкѣ народнаго учителя съ идеями К. Д. Ушинскаго. *Н. Запанкова*; 20) О бытовомъ положеніи учителей земскихъ начальныхъ школъ. *С. Спаскаго*; 21) Матеріальной и юридической необезпеченности русскаго народнаго учителя. *С. Аникина*; 22) Положеніе народнаго учителя въ школѣ. *П. Сибирева*; 23) Земскіе педагогическіе курсы и правила 1875 года. *П. Григорьева*; 24) Обзоръ дѣятельности земства по народному образованію въ 1903 году. *И. Бьлоконскаго*; 25) Съѣздъ представителей обществъ вспомошествованія лицамъ учительскаго званія въ Москвѣ. *Н. Ареньева*; 26) Грамматика и правоисаніе въ начальныхъ школахъ. *А. Соболева*; 27) Педагогическія основанія теоріи и практики ариѳметики, какъ учебнаго предмета. *А. Стефановскаго*; 28) Реформа въ курсѣ ариѳметики средней школы. *Д. Волковскаго*; 29) Правда о диктовкѣ. *М. Тростникова*; 30) Географическіе кабинеты. *М. Успенскаго*; 31) Изъ области нашей учебной литературы. Проф. *В. Шимкевича*.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и библиографіи, печатаются: Хроника народнаго образованія въ Западной Европѣ *Е. Р.*; Хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библиотекъ. *Я. В. Абрамова*. Хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей. *Х. Л. Алчевской* и *М. Н. Салтыковой*. Хроника профессиональнаго образованія *В. В. Бирюковича* и пр.

„Русская Школа“ выходит ежемѣсячно книжками, не менѣе *пятнадцати* печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки *семь* руб., съ доставкою 7 руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкою 8 руб., за границу—9 руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за *шесть* руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15⁰/₀.

Журналъ «Р. Ш.» допущенъ Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. къ вытискъ для фундаментальныхъ библиотекъ средне-учебныхъ заведеній, и учительскія библиотеки низшихъ учебн. заведеній.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул. 1).

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

2 - 3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 Г.

Съ 1-го октября 1903 года начался 7-й годъ изданія

ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

ИЗВѢСТІЯ ПО ЛИТЕРАТУРѢ, НАУКАМЪ И БИБЛІОГРАФІИ.

Назначеніе журнала—дать читающей публикѣ возможность своею временемъ слѣдить за всѣмъ, что есть новаго въ литературѣ, наукѣ и библиографіи у насъ въ Россіи и за границей. Въ этихъ видахъ журналъ «книжныхъ магазиновъ товарищества М. О. Вольфъ извѣстія по литературѣ, наукамъ и библиографіи» помещаетъ иллюстрированныя статьи и замѣтки по вопросамъ изъ указанной области, критическіе отзывы о наиболѣе выдающихся новыхъ сочиненіяхъ, списки новыхъ книгъ и важнѣйшихъ журнальныхъ статей, русскихъ и иностранныхъ, свѣдѣнія о подготавливаемыхъ къ печати новыхъ изданій и пр. Особый отдѣлъ по-

священъ справкамъ, совѣтамъ и отвѣтамъ на предлагаемые читателями журнала вопросы.

Годовая подписная цѣна журнала на полуведеиновой бумагѣ, съ доставкою и пересылкою: 1 р.; издание на веленеиновой бумагѣ 2 рубля.

Подписка и объявленія принимаются въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, Гостинный Дворъ, № 18; Москва, Кузнецкій Мостъ, № 12. Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 16 лин., д. 5—7.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ

(ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Условія подписки на годъ съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи: 12 р., на 9 мѣс.—9 р., на 6 мѣс.—6 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р.; за границу на годъ: 14 р., на 9 мѣс.—10 р. 50 к., на 6 мѣс.—7 р., на 3 мѣс.—3 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 іюля, 1 октября по 3 рубля—при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія.

Цѣна отдѣльнаго номера съ пересылкою 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣръ 50 коп. съ годовой цѣны журнала.

Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ, А. П. Чеховъ и А. А. Кизевеитеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Ваганьковскій пер., д. Куманипа; *въ Петербургѣ:* въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный, д. № 46; *въ Кіевѣ:* въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Кренцатикъ; *въ Варшавѣ:* въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова; *въ Вильнѣ:* въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Редакторъ-издатель *В. М. Лауровъ.*

ОБЪЯВЛЕНИЕ

о подпискѣ въ новомъ 1904 г. на двухнедѣльный полемико-апологетическій журналъ

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

20 книгъ журнала и 2 книги приложенія за 6 руб.

Адресъ редакціи СПВ. Невскій, д. 153.

Въ новомъ 1904 году МИССИОНЕР. ОБОЗРѢНІЕ вступаетъ въ IX годъ изданія. Журналъ будетъ выходить по примѣру прошлаго года за прежнюю цѣну *шесть* руб. двухнедѣльными выпусками, въ объемѣ отъ 8—12 и болѣе печатныхъ листовъ (за исключеніемъ пасхальныхъ и лѣтнихъ ваканцій, когда журналъ выйдетъ по одной книжкѣ въ мѣсяцѣ), всего въ теченіи года дано будетъ подписчикамъ 20 книжекъ.

При этомъ МИССИОНЕРСКІЯ ПРОПОВѢДИ, въ огражденіе православныхъ чадъ Церкви отъ лжеученій расколосектантства, будутъ печататься при книжкахъ журнала особымъ счетомъ страницъ, такъ что въ концѣ года составятъ цѣлый сборникъ. Въ первыхъ книжкахъ журнала будутъ помѣщены бесѣды свящ. *Совьтова* въ обличеніе хлыстовства и свящ. *С. Бодановича* въ обличеніе толстовства и иштундизма. Будутъ также печататься и проповѣди, касающіяся заблужденій раскола.

Вмѣсто проповѣдей на воскресные и праздничные дни, обычно печатавшихся въ истекшія 8 лѣтъ, въ новомъ 1904 г., высланъ будетъ съ первой книжкой журнала *сборникъ проповѣдей на всевозможные случаи изъ пастырской практики*, составленный свящ. Брояковскимъ изъ произведеній лучшихъ проповѣдниковъ отечественной Церкви, примѣненныхъ (черезъ сокращеніе и измѣненіе) къ потребностямъ современной народно-церковной каѳедры.

Подписка принимается въ редакціи „Миссіонерское Обозрѣніе“, Спб. Невскій пр., 153 кв. 10; въ Москвѣ въ Синодальной типографіи, а также въ извѣстныхъ магазинахъ во всѣхъ городахъ Подписная цѣна 6 руб. за границу 8 руб.

Для бѣдныхъ причтовъ и церквей допускается разсрочка въ издѣжѣ подписной цѣны съ тѣмъ, чтобы первый взносъ 3 р. сдѣланъ былъ при подпискѣ, а вторые 3 р. высланы были къ Св. Пасхѣ.

Редакторъ-издатель *В. М. Скворцовъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ“

2-я серия.—Популярно-научн., литературн., художеств. и экономическое изд.—въ теч. 1904 г.

20 книжекъ съ иллюстраціями 3 рубля.

Будучи изданіемъ прогрессивно-просвѣтительнымъ, „В. Общ. Жизни“ въ рядѣ статей будетъ отстаивать справедливые и законные интересы трудящихся массъ. Знакома читателей съ современными теченіями обще-русской и европейской жизни въ области науки, искусства и литературы, «В. О. Ж.» особенное вниманіе будутъ удѣлять крайнимъ вопросамъ Новороссіи, а также вопросамъ: европейскому, польскому и малорусскому, требующимъ на нашемъ разноплеменномъ Югѣ постоянного и объективнаго отклика. Въ „Вопросахъ Общественной Жизни“ будутъ помѣщаться также романы, новѣсти и рассказы, оригинальные и переводные.

Подписная цѣна за 20 книгъ съ иллюстраціями 3 рубля.

(за пересылку иногородніе доплачив. 50 коп.)

Разрочка отъ 1 руб.

Всѣ подписчики „Вопросовъ Общественной Жизни“ могутъ получать за 1 руб. 50 коп. (городскіе) и за 2 руб. (иногородніе), съ доставкой и пересылкой, собраніе сочиненій величайшаго англійскаго поэта

лорда Байрона

(автора „Чайльдъ-Гарольда“ и „Донъ-Жуана“) въ роскошномъ переплетѣ.

Подписка принимается: 1) въ гл. конторѣ „Вопросовъ Общественной Жизни“, Одесса, Ришельевская, 12; при книжномъ магазинѣ „Образованіе“; 2) во всѣхъ книжныхъ магазинахъ (комmissія 50 коп. съ полного экземпляра).

Адресъ редакціи „В. О. Ж.“: Одесса, Канатная, 84.

Завѣдующій редакціей и дѣлами изданія **Н. С. Рашковскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ

на ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни

«КІЕВСКАЯ ГАЗЕТА»

(V-й годъ изданія).

Съ еженедѣльными иллюстрированными литературными приложениями.

«Кіевская Газета» вступаетъ въ пятый годъ изданія. Мы не имѣемъ надобности распространяться предъ читателями о нашихъ задачахъ и дѣлахъ: мы полагаемъ, что въ теченіе 4-хъ лѣтъ характеръ и фізіономія «Кіевской Газеты» выяснились въ достаточной степени. Поэтому мы ограничимся заявленіемъ, что принципы и убѣжденія, которыми мы руководствовались до сихъ поръ и которые, какъ мы видѣли, находили живой откликъ среди нашихъ читателей, будутъ и на дальнѣйшее время служить для насъ руководящей нитью. Упомянемъ еще разъ то, о чемъ намъ неоднократно уже случалось говорить: одинъ изъ основныхъ принциповъ «Кіевской Газеты» — не довольствоваться тѣмъ, что уже достигнуто, не останавливаться, но, чутко прислушиваясь къ запросамъ публики, идти навстрѣчу имъ, идти впередъ по пути постоянного развитія и улучшенія дѣла, по тому пути, по которому наша газета шла до сихъ поръ. Только такимъ образомъ Редакція надѣется удовлетворить своихъ читателей. Съ этой цѣлью «Кіевская Газета» предприняла на первыхъ порахъ въ новомъ году слѣдующія главные реформы.

Желая доставить читателямъ возможно скорыя и вѣрныя свѣдѣнія, Редакція постаралась заручиться собственными корреспондентами въ наиболѣе крупныхъ городахъ Западной Европы и Россіи. Пользуясь услугами послѣднихъ, Редакція имѣетъ возможность сообщать своимъ читателямъ посредствомъ корреспонденцій и телеграммъ всѣ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ: законодательнымъ, административнымъ, экономическимъ, финансовымъ и проч.

Сообщенія изъ столицъ доставляются намъ теперь спеціальными столичными корреспондентами и потому приходятъ 1-2 днями скорѣе, чѣмъ въ прежнее время. Сообщенія эти печатаются въ «Кіевской Газетѣ» ежедневно подъ рубрикой «Столичныя вѣсти».

Въ виду крайней неполноты и несвоевременности сообщеній «Россійск. Телеграфн. Агенства», Редакція вошла въ сношеніе съ ново-организованнымъ при министерствѣ финансовъ «Торгово-Телеграфнымъ Агенствомъ», телеграммы котораго отнынѣ регулярно будутъ помѣщаться въ «Кіевской Газетѣ» и, такимъ образомъ, читатели своевременно будутъ оповѣщены о всѣхъ выдающихся событіяхъ какъ внутренней жизни Россіи, такъ и заграничной. Кромѣ того, въ «Кіевской Газетѣ» будутъ ежедневно печататься котировки С.-Петербургской биржи по телеграфнымъ сообщеніямъ Торгово-Телеграфнаго Агенства.

Выписанная нами ротационная машина, печатающая до 12 тыс. экземпляровъ въ часъ, даетъ возможность намъ своевременно выпу-

скать газету и помещать въ ней тѣ новости и телеграммы, которыя получаютъ даже поздней ночью.

Имѣя въ виду дать читателямъ беллетристическій матерьялъ для чтенія, Редакція рѣшила выпускать особія литературныя приложенія къ «Кіевской Газетѣ», въ которыхъ будутъ помещаться стихотворенія, очерки, рассказы, какъ оригинальные, такъ и переводные, а также очерки русской и заграничной жизни. Кромѣ того, въ приложеніяхъ будутъ помещаться рисунки, касающіеся современнымъ событіямъ, и портреты выдающихся дѣятелей. Приложенія будутъ выпускаться еженедѣльно, съ особымъ счетомъ страницъ: Изъ нихъ составитъ за годъ полный экземпляръ иллюстрацій въ 52 тетради.

Такимъ образомъ въ 1904 году каждый подписчикъ «Кіевской Газеты» получитъ: 1) Ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ. 2) 52 №№ Еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ литературно-художественныхъ приложеній.

Стремясь постоянно расширять кругъ своихъ сотрудниковъ, редакція пригласила къ участию въ газетѣ новыхъ лицъ. Въ 1904 г. въ «Кіевской Газетѣ» будутъ принимать постоянное участіе слѣдующіе извѣстные столичные литераторы и журналисты: А. В. Амф—тровъ (И. Л. Иксъ), К. С. Баранцевичъ, П. В. Быковъ, П. И. Вейнбергъ, М. В. Крестовская, В. С. Лихачевъ, Лоло (Л. Г. Мунштейнъ), М. А. Лохвицкая, А. А. Луговой (Тихоновъ), Ѳ. Ѳ. Тризонеръ (Мечтатель), Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

Въ 1904 году всѣ подписчики «Кіевской Газеты» будутъ по-прежнему пользоваться правомъ получать въ театрѣ «Соловцовъ» на спектакли драматической труппы М. М. Глѣбовой билеты по значительному уменьшеннымъ цѣнамъ,—разъ въ недѣлю, въ дни, указанные дирекціей театра.

Условія подписки съ доставкой и пересылкой: на годъ 9 р., на 9 мѣс. 7 р. 10 к., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 70 к., на 1 мѣс. 1 р. Безъ доставки: на годъ 8 р., на 9 мѣс. 6 р. 20 к., на 6 мѣс. 4 р. 40 к., на 3 мѣс. 2 р. 40 к., на 1 мѣс. 90 коп.

Годовые подписчики, желающіе воспользоваться разсрочкой, вносятъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюля 3 р. Подписка на 1904 годъ и объявленія принимаются: 1) въ Главной Конторѣ и 2) въ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ. Заграничные подписчики къ подписной цѣнѣ приплачиваютъ за каждый мѣсяць по 60 коп. За перемѣну адреса 40 коп., причемъ необходимо сообщать заблаговременно прежній и новый адресы. Ѳ каждой перемѣнѣ адреса просить сообщать отдѣльно. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не датѣ, какъ до конца года.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: Кіевъ, Владимірская ул., № 34. Телефонъ № 1276.

Издатели: С. Я. Бодановъ, А. Ф. Френкель. Редакторъ А. Ф. Френкель.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозныя, правовыя и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одежды, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Кіевская Старина“ будетъ выходить въ 1904 г. по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ 1-го числа каждаго мѣсяца книжками въ 14 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1904 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками, **10 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣсть **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**, Троицкая площ., Народный домъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ **„Кіевской Старины“** (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры **«Кіевской Старины»** за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901 и 1902 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги журнала по 1 р.

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**